

По итогам областного
литературного конкурса

СЛОВО
О ЧЕЛОВЕКЕ
ТРУДА

По итогам областного литературного конкурса

Слово
о Человеке
Труда

город Курган

2019

84(2Рос-Рус)6

Слово о Человеке Труда. Стихи, проза, публицистика. – Куртамыш; ООО «Куртамышская типография», 2019. – 366 с.

Коллективный сборник “Слово о Человеке Труда” создан по итогам областного литературного конкурса с одноименным названием. В нем приняли участие 49 человек из 13 районов области и города Кургана.

12 октября 2018 года в Курганской областной универсальной научной библиотеке им. А.К. Югова состоялось подведение итогов конкурса и названы победители. Остальные авторы были поощрены дипломами участников конкурса.

При изготовлении обложки использовано фото скульптуры Веры Мухиной “Рабочий и колхозница”.

Произведения членов писательской организации не оценивались.

*Книга издана за счет средств
Правительства Курганской области*

ISBN 978-5-98271-283-7

© В. Филимонов, 2019

© ООО “Куртамышская
типография”, 2019

АГАФОНОВ Юрий Петрович

Уроженец Шатровского района. Работа в средствах массовой информации - с 1963 года. Общий стаж газетной работы - 40 лет (1963-2003). В Союзе журналистов СССР (России) с 1967 года. В Российском Союзе профессиональных литераторов с 2000 года. Сотрудничая с Курганским ДОСААФ написал и издал для этой организации две книги: «ОСОАВИАХИМ-ДОСААФ-РОСТО. Традициям верны» - к 80-летию этой организации, «Рожденные летать» - об уникальных способностях и талантах авиационных специалистов и авиационных спортсменов Курганского авиаспортклуба. Одним из самых ярких спортивных дарований не только российского, но и мирового уровня является наша замечательная землячка Светлана Капанина. Юрий Петрович делится воспоминаниями об их встречах.

НЕБЕСНАЯ ЛАСТОЧКА

Впервые я познакомился с ней в сентябре 1999 года. Мы готовили к выпуску первый номер только что учрежденной газеты “Патриот Зауралья” – печатного издания областной организации РОСТО. Мы – это я и зам председателя областного совета РОСТО по организационно-массовой работе Анатолий Ефимович Католик. Неожиданно в комнату вошла девушка. Анатолий Ефимович по-военному встал. Встал и я.

– Знакомьтесь, наш новый редактор, – представил он меня незнакомке.

Девушка бросила любопытный взгляд, шагнула навстречу и протянула руку:

– Светлана.

Потом что-то спросила у Католика и ушла. Красивая, стройная, оба-

тельная, с копной светлых шелковистых волос – все при ней, ничем Бог не обидел.

– Наша звезда, – с чувством нескрываемой гордости сказал Анатолий Ефимович. – Двукратная абсолютная чемпионка мира по высшему пилотажу, абсолютная чемпионка Всемирных воздушных игр, серебряный призер Европы...

– Так это и есть Капанина? – я слышал о ней, но раньше не видел.

– Да, – подтвердил Католик.

Первую заметку о Капаниной в планируемый сентябрьский номер мы напечатали под заголовком “Царица неба”, которая начиналась словами: “Если эту милую хрупкую женщину случайно встретишь на улице, никогда не подумаешь, насколько богат и солиден груз ее спортивных титулов, званий, наград...” Но мы и предположить не могли тогда, что многие ее спортивные достижения еще впереди.

25 мая 2001 года мы опубликовали в нашей газете “Положение о Всероссийском конкурсе на лучшее журналистское произведение об оборонном Обществе (ОСОАВИАХИМ – ДОСААФ – РОСТО)”. И сразу же активно и целенаправленно приступили к делу – в каждом номере рассказывали о передовом опыте первичных организаций, о лучших профессионалах своего дела (специалистах, спортсменах), приглашали к разговору авторитетных, равнодушных читателей. Газету регулярно отправляли в ЦС РОСТО. И уже в январе 2002 года в Москве, в Центральном Совете РОСТО, состоялась церемония вручения дипломов лауреатам конкурса, посвященного 75-летию оборонного Общества. Газете “Патриот Зауралья” присуждено первое место среди досаафовских газет, а мне, как ее редактору, – Диплом первой степени и денежная премия. Председатель ЦС РОСТО генерал-полковник Алексей Иванович Анохин, характеризуя выдающихся спортсменов, назвал в их числе имя нашей курганской спортсменки Светланы Капаниной и, обращаясь ко мне, предложил написать о ней очерк для будущей книги “Отчизны верные сыны”, что я с благодарностью принял и очерк под названием “Легендарная Капанина” увидел свет.

Стал собирать о Капаниной данные биографии, прослеживать ее

**В небе -
Светлана Капанина**

непростой и нелегкий путь к звездам. Родилась Светлана Владимировна Капанина в городе Щучинске (известен как курорт Боровое, Казахстан). В школе занималась спортивной гимнастикой. Уже к шестому классу являлась кандидатом в

мастера спорта, а по отдельным упражнениям выполняла нормативы мастера. Могла бы сделать неплохую карьеру. Все данные имела. Но это было не ее призвание. Подсознательно, боясь признаться самой себе, она мечтала о подвигах в образе бойца спецназа, об овладении приемами карате, о прыжках с парашютом. Она была уверена: только человек сильный, мужественный, умеющий преодолевать страх, может выработать в себе силу воли, характер и добиться в жизни чего-то стоящего. Вскоре такая возможность появилась. Поступив в Целиноградское медицинское училище, Капанина записалась в городской аэроклуб ДОСААФ, в парашютную секцию. В 1987 году, получив специальность фармацевта, по распределению приехала в Курган. Работала в аптеке железнодорожной больницы. Навела “мосты” с Курганским авиаспортклубом.

За штурвал она сядет через год, в 1988-м. Но этот год покажется за три. Не потому что будет медленно тянуться время, а потому что слишком суровым окажется вступительный экзамен в авиацию. Принимать экзамен будут все ее друзья-одноclubники, но особенно строго – ее первый летчик-инструктор Николай Александрович Голубцов и ее первый спортивный тренер Леонид Аркадьевич Солодовников. Больше всех достанется от тренера. Разглядев в честолюбивой, настойчивой, принципиальной и, безусловно, талантливой девчонке “бо-

жий дар”, он не стал форсировать события, распинаться комплиментами, а решил, что называется, вывернуть ее наизнанку. Ради этого не прощал ей ни малейшей ошибки в пилотировании, ни малейшей невнимательности в контроле за приборами, ни малейшего отступления от летных правил. Понимал и напоминал: человек может простить любую ошибку, а небо – никогда.

...2006 год. На празднование 15-летия образования (реформирования) РОСТО прибыла Светлана Капанина. На родном аэродроме Логовушка, управляя спортивным самолетом Як-52, к неопишуемой радости собравшихся продемонстрировала ряд сложных фигур высшего пилотажа.

После показательных полетов я встретился со Светланой Капаниной в кабинете начальника Курганского авиаспортклуба и попросил ответить на вопросы, которые касались не только авиации и спорта, но и бытовых, жизненных проблем, которые всегда, как правило, остаются “за кадром”. Светлана отвечала охотно и откровенно, и в этом ей помогал маленький сын Пересвет, что сидел на коленях у мамы.

– *Света, судя по твоему настроению и блеску в глазах, ты приезжаешь в Курган с большим удовольствием. Что связывает тебя с этим городом?*

– Курган – это моя лётная родина. Здесь я впервые обрела крылья и ощутила радость полета. Мне очень грустно, что пришлось отсюда уехать. Так сложилась ситуация. Но всегда хочется сюда вернуться к своей юности, к друзьям.

– *Кто они, твои близкие друзья, если не секрет?*

– Друзей у меня много. До сих пор помнят, поддерживают. Игорь Семенов со своей семьей, Игорь Приходько, Забалуевы, Никитины... Семенов – это мощная группа поддержки. Полностью ведет хронометраж, я не знаю, сколько у меня медалей, а он знает. Всегда позвонит, поинтересуется. Мы с ним знакомы еще по общежитию, когда я приехала в Курган, мы вместе жили в общежитии. Очень долгое время помогал Большаков Валерий Дмитриевич, бывший директор авиапредприятия. До сих пор звонит, поздравляет с днем рождения. «Синтез» долгое время помогал, я всем им от души благодарна.

– Поскольку ты – королева неба, у королевы должно быть и королевское общество, Какое у тебя окружение?

– Смотря с какой точки зрения посмотреть на этот вопрос. Если это высшие чины, то в моем окружении их не так много.

– Немного, но есть?

– Да, встречаются.

– Ты здесь жила в общежитии, а теперь живешь и работаешь в Москве. У тебя там квартира? Службная или личная?

– Личная. Я за нее рассчитываюсь: фирма Сухого мне дала ссуду, помогает ее постепенно списывать.

– Что значит твое место в ОКБ им. Сухого? Кто ты там есть?

– Я летчик-инструктор. Я не испытатель, хотя закончила школу испытателей – в теории, но не дошло дело до практики. Не нашлось денег на практику. Не получила корочки.

– Корочки это дело времени?

– Да, получить могу. Но в принципе мне это не надо. Просто была такая программа, которая предусматривала испытание спортивной техники. Но сейчас на этом направлении затишье, может, если только в будущем сдвинется в лучшую сторону производство наших спортивных самолетов.

– Дни не те, что прожиты, а те, что запомнились... Сколько таких дней было в твоей жизни? Это как вехи, как маяки? Самые памятные из них?

– Самые памятные – это 21 августа 2002 года – рождение Пересвета, и второй – это 5 июня 2004 года – рождение Есении.

– Немного о своей семье: дети, муж, родители?

– Сильно рассказывать не хочу о семье. Есть папа, мама, сестры, братья, детишки. Мама сейчас в Белгороде, папа – в Свердловске... пока. В общем, они не живут вместе. Лучше этой темы не касаться.

– Планирование семьи: пока двое детей. Сколько будет всего?

– Сколько будет, я не знаю. Всегда мечтала о троих. Там видно будет. Но пока тяжеловато.

– Мода: одежда, обувь, прическа и т.д.?

– Больше люблю классику. Стили разные, но у меня просто нет

возможности и времени сходить в парикмахерскую и делать прически. Так же и с модой та же самая проблема... По магазинам ходить некогда, а насчет своего стилиста... сегодня дороговато. Я, конечно, предпочитаю одежду, когда шьют индивидуальным пошивом.

– *Распорядок дня – с утра до вечера?*

– Беготня, беготня, беготня. Дети, тренировки, уборка, стирка.

– *У тебя нет домохозяйки, няньки, гувернантки?*

– На это тоже нету денег. Все мама - в одном лице.

– *Светская жизнь: балы, выходы в свет, театры?*

– На это нет времени. На балы никогда практически не приглашали. Поэтому на балах я не бывала. С удовольствием бы съездила куда-нибудь на бал. А театры... мечтаю. Походить везде, посмотреть. Но на это нет времени. Особенно сейчас, когда маленькие ребяткишки.

– *У тебя в Москве есть свой модельер типа Зайцева?*

– (Смеется). Типа Зайцева нету – у меня таких денег нет. Когда у меня будет такой спонсор, типа Зайцева, я, конечно, буду в восторге.

– *Достигла ли в жизни всего, что хотела?*

– Нет, не все.

– *За далью – даль, за горизонтом - горизонт. Что сейчас в планах?*

– Пока я летаю, мне хочется удержать свой женский кубок. Если в глобальном плане, то мечтаю посоперничать с мужчинами и победить в абсолютном первенстве. Была первой в отдельных упражнениях, а в абсолютном – один раз была второй и один раз третьей.

– *Твои спортивные планы?*

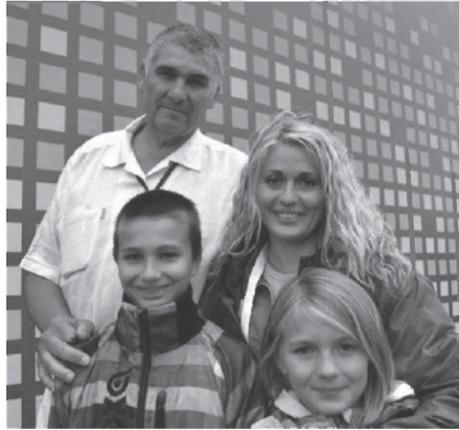
– Ой, грандиозные!

– *Если можно, расшифруй.*

– Хотелось бы принять участие в соревнованиях, которые проводит Аэрорэс. Очень интересные соревнования. Это – гонки на самолетах по времени. Они проходят по всему миру, несколькими этапами. В принципе попасть на них мне несложно: по условиям должна быть абсолютная чемпионка, звание это у меня есть. Сложность в другом – в самолете. По условиям у летчика должен быть свой самолет. У меня его нет.

– *Мысли об авиации? Твои мысли?*

Когда все вместе...

– Сегодня в нашей стране спортивных самолетов нет. Если в Америке более 150 самолетов, наших, российских, то у нас, считаю по пальцам, 8-10-12 самолетов на страну!

Единственное, на что надежда, это пришел новый председатель ЦС РОСТО (ДОСААФ) А.С. Стародубец, с виду человек болеющий за это дело, и мне так кажется, под его руководством РОСТО обретет новую силу и вернет себе старое доброе имя. И очень надеюсь, что наши ребяташки опять залетают бесплатно и свободно, как это было раньше.

– *Авиашоу – это оттачивание мастерства или дополнительный заработок?*

– Шоу – это не оттачивание мастерства. Это вообще очень сложный вид полета. Нужно оттачивать мастерство на подготовке к шоу. Потому что шоу, как правило, низкие высоты, пилотаж под музыку – грация, элегантность, изящество. Это – Кубок мира. Это совершенно другой вид полета. Дополнительный заработок... это, конечно, да. Просто на сегодняшний день мы очень мало летаем на шоу – один-два полета в год. На шоу нужен свой самолет. У нас сейчас в стране самолетов нет.

– “Су” твоя фирменная – это не машина?

– Это – машина. Но у нас сегодня всего три машины. Нам дали их на чемпионат мира, они отлетали свой ресурс, сейчас они стоят, их будут ремонтировать – до следующего чемпионата.

– *Как наши самолеты Су попадают в Америку? Мы их продаем?*

– Ну, конечно! Они их покупают. Наши самолеты еще до сих пор лучшие в мире. У нас до сих пор команда – сильнейшая в мире. Но средний возраст нашей команды уже за 40 лет. Молодых нет, сзади никого нет. И на замену ставить нечего. Наша команда – сильнейшая в мире, но держится на старой школе, на старой закваске. Это заслуга еще старого тренера Нажмутдинова.

– *В каких странах, Света, ты побывала?*

– Испания, Италия, Франция, Люксембург, Америка, Турция, Англия, Китай, Япония, Бельгия...

– *Мысли о других странах, народах?*

– Там другой уровень жизни, по-другому живут. Многие спортсмены имеют частные самолеты. У нас тоже к этому идет, но нам до этого еще далеко. Потребуется слишком много времени. Хорошо живут французы, их (спортсменов) поддерживает государство. Это наши основные соперники. И очень сильно поддерживают их военные: в команде спортсмены находятся как бы на военной службе. У нас ведь тоже так было. Они просто переняли нашу систему подготовки спортсменов, формирования команды, наш опыт. Сейчас у них тоже некоторое затишье, хотя в принципе они каждый год привозят новичков.

– *Твоя спортивная школа?*

– Все, что у меня есть, – от Солодовникова и Голубцова. Их школа – на всю жизнь.

– *Насколько авторитетна Курганская школа?*

– Нашей, Курганской, школе было и тогда и сейчас все подвластно.

– *Спортивный порог когда наступает?*

– Закат? Это зависит от разных факторов. Прежде всего, здоровье. Будет здоровье, можно творить дела и чудеса. Второе – физические возможности. Третье – свой личный потенциал – можешь ли ты еще что-то сделать или же ты себя уже исчерпал. У нас в спортивной авиации нет потолка.

– *Кто твои основные конкуренты в мире? Планы на будущее?*

– Основные конкуренты – французы и американцы. Причем, хочу подчеркнуть, мировая конкуренция очень добрая, доброжелательная. Планы на будущее – летать! Пока мое место – в самолете.

**Президент России
Владимир Путин
вручил
Светлане Капаниной
орден Мужества**

– *Веришь ли ты, что есть
Всевышний?*

– *Я верю, что что-то есть
там, за облаками.*

– *Знаком ли тебе страх?*

– *Только дураку неведом страх. Когда за тобой дети, начинаешь
оглядываться, осторожничать. Дети есть дети...*

– *Твое отношение к спорту?*

– *Мой девиз: всегда быть в спортивной форме. В детстве занима-
лась спортивной гимнастикой. Сейчас нравится художественная. С
возрастом меняются взгляды и пристрастия.*

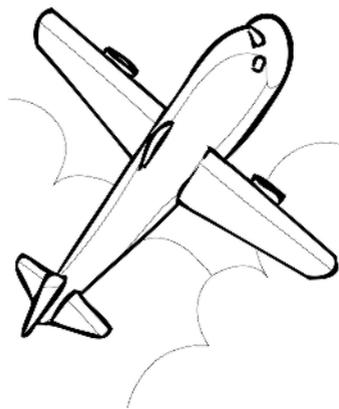
– *Ближайшие перспективы, спортивные планы?*

– *Во Франции организуется женская пилотажная группа (жаль, что
не в России!). Хотелось бы, чтобы это было в России. Но... помочь
французам – помогу...*

*Прошли годы... Сегодня наша именитая землячка награждена ор-
денами Мужества (2014), Почёта, «За заслуги» всех степеней от
ДОСААФ, многими медалями. Она абсолютная чемпионка мира сре-
ди женщин (1996, 1998, 2001, 2003, 2005, 2007, 2011), абсолютная
чемпионка Всемирных воздушных игр среди женщин (1997, 2001), аб-
солютная чемпионка России среди женщин (1991, 2001), чемпионка
СССР по высшему пилотажу среди женщин (1991), абсолютная чем-
пионка Европы среди женщин (1997, 2006, 2014), тридцатикратная
чемпионка мира в отдельных видах программы среди женщин (1996,*

1998, 2000, 2001, 2003, 2005, 2007, 2009, 2011, 2013), восьмикратная чемпионка Всемирных воздушных игр среди женщин (1997, 2001), четырнадцатикратная чемпионка Европы в отдельных видах программы среди женщин (1997, 2006, 2014). Светлана Капанина обладатель 67 золотых, 26 серебряных, 13 бронзовых медалей чемпионатов Мира, Европы в женском зачёте и Гран-при Международной авиационной федерации.

Это ли не труд во славу Родины!

АКСЕНОВ
Николай Алексеевич

Народный поэт из села Митино Кетовского района. Автор стихов, на которые написаны десятки песен. Член Союза писателей России. Автор девяти сборников стихов и прозы.

Он говорит, что поэт -
это тоже профессия!

ДО ПОБЕДЫ

Не заладилась наша судьба,
Стали серыми дни золотые.
Непосильною стала борьба
За тебя, дорогая Россия.

Нас, поэтов, не слышит никто:
Обыватель ведет разговоры
О деньгах, о квартирах, авто
И про то, чем же заняты воры.

Только я до сих пор не сдаюсь,
В обывательском взбалмошном гаме –
Лучезарная добрая Русь,
Окруженная нынче врагами.

И несется мой яростный крик
Про твои, моя Родина, беды,
Я в бою отступать не привык,
Я все время борюсь до победы.

* * *

Ткёт узор над красной колокольней
Голубей игривая семья.
Я с годами в мыслях стал спокойней,
Но в суждениях так же резок я.

Мне, как птицам, в небо не подняться,
Не взлететь на трепетном крыле.
Я прирос с киркою словознатца
Вечной пуповиною к земле.

Здесь ищу я чистые истоки
Средь камней, корней и серых мхов,
Здесь ищу я искренние строки
Для своих рассказов и стихов.

Я – не голубь сизый, я – не птица,
Я – в земле копающийся крот.
Лишь душа моя всегда стремится
С той земли отправиться в полёт.

И воздушно вместе с голубями
Без земной привычной суеты
Побывать над храмом, а не в храме,
Посмотреть на землю с высоты.

НЕ НАВРЕДИ

Не навреди! – себе твержу я,
Сумей в душе добро сберечь.
Не зря в своих руках держу я
Надежный щит и острый меч.

Твержу себе я эту фразу
На трудной ниве бытия.
Надежный щит мой – светлый разум,
А меч – поэзия моя.

Не навреди другим рукою,
Порой безжалостна рука,
Не навреди другим строкою,
Сильнее плетки бьёт строка.

Не навреди блудливым оком,
О себялюбии забудь.
И в нашем времени жестоком
К другим жестоким ты не будь.

Так в этой жизни окаянной
С горячей верою в груди
Твержу себе я постоянно:
«Не навреди! Не навреди!»

ПОЭТ

В компании поэт косноязычен:
Бубнит он за столом о пустяках,
И голос у него совсем не зычен,
И белые колечки на висках.
Он водку пьет и запивает пивом,
Из ложки шумно втягивает суп,
И на лице поэта некрасивом
В смешке кривятся две полоски губ.
Себе на брюки он роняет крошки,
Поет угрюмо про опавший клен
И врет сидящей рядом с ним бабешке
О том, как он давно в нее влюблен.

Издателей он попрекает гневно,
Ругает матом «подлые верхи»...
Так почему ж пронзительно душевны
Его, как слезы, чистые, стихи?

БОЯЗНЬ

«... Как страшно в былое свое оглянуться».
Андрей Дементьев.

Сквозь разноцветный бархат революции,
Что напоил свободой допьяна,
Не страшно мне в былое оглянуться,
Когда была единою страна.
Я не скажу, что мы богаче жили,
Что жили, друг на друга не ропща,
Но мы тогда народами дружили
И боль обид умели мы прощать.
Помои друг на друга мы не лили,
Не рушили соседских очагов.
Жаль, что страну такую развалили
При глупой власти происки врагов.
Они стоят вокруг с улыбкой друга,
Но тянут руки к нашему рулю,
Чтоб затянуть решительно и туго
На нашей шее мертвую петлю.
Шелка снегов и зорь весенних ясность,
Простор полей – Россия, наша мать,
Грозит тебе смертельная опасность,
И это каждый должен понимать.
Все ближе подступает время злое.
Будь начеку, моя родная Русь!
Не страшно оглянуться мне в былое,
Я в будущее посмотреть боюсь.

Я ВЕРНУСЬ

Я напьюсь из ручья родниковой воды,
Напою из ручья верна друга-коня,
Мне споют свои новые песни дрозды,
И березка ветвями обнимет меня.

Я у белой березки без слов постою,
Задохнусь от восторга в объятьях её.
В этом царстве лесном, как в небесном раю,
Переполнится нежностью сердце мое.

И, ведя осторожно коня в поводу,
От березки, что будет грустить у ручья,
Я опять неизвестной дорогой уйду,
Чтоб увидеть за далью другие края.

Но останется в памяти голос берез,
Запах ярких цветов, что так нежно медов,
Милый солнечный край, где родился и рос,
С родниковым журчаньем и пеньем дроздов.

Я объеду верхом необъятную Русь,
Много песен услышу и сам их спою,
Но, как ветренный сын, непременно вернусь
К нашим светлым березам, дроздам и ручью.

ДОЛЯ

Ах, ты, доля русская –
Наша тропка узкая,
Все мы этой тропкою
Движемся вперед,

Друг за другом тянемся,
О колючки ранимся,
И куда – не знаем мы –
Тропка приведет.

Тихие, спокойные,
Жалости достойные,
Терпим все безропотно
На своем пути,
Но уж как ни маемся,
Все-таки стараемся
С верой и надеждою
К радости дойти.

Ах, ты, доля русская,
Наша тропка узкая,
На тебя надеемся,
Что в нелегкий час
Через чащу черную
На дорогу торную
Ангелом-хранителем
Выведешь ты нас.

АЛЕКСЕЕВА
Анна Денисовна

Учащаяся 11 класса МКОУ «Кислянская СОШ», Юргамышский район. Активная участница творческих проектов, неоднократный победитель районных конкурсов юных чтецов и литературных конкурсов. Обладатель ряда дипломов и грамот. Лауреат районного литературного конкурса «Соловьевские чтения».

НЕИЗВЕСТНЫЙ МАСТЕР

Серые тучи лениво проплывали над белоснежным зданием, выложенным из обычных шлакобетонных кирпичей. Надя шла по несхощенной дороге, в воздухе витала какая-то необыкновенная свежесть. «Ещё бы, – думала она, – конечно пахнет свежестью, ведь пять утра, и не лень же людям каждый день так вставать». Этой маленькой девочке была поручена непростая проба пера в стенах деревенской фермы, до которой оставалось идти около километра.

«Интересно, когда же я приду, эта дорога нескончаемая. Вот бы сейчас просушить ноги и надеть ещё пару кофт», – устало бормотала она. Но долго ждать не пришлось, как надины ноги начали идти по протоптанной дорожке; в воздухе веяло силосом и парным молоком, а уже недалеко показался забор, весь покрытый облупившейся зелено-синей краской. Ветер раздул волосы девочки, искавшей хоть одного человека поблизости, она укуталась и пошла вперёд. Позади было поле, её оглушали возгласы коров, проносившиеся вместе с ветром. Надю ничуть это не пугало.

«Гхм, здравствуйте. Кого-то потеряли? Вы к кому пришли?» – раздался голос возле надиного уха.

«Ой, я интервью ... брать... возьму ...» – начала было оправдываться она. Но взгляд её замер на худой женщине средних лет. Её портрет было ужаснул девочку, но затем и позабыл.

У женщины были рыжие, с проседью, волосы; тело было измождённое, но веяло некой теплотой, как будто Надя видела уже где-то этот образ. И это побудило улыбку женщины, как будто она прочитала надины мысли.

«Меня зовут Вера», – изрекла дама и протянула руку девочке.

Надя слегка удивилась лёгкости походки Веры. А затем её накрыло такое приятное чувство, как будто где-то в глубине души разлили что-то сладкое и тёплое, как топлёное молоко. И невольно Надя полюбила эту женщину всем сердцем, сама этого не заметив.

«Меня зовут Надя», – опомнилась она и протянула руку в ответ.

«Пойдём, я тебе всё здесь покажу», – промолвила Вера, потянув девочку за собой.

Надя лишь кивнула в ответ.

Когда она шла сюда, у неё было острое осознание того, что привязаться к этому месту невозможно, но сейчас была уверена, что пришла не напрасно. И в эту же секунду ей показалось глупым делать какие-либо выводы, за пару минут, проведённых в стенах этого исторически-ветхого здания. Такая вот она была непостоянная.

“Это место для коров, их около двухсот; по этим трубам проходит молоко, а вон то строение для телят, они очень милые”, – с усталой улыбкой констатировала женщина.

И Надя решила начать свой опрос:

– Вам нравится работать на этом предприятии?

– Это мне даёт некую надежду на светлое будущее. Ведь я знаю, что у меня каждый день не проходит впустую. Мне это даёт какой-то стимул рано вставать, таскать тяжёлые вёдра, ухаживать за коровами. Я уверена, что делаю всё верно. Ведь я такой же патриот, как и люди, которые кричат об этом повсюду, только я тихо. Их запомнят, а меня – нет; но в душе остаётся гордость неизвестного мастера. Ведь делать свою работу с любовью – мастерство. И вы спросили меня, нравится ли мне это; и я с уверенностью могу ответить: «Конечно!»

– Что сподвигло вас прийти именно сюда?

– Если быть честными, то сначала ради работы, а потом я привязалась к этому. Я люблю каждую корову, ценю её, как живое существо, имеющее все права на жизнь, как и мы все. Работа эта, конечно, не творческая и не раскрывает всех твоих талантов. Хотя, попробуйте придумать пятьдесят имён для коров на одну букву. Ох, это не так-то просто! Имена дают доярки своим коровам, получая новое поголовье. Представьте только: телят выращивают, пасут, а потом загоняют в такие вот фермы, где они не увидят свободы, не побегают по лугам, ветер не будет больше так игриво обдувать их глупые мордочки, где после свежего сена им дают сенаж. У меня всё время сердце кровью обливается, когда я вижу молодых коров. Эта работа заставляет о многом задуматься. Но с другой стороны мы обеспечиваем большое количество людей мясом и молоком. Сколько бы не было минусов и плюсов, ты всё равно начинаешь привязываться к этой работе.

– С чего вы начинали работу? И с какими трудностями вы сталкивались?

– Трудности есть везде, всего и ни припомнишь. А первые дни я помню наизусть, как будто это было вчера, а этот последующий день всё тянется и тянется... Начинать было сложно, всё пугало: эти машины, всё время гремящие; этот кислотный запах, перемешанный с гумусом; холодные дни и ветер. Я сильно боялась коров. Раньше они мне казались очень опасными животными. Но привыкла всего за неделю: коровы стали как родные, я начала чувствовать насколько им тяжело. Но кому легко в наше время?

«Спасибо вам большое, – сказала Надя и выключила диктофон, – вы великая женщина!»

«Каждый в этом мире велик, но не каждый благоразумно пользуется своим величием», – это была завершающий фраза женщины, которая спешила на работу .

И девочка, глядевшая ей вслед, не смогла сдержать слёз.

«Я буду приходить к вам каждый день», – вертелось в голове у Нади. А сама она, не могла отвести глаз от тяжёлой походки, уже не молодой женщины. Изначально, казавшаяся лёгкой, походка Веры, как-то

сильно постаревшей за эти минуты, теперь казалась тяжёлой, как будто каждый шаг давался огромным старанием.

«Я вернусь», – шепнула Надя, уходя. И эта мысль была точной, девочка ни на секунду не сомневалась в этом.

И вдруг Надя вспомнила где она видела этот образ. Источник её дежавю – это былины про русских богатырей, которые канули в вечность, но не были забыты народом. А почему мы не помним имена таких простых людей, мастеров, любителей своего нелёгкого дела?!

Ответ каждый сможет найти только в себе, ведь память народная может зависеть от одного человека, всего раз с жадностью исписавшего потрёпанный лист бумаги, но навсегда оставивший след в памяти людей.

Надя нехотя шла домой, ветер уже не казался ей таким холодным. Её давило небо, она знала, что не сможет теперь отпустить это чувство никогда, ведь только теперь Надя поняла настоящую суть труда. И ей уже не важно сдать интервью, Надю волнует, о чём же сейчас думает тот, неизвестный всему миру, мастер...

АХТАМЯНОВА
Людмила Геннадьевна

Автор четырех сборников рассказов и стихотворений. Главное амплуа - литературная критика. Ею написаны десятки критических статей, в которых автор, по общему признанию, демонстрирует глубокое знание предмета. Член Российского союза профессиональных литераторов с 2004 года.

«ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ РОМАН» XXI ВЕКА

Писатель Захар Прилепин в одном из недавних интервью посетовал, что жанр производственного романа ныне совершенно забыт. Это не так. Роман Владимира Масляева «С осени до весны» (опубликован в 2012 году) в определенной мере можно считать производственным романом.

Роман состоит из трех частей, которые писались в разные годы: первая – в 1980-е, вторая – конце 1990-х, третья – в начале 2000-х. Это наложило свой отпечаток на содержание. Как признался автор, «справиться с первой частью сейчас мне было бы затруднительно». Действительно, 1980-е годы уже далеко, и то, что схвачено тогда «по горячим следам» имеет сегодня особую ценность.

Временные рамки романа – период с 1984 по 2001 годы, – время, по общему признанию, переломное. Особый интерес представляет место действия – город Ярск, в котором нетрудно узнать наш родной город Курган. Узнаваемы в романе наши заводы, узнаваемы заводчане. Таковы Вера, Ольга, Валентин, Вадим и другие. Сейчас, по прошествии 30-ти лет, кажутся диковинными интересы, которыми жили эти люди: производственные планы, социалистическое соревнование,

комсомольские мероприятия, выборы в Советы народных депутатов... Коллективистские принципы снизу доверху пронизывали все общество: «В цехах на самых видных местах алели плакаты: «План – закон...» И жизнь бригады, цеха, завода подчинялась этому закону изо дня в день, с первого по тридцать первое, а если надо – и по «тридцать второе» число». Как мало тогда думали о себе!

Автор мастерски описывает нюансы технологического процесса, работу станков и машин крупного оборонного предприятия: «Вот резцы и сверла в рабочей зоне подрезали, проточили, просверлили желтый металл, и тут же сверху, подобно ножу гильотины, падал резец, обрубал горячую головку прутка. Поливаемая янтарной струей сульфозола деталь валилась в колоду, а в узеньком отверстии цанги уже золотисто поблескивал кончик другой заготовки. Тело прутка надежно держал зажим; хвост, будто агонизируя, бешено колотился в трубе. Оттого и грохот здесь стоял невообразимый». В восьмидесятые годы на предприятии трудилось третье поколение заводчан, и внуки «детей войны» «с удивлением взирали на консервативные заводские порядки».

Уже скоро читатель начинает сознавать, что перед ним – отнюдь не картины из жизни энтузиастов первых ударных пятилеток. Герои романа часто говорят одно, а делают совсем по-другому. Кое-кто (Ольга, Вадим, Лысков) не скрывают разочарования советской действительностью: «Ты радио «Свобода» послушай. Там Сева Новгородцев, наш землячок, доходчиво объясняет: мы перед Западом – дикари». Становится ясно: духовные скрепы советского строя безнадежно ослабли, все поразительным образом пришли к пониманию необходимости больших перемен.

И вот перемены пришли (часть вторая): «Кто вчера помалкивал, распустил язык, кто беззаботно смеялся – заплакал. Перемены ждали как дождя в безводной степи. Гроза пришла как по заказу, и ливень пролился свинцовый. В грязи, в кровянице и гноище лежала преданная и проданная обезумевшими сынами страна». Эти-то перемены начала 1990-х и развели в разные стороны бывших друзей и подруг. Если раньше они плыли по течению жизни в одной общей лодке, то теперь

в распоряжении каждого оказалось вооруженное судно, – и жизнь стала похожей на бой. Кульминацией гражданского противостояния стал учиненный Борисом Ельциным разгон Верховного Совета и расстрел Белого дома из танковых орудий осенью 1993 года. Художественному описанию этой трагедии автор отвел немало страниц. Многие из подмеченного тогда (вторая часть романа написана в 1997-1998 гг.) обрело свою актуальность сейчас. Вот диалог защитников Белого дома о низости одного из нынешних «правдоборцев»: «Поющие проститутки повывлезали. Маккартни доморощенный гавкал вслед за Гайдаром: коммуно-фашисты под красным стягом всем нам готовят террор. Вставайте, люди!» – «...Недаром в старые времена лицедеев за забором кладбища зарывали». – «В старые времена Маккар бы не вякнул. А если бы вякнул – спознался бы с гнилым помидором... Услаждал бы пением только подобных себе». – «Да куда ему до Маккартни! Пол, между прочим, Советский Союз уважает. Не то, что этот – паскудный ельцинский клоп!» – «Эх, русские! Все-то они прощают...» Читатель видит: защищать Белый дом вышли простые, безоружные люди, которые с болью в сердце воспринимали разграбление и поношение своей Родины.

– В третьей части романа описываются события нового века – выборы губернатора, в центре которых оказалась главная героиня – Вера Воронова. Заканчивается роман трагической сценой гибели мужа Веры – Валентина. И все же безнадежно мрачным финал романа не назовешь. Заключительная глава исполнена веры в торжество вечной жизни и вечной любви. «Нашему поколению, – прочла Вера в дневнике погибшего мужа, – выпало встречать весну своей юности, когда страну охватила нежданная злая осень. Теперь во мне живет надежда, что на осень моей жизни придется долгожданная весна моей любимой страны...» В начале 2000-х годов автор предчувствует новые, благотворные перемены – те, которые Россия переживает сейчас.

Как удались автору характеры героев романа?

В начале произведения главная героиня – Вера предстает перед читателем 21-летней девчонкой, в заключительных главах она – 37-летняя женщина, мать двоих сыновей. Бескомпромиссная, решительная

и вместе с тем совестливая натура Веры не позволяет ей безоглядно стремиться к сытой, гламурной жизни, а обостренное чувство справедливости постоянно терзает душу, не позволяя почить на лаврах. «Благодаря простым людям я стала тем, что я есть, – взволнованно говорит Вера мужу Валентину. – Получила все, о чем может мечтать женщина... Когда выдвигали, выбирали меня, одну из тысяч, многие надеялись: Вера Воронова, простая рабочая девчонка, не забудет на вершине власти о нуждах обездоленных и бесправных. Будто Бог каждодневно напоминает: не забывай, кто ты есть!» Действительно, став директором завода и депутатом, Вера не забывает о тех, кто помог ей выйти в люди – простых работниках-заводчанках. Ей-Богу, об этих женщинах, плечи которых десятилетиями подпирали грандиозное здание нашей промышленности, к месту сказано доброе слово. О них, положивших почти всю жизнь на дело строительства социализма и уже перед пенсией узревших прелести буржуазного «рая», в романе сказано так: «А женщины пели все громче. Лица их просветлели, воспоминания об ушедшей молодости неизреченной грустью стояли в глазах... Что вспомнилось им? Беззаботная ли девичья юность, когда не знали слова «проблемы», когда много делалось и немало сбывалось, когда все горело в руках? А может, вечерняя танцплощадка, длинноволосые гитаристы на эстраде, стайка закадычных подруг у ограды и – он, впервые взявший ее за руку по случаю «белого танца»? Или их свадьба: с суетливым гомоном разухабистых свах, цветными лентами и куклою на капоте автомашины, канатом, натянутым перед подъездом для выкупа «молодой», театральным похищением и счастливым вызволением невесты и – баяном, под который, забыв о магнитоле, пели-плясали все гости. Как давно... как недавно все это было!»

И все же, в сущности, Вера – прежде всего женщина, которой свойственны слабости и ошибки. И главной ее ошибкой стал первый брак с Вадимом, который оказался недостойным любви прекрасной любящей женщины.

Не мудрствуя лукаво, Вадима можно зачислить в отрицательные герои – за конформизм, эгоизм и трусость. Но не есть ли такая оценка

слишком упрощенной? Едва ли не каждый второй современный пятидесятилетний мужчина, юность которого совпала с «перестройкой», а молодость с ельцинскими «реформами», может узнать в Вадиме себя. Вадим – порождение своего времени – времени, «продутом насквозь «ветром перемен». Многие в те годы сломались, многие погибли, не сумев пережить жестоких ударов судьбы. Автор как бы посмеивается над своим тщеславным героем, но вовсе не зло. Вот он (в части первой романа) становится свидетелем того, как Вера (уже депутат) отъезжает от здания облисполкома на «волге»: «Вот этот-то черный «волгарь» с обкомовским номером и лишил Вадима покоя, не вытрясался из головы. Сколько раз со скрежетом зубовным он возвращался к этому эпизоду, сколько терзался и мучительно размышлял. Катают на «волге», дарят цветы как артистке. За что?! Попала в струю... А он, Вадим Лоскутников, имеет шанс очутиться в «струе»? Нет, наверное. Нет!.. Уж он бы, верно, извернулся ужом, знать бы только – что за «струя»?

Как известно, рождение положительного литературного героя – дело нелегкое. Валентин – человек талантливый, смелый, он... однолюб (большая редкость среди современных мужчин!) Валентин – человек чести. Он прост и открыт с друзьями, суров и беспощаден к врагам. Его слова не расходятся с делом. Прожив короткую яркую жизнь, Валентин погибает, спасая жену – Веру.

«Лубочный герой», – скажут некоторые. Но нигде в романе Валентин не смахивает на памятник, наоборот, предстает пред взором читателя воистину как живой. Так же, как мы, он сомневается, ошибается и страдает. Главное, чем подкупает этот герой – это полное отсутствие в нем эгоизма, что, как ржа, изъел жизнь нашего поколения. Такие люди, как Валентин, конечно, есть среди нас. Но, живя своей жизнью, вне навязанных установок и правил, они обрекают себя на вечный бой и ранний конец. Валентин погибает как рыцарь с поднятым забралом. И это не случайно. Казаков недаром называют последними рыцарями мировой истории.

Если Вадим антипод Валентина, то Ольга – антипод Веры. Ольга – дама с цепкой хваткой, она своего не упустит. Ольга хорошо разбира-

ется в людях, умеет делать деньги. «Успешная», «креативная», «гиперсексуальная» – так нынче величают подобных ей бизнес-леди. Да, Ольга многого добилась, достигла заветных высот. Но счастлива ли она? Зависть, корысть и злоба разъедают Ольгину душу. Она живет в браке с нелюбимым человеком, у нее нет детей. Как натура капризно упрямая (что весьма характерно для обретших богатство), Ольга не терпит противоречий, не признает ошибок, а за неудавшуюся судьбу виноватой назначает бывшую подругу Веру, горько сожалея, что ей «в девяносто третьем году шею... не свернули».

Следует заметить, что в описании близких отношений своих героев автор отверг накатанные схемы любовных «треугольников» и «четыреугольников». Скорее всего, в романе имеет место некий «пятиугольник»: Вера – Валентин – Вадим – Ольга – Александр Лысков, что, безусловно, является интересной творческой находкой автора.

Надо сказать, что «социалистическая действительность» автором ничуть не приукрашена (мода на это недавно возникла в отечественной литературе и кинематографе). Среди героев – инженеров и рабочих – есть как отрицательные (Сапожков, Норкин, Пашка Колотыгин и др.), так и положительные (Соломин, Валентин, дядя Леша и др.) персонажи. Всего в романе более 100 действующих лиц. Правильно «расставить» и «озвучить» такое «подразделение» героев – задача не из легких. Но автор с ней справился.

Непреходящим чувством является осознание того, что автор не пытается лукавить перед читателем – умствовать, подавляя глубиную познаний. Он сам прожил жизни многих героев: был рабочим, мастером цеха, руководителем инженерной группы, заместителем директора завода, а еще – депутатом, казачьим атаманом... Одно из главных достоинств романа – его правдивость. Роман «С осени до весны» – это гимн человеку труда. Его лейтмотив – утверждение, что только в созидательном труде человек обретает счастье, а государство крепко тружениками и энтузиастами, искренне болеющими за общее благо.

**БУЛЫЧЕВСКИЙ
Андрей Витальевич**

В 1985 году окончил Курганское высшее военно-политическое авиационное училище. Проходил службу на Украине и на Дальнем Востоке. Подполковник запаса. Помощник военного комиссара области по работе с ветеранами. Внештатный руководитель пресс-службы военного комиссариата области. Член Союза журналистов России, член Военно-исторического общества России.

ВЕРНЫЙ СЫН ЗАУРАЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ

Курганцы старших поколений, без сомнения, помнят этого человека, имя которого было широко известно не только в столице Зауралья, но и во всей области.

Анисим Родионович Калмыков родился 15 февраля 1904 года в деревне Варгаши в беднейшей крестьянской семье. Он был последним, шестнадцатым ребенком. В 7 лет остался без матери, в 14 потерял отца. Воспитывался в семье старшего брата, жившей тоже очень бедно, с ранних лет работал батраком у сельских богатеев, чтобы вносить лепту в общий котёл.

Трое старших братьев ушли на Первую мировую войну, из которых живым вернулся лишь один – самый старший из семьи Киприян. Он и принял младшенького к себе в дом после смерти отца.

Несмотря на трудности, во многом благодаря помощи старшего брата, Анисим получил начальное образование в народной школе, ибо его тяга к знаниям была огромна. И так гнул бы и дальше спину на кулаков, которые, кстати, очень ценили парня как хорошего, добро-

Боец ЧОНа 16-летний Анисим Калмыков

совестного работника, но судьбу подростка круто изменила Великая Октябрьская социалистическая революция.

При создании на селе комсомольской ячейки молодежь Варгашей единогласно избрала Анисима Калмыкова её первым председателем за его серьёзность и, в то же время, за неунывающий нрав. Затем под руководством 16-летнего Анисима началась напряженная комсомольская работа по восстановлению разрушенного колчаковцами и белочехами водопровода к железнодорожной станции Варгаши (поручение коммунистов), много усилий предпринималось комсомольцами в деле ликвидации неграмотности на селе, агитации за Советскую власть, засеивались так называемые комсомольские десятины, а полученный с них урожай распределялся среди самых бедных сельчан (себе молодежь ничего не оставляла).

За исключительно высокие достижения в работе ячейки Калмыкова избрали делегатом исторического III съезда комсомола и направили в Москву в составе Челябинской делегации. Ему довелось видеть и слышать Ленина, и он уяснил главную задачу, которую определил для молодежи вождь: «Учиться, учиться и еще раз учиться!» И не только запомнил, но и следовал ей впоследствии всегда.

Вернувшись в Зауралье, Калмыков в возрасте 16 лет вступил в отряд ЧОНа (частей особого назначения) Красной Армии, которые во взаимодействии с чекистами добивали последних белогвардейцев и банды оставшихся белочехов, подавляли кулацкие восстания. Потом была работа в комсомольских органах, учёба в Иркутском командном пехотном училище, служба в милиции. А затем Анисим Родио-

Анисим Родионович Калмыков, 1958 год

нович свыше 32 лет добросовестно трудился в органах советской юстиции, пройдя путь от народного судьи до председателя Управления министерства юстиции по ряду областей, в том числе – и Курганской. Окончил Высшие курсы усовершенствования юристов в городе Москве, постоянно занимался самообразованием.

В 1932 году Калмыков принимал участие в расследовании, а затем в организации судебного процесса над убийцами пионера-героя Коли Мяготина, и справился с задачей профессионально, а преступники понесли заслуженную кару.

Как вспоминал ветеран, годы Великой Отечественной войны, когда он вершил правосудие, были наполнены смертельным риском. Да и сами представьте, милиции почти нет – все на фронте, а уголовные элементы, пользуясь этим, чувствовали себя более, чем вольготно. В день проходило 7-8 судов над теми, кто нарушал законность – отпетыми преступниками. И здесь судья Калмыков проявлял принципиальность и точно следовал букве закона. На него не раз организовывались покушения со стороны подельников осужденных (таких же рецидивистов, у которых руки были в крови от невинных жертв), – жизнь буквально висела на волоске. Стреляли в судью возле бывшего кинотеатра «Прогресс», случилась попытка нанести удар кинжалом возле «Народного дома» (сейчас здание драмтеатра), но старый боец ЧОНа не дрогнул – ответил меткими выстрелами из штатного «нагана» – нападавшие получили своё в полной мере.

Нельзя не отметить, что Калмыкову предлагались в свое время очень важные и ответственные посты, способные вскружить голову карье-

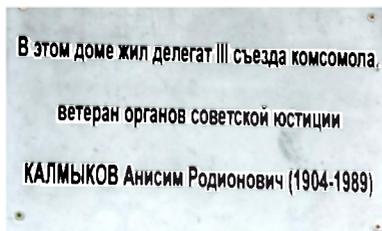
ристу совей перспективой – зам. министра юстиции Казахстана, председателя Московского горсуда, министра юстиции Латвии, председателя Хабаровского краевого суда. Но он остался верен своей малой родине – Зауралью. Да и не тот был, как человек, Калмыков, чтобы делать карьеру в угоду себе.

После ухода на заслуженный отдых Анисим Родионович не остался в стороне от общественных дел, продолжал вести активную работу по патриотическому воспитанию подрастающего поколения. Анисима Родионовича часто видели в школах, профтехучилищах, на предприятиях, в самых различных учреждениях и организациях, в Курганском высшем военно-политическом авиационном училище, где он ярко и эмоционально выступал перед аудиторией. Достаточно сказать, что всемирно известный доктор Гавриил Илизаров являлся его личным другом, а заслуженный судья – неременным и желанным участником мероприятий в его лечебном учреждении.

Не забывал ветеран органов юстиции и о своих бывших коллегах и учениках. Мало кто знает, что во многом благодаря его стараниям было построено здание, где долгое время располагался Курганский областной суд (до этого здания суда были в буквальном смысле слова разбросаны по территории всего города, что, естественно, снижало эффективность работы судей). Много сделал Калмыков и для благоустройства областного центра, неоднократно избираясь в советские и партийные органы. Вместе с женой Анной Александровной (в девичестве Ветровой, дочерью известного зауральского большевика Александра Мартыновича Ветрова) они воспитали четверых детей и восемь внуков, и все они стали достойными людьми.

Такими людьми, как Анисим Родионович Калмыков зауральцы должны гордиться и сохранять о них благодарную память.

В декабре 2014 года на доме, где жил ветеран, на улице Гоголя в г. Кургане, установлена мемориальная доска с его именем.

БУНИН
Олег Вячеславович

Заслуженный работник культуры России», член Союза журналистов и Союза профессиональных литераторов Курганской области. Награжден двумя медалями «За трудовое отличие», лауреат областной журналистской премии им. Яна Пурица. На пенсии продолжает творческую деятельность в составе районной литературной студии «Радуга».

РОДОМ ИЗ КАМЫШНОГО

Знаменитый на все века поэт России Сергей Есенин сказал о своём селе Константиново на милой сердцу Рязанщине, что оно «лишь тем и будет знаменито, что здесь когда-то баба родила российского скандального пиита». А вот наше Камышное будет во все года известно в округе тем, что здесь родился знаменитый пахарь Иван Николаевич Прокопьев.

Встретились мы с ним впервые на районном конкурсе пахарей в тогдашнем колхозе имени дважды Героя Советского Союза Г.П. Кравченко, центром которого и было Камышное. В ожидании старта рядом с исполином-«кировцем» стоял среднего роста, плечистый, с открытым ясным взглядом механизатор в зелёном комбинезоне. Вокруг шелестели листвою белоствольные берёзы, белая дымка струилась над окаймлённой ими пашней. Шли последние приготовления к старту.

И вот медвежьим басом взревели мощные дизеля. И я забыл про блокнот и фотоаппарат. Ну никак было нельзя не залюбоваться красивой, мастерской работой лучшего пахаря района (а затем, кстати сказать, и области). Как живая, взбугривалась за лемехами земля,

рассыпаясь затем этаким ровным покрывалом, ни дать ни взять взбитая перина. И тянулась вдоль загонки ровная, как натянутая струна, лента крайней борозды.

Истинный мастер – он в любом деле сразу приметный. Вам когда-нибудь приходилось видеть, как орудует топором искусный плотник? Он ведь так прогонит по лесине щепу, что и рубанок не потребуется. Со стороны кажется: чего бы проще? И до той поры кажется, пока сам не возьмёшь инструмент в руки. В народе у нас говорят: «Будет просто, когда испробуешь раз со сто».

Не первый это был конкурс для опытного механизатора. Само собой разумеется, не ударил в грязь лицом перед земляками Прокопьев, поднявшись вновь на привычную уже для себя самую высокую ступеньку пьедестала почёта.

Но разные суждения довелось услышать на кромке поля. Беседы в полевых кулуарах предельно откровенны.

– Ну, это на соревнованиях человек так выкладывается. А в обыденке гектары в первую голову. Уж по себе знаю, – убеждал кто-то собеседников.

– Да кому на ум взбрёт по тебе-то равняться, – тут же урезонивали его. – В одном ты угадал: уж как ни выкладывайся, толку немного будет, коль нет ничего за душой. Вот у Прокопьева есть чему поучиться.

Мы, дети военного лихолетья, одним миром мазаны, одной бедой повязаны. И в наших дружеских беседах – а мы с того дня подружались с Иваном Николаевичем накрепко и навсегда – нам, ровесникам, вспоминалось разное, но больше всего эти воспоминания были идентичны. И вывод был однозначным: только в труде, честном, упорном, каждодневном человек становится достойным этого гордого звания. Мы не понаслышке знали, какой ценой достаётся родителям хлеб, даже такой, какой выпекали в русских печках наши матери: чёрный, солодельй, пополам с лебедой, мы знали и ценили вкус мороженой картошки, которую помогали взрослым добывать весной из мёрзлой земли на прошлогодних посевах.

И ценили на деревне людей в первую голову потому, как они управ-

Иван Николаевич Прокопьев

ляются с крестьянской работой. Работали пацаны, подрастая, почти наравне со взрослыми. И в учёбе стремились не оплошать. В старшие классы камышинским школьникам надо было ходить в Утятку за добрый десяток вёрст. Зимой и летом. Ходили! Так надо было. Мы это хорошо понимали.

Профессией механизатора подросток, как и многие его ровесники, овладевал, что называется, не отходя от кассы. Просто был смышлëнее, настырнее, ему раньше других доверяли взрослые управление разными механизмами. В армии он был, конечно же, танкистом и там технику изучил досконально, служила она безотказно. И когда подошёл срок демобилизации, настойчиво ему предлагали: оставайся, служи, ты здесь ох как нужен!

– Нет, домой поеду, земля зовёт.

Сколько с той встречи лет промелькнуло? Не вдруг и сочтëшь. Давненько уж мы ровесники-годки на пенсии. Поседели, побелели, как земля зимой. Уж и хвори разные исподволь подбираются. Но частенько мы, отправляясь на рыбалку либо по грибы-ягоды, вспоминаем на досуге прошлое. И словно вновь переживаем былое.

– А ведь я тогда в суе не задал тебе один вопрос, ответ на который меня интересует и сейчас. Вот ты тогда в очередной раз стал чемпионом. Как сам расцениваешь это достижение?

– Как уровень профессионализма. Но не всё так однозначно. Можно, наверное, что называется, выложиться, как спринтер на короткой дистанции, добиться какого-то результата, доведя при этом вверенную технику до «прединфарктного» состояния. Но земля наша, терпеливая и заботливая, как мать, не признаёт этаких кавалерийских

наскоков. Нет, ты из года в год, повседневно проявляй упорство и мастерство. Только тогда ты – хлебороб.

Это теперь от колхоза имени Калинина остались, что называется, рожки да ножки. А тогда, когда мой друг работал здесь после переезда из Камышного, это было хозяйство высокой культуры земледелия. И треть зяблевой обработки проводил на полях Прокопьев. А ещё обработка паров, посев, вывозка кормов. Да мало ли дел в многоотраслевом хозяйстве. И везде надо поспевать.

Иван Николаевич везде и поспевал. Вот он бегом спешит к трактору после короткой вынужденной остановки. А тогдашний агроном Н.П. Ковалёв чему-то удивляется:

- И как это ты всё рысью да рысью?
- А как иначе? Страда на полях!

Иван Николаевич в общей сложности три десятка лет отработал на «кировцах», на последнем из них 22 года. Общий механизаторский стаж у него – 41 год. Не за конторским столом просидел...

Любая техника в процессе эксплуатации нуждается в уходе и ремонте. Опытный механизатор отлично знал и коллегам не уставал напоминать, что любую поломку легче и значительно дешевле предупредить, чем устранить.

– «Лечил» я своего «коня» сам, – говорит ветеран. – Кстати, техника эта очень надёжная – спасибо конструкторам и изготовителям.

В колхозной бухгалтерии подсчитали, что у Прокопьева экономия средств только на капитальных ремонтах перекрыла стоимость самого трактора! Это рекорд не только на областном, но и на всероссийском уровне.

Казалось бы, чего ещё желать? Отменная выработка, почёт и уважение, заработок соответствующий. Но счёл необходимым передовик закончить заочно Петуховский техникум механизации и электрификации сельского хозяйства.

Если одевает ветеран по особо торжественным случаям заслуженные награды, тесно им становится даже на его широкой груди. Ведь он истинный Герой Труда, полный кавалер орденов Трудовой Славы, золотой медалист ВДНХ, лауреат Мальцевской премии. Иван Нико-

лаевич был хорошо знаком с народным академиком Терентием Семёновичем Мальцевым. Было о чём побеседовать при встречах прирождённым хлеборобам.

– Слушай, неужто тебе ни разу не предложили руководящую должность?

– Ну как же, предлагали неоднократно.

– И что?

– Да ничего. Оставался при своих, как говорится.

– И ни разу об этом не пожалел?

– Я всегда старался принимать продуманные решения. Далеко не всякий примерный труженик становится хорошим специалистом, равно как и не всякий толковый специалист – таким же руководителем. Я знаю, что на своём месте больше пользы принесу.

По-моему, такая жизненная позиция заслуживает уважения. Да и примеров тому достаточно. Я хорошо знал заслуженного агронома России Василия Ефимовича Ефтодьева, который в своё время вывел колхоз «Красное знамя» на передовые позиции по урожайности. Но «выдвинули» его на должность председателя соседнего колхоза «Восход» – и потерял себя человек...

Из руководителей всех рангов выделяет для себя знатный механизатор Александра Ивановича Махнева, который и специалистом в сельхозпроизводстве был отменным и организатором талантливым. Он в шестидесятые годы прошлого столетия возглавлял Притобольный райком партии.

Наверное, символично, что повстречались они тоже в поле. В тот день Прокопьев скашивал хлеба для раздельной уборки на дальнем урочище. Случилась мелкая, но досадная поломка: лопнула трубка гидравлики рулевого управления.

– А тут «газик» подскочил, – вспоминает Иван Николаевич. – Ну, ясно, руководящие товарищи. Один из них и представился: первый секретарь райкома. И спросил: в чём причина задержки?

Механизатор ответил: всего и делов-то развальцевать трубку да масла подвезти для добавки. Александр Иванович тут же поручил своему водителю подсобить трактористу, а за маслом отправил как

нельзя более кстати подъехавшего учётчика. Общими усилиями поломку скоренько устранили и секретарь сердечно напутствовал хлебороба:

– Успехов вам, Иван Николаевич, вы главное дело на земле делаете!

Не зря говорят, что доброе слово на подвиг зовёт хоть в ратном, хоть в мирном труде.

Мы теперь, как говорится, на заслуженном отдыхе. Что делать, с возрастом не поспоришь. Вспоминается четверостишие:

*Мы здесь, в тиши уединенья,
Дыша свободою полей,
Вкушаем
Мирны наслажденья.*

Эти «мирны наслажденья» мы «вкушаем» будучи на знакомых с давней поры лесных полянах или на берегах заветных озёр и речек. Но не про моего друга эти стихи! Бунтует душа хлебороба, когда видит он заросшие дурбенью и березняком поля, на которых с таким упоением трудился. И пресловутым посредникам давно пора укорот сделать. А то видишь ты – один с сошкой, а семеро с ложкой. Настоящую цену за хлеб должен получать в первую очередь тот, кто его выращивает!

Прокопьеву есть что сказать и передать нынешнему поколению хлеборобов. И он охотно делится своим поистине бесценным опытом. Не застанешь его на деревенской завалинке. Ко всему прочему он уже много лет исполняет обязанности члена президиума районного Совета ветеранов войны и труда. Хватает им с супругой Галиной Матвеевной дел на подворье и в огороде. Жизнь, с её радостями и печальями, обретениями и утратами, беспокойная и неостановимая, продолжается.

ВАЛЕЕВА
Танзила Фаатовна

41 год педагогического стажа учителем русского языка и литературы Сафакулевской средней школы.

Отличник народного просвещения. Автор трех книг. Руководитель поэтического клуба «Вдохновение».

УЧИТЕЛЬ С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

*Учителей своих не забуду,
Учителям своим не изменю.
Они напугают меня оттуда,
Где нету смены вечеру и дню.
Андрей Дементьев*

Любая работа почётна, если вкладываешь в неё свою душу, если чувствуешь в ней необходимость. Да, мы работаем и из-за денег, так как жить без них невозможно. Есть работы доходные, есть менее привлекательные с материальной точки зрения.

Но порой они приносят удовлетворение, радость, хотя получаешь за это скромную зарплату. К такой работе относится труд учителя. Да, она уносит нервы, здоровье, ведь с ребятами работать нелегко. Но когда учитель видит плоды своего труда, когда дети хорошо сдают экзамены, поступают дальше учиться и учатся хорошо – испытываешь огромную радость, осознаёшь, что в этом есть и частичка твоего труда. Я учитель, мне всегда приятно, когда мои бывшие ученики становятся полезными людьми, живут по законам совести, добра, порядочности.

Обычно человеком труда называют человека физического труда...

Я хочу рассказать о человеке умственного труда, о своём муже, бывшем директоре Сафакулевской средней школы Валееве Галимьяне Закировиче.

Выпускной бал в институте. Всё позади: волнения, учёба, друзья, с которыми провёл эти студенческие годы. Учился хорошо. Но не только учёбой были наполнены эти годы. Клуб парашютистов, прыжки, приземление, игра в волейбол, вечера, сессия... Так были наполнены его студенческие годы, как у многих студентов. С грустью посмотрел юноша на общежитие, институт. Да, годы студенческие интересны, содержательны. Но он не только учился, но и подрабатывал. Родители не могли ему оказывать материальную помощь, поэтому он часто с друзьями разгружал вагоны, зарабатывал деньги. От тяжёлой работы часто болели спина, ноги. В институте учился хорошо, все годы был старостой группы. Когда было распределение после окончания учёбы, был направлен на работу в родную школу. Начал работать в родной школе учителем математики. Когда пришла повестка из военкомата, отправился на службу в армию, попал в ракетные войска. За отличную службу награждён Почётной грамотой ЦК ВЛКСМ.

Ему предлагали остаться в армии, предлагали направление на офицерские курсы. Но Галимьяна тянуло домой, в родные места. После армии работал завучем по воспитательной работе, завучем по учебной работе. Со своими обязанностями справлялся хорошо. Работа приносила ему огромное удовольствие, хотя уставал порой очень. Поурочные, тематические планы, отчёты, проверка тетрадей учеников, родительские собрания, внеклассная работа... 25 лет был директором Сафакулевской средней школы. В общей сложности 47 лет отдал работе в родной школе. Награждён Почётной грамотой Министерства просвещения, нагрудным знаком «Почётный работник общего образования Российской Федерации». Много у него грамот от районного отдела образования, грамоты областные за добросовестный труд в школе.

Школа для него была вторым домом, где он проводил много времени. Это и посещение уроков других учителей, и проведение открытых уроков, и педагогические советы учителей, это и помощь моло-

дым коллегам. Приходил уставший. Радовался каждому удачному решению проблемы.

Валеев Галимьян Закирович создал сплочённый коллектив, где много его бывших учеников. Директором школы сейчас является его бывшая ученица Кузнецова Наталья

Владимировна, завучем – Бикташева Розалия Галисултановна. В школе работают его ученики Вахитова Фатима Насибулловна, Рахимова Эльмира Фаатовна, Хажеева Минниса Насибулловна, Рахимова Динара Рауфовна и другие его ученики. Дело наставника продолжается.

Он руководил школой в тяжёлые 90-е годы, когда страна была разрушена. Учителям по несколько месяцев не выдавали зарплату. А ведь дома у каждого была семья, дети. Директор Валеев призывал учителей идти вперёд, вести уроки, заниматься воспитательной работой. Ему это удалось. Уроки велись по расписанию. Но не только учёбой была занята школа. На поле ученики под руководством учителей выращивали картофель, свёклу, морковь, капусту, поставляли в столовую школы эти овощи. В итоге ученики платили за питание в школьной столовой маленькую сумму. Школьники под руководством учителей выращивали пшеницу. За вырученные деньги в школу покупали мебель, краску, оргтехнику.

Школа приняла участие во Всероссийском конкурсе «Лучшие школы России», поощрена компьютерами, интерактивной доской, видеокамерой. Ребята после окончания средней школы вместе с аттестатом получали удостоверение водителя, тракториста, а девочки – продавца.

Он никогда не ругал учеников, а разговаривал с ними вежливо. У него всегда на уроках была завидная дисциплина, тишина. Ученики с уважением относились к своему любимому учителю.

Геннадий Закирович (так обращались к нему в школе) – настоящий человек труда. Свою жизнь посвятил любимой работе. Не гнушался

физической работы: мог и полоть грядки, и принимать участие в ремонте школы. Он находился в школе даже во время отпуска: следил за ремонтом, проверял работу оздоровительной площадки. Учитель высшей категории, человек доброй души, пользовался огромным авторитетом у учеников, у коллег и родителей. Многие студенты из институтов, которые учились в других школах, обращались к нему за помощью: он им помогал решать задачи, объяснял. Сколько учеников он выучил, наставил на путь истины? Вопрос интересный. Очень много.

Кстати, его ученики удачно сдавали ЕГЭ, поступали в высшие учебные заведения, занимали призовые места на олимпиадах. Сулейманова Римма заняла 1 место на конкурсе «Гренадёры, вперёд!», ездила в Москву, была награждена ноутбуком, а Нураева Линиза заняла 1 место на областной олимпиаде по немецкому языку. Таких примеров можно привести много. Директор искренне радовался успехам учеников школы, успехам коллег.

В Сафакулевской средней школе был лагерь труда и отдыха, где проходили областные семинары по трудовому обучению школьников.

Сам учитель математики директор школы вёл уроки на отличном уровне, считался одним из лучших учителей математики района. Глядя на то, как к нему тянутся мальчишки, думалось о том, как в школах мало работает учителей мужчин. Много теряет школа из-за того, что многие считают, что учить детей – женское дело.

Учитель Валеев Галимьян Закирович прекрасно рисовал, мастерил. Меня удивляла в нём любовь к художественной литературе, искусству. Казалось, математика – это цифры, скупые, скучные. Часто читал по вечерам и любил русскую классическую литературу, зарубежную литературу. У него были золотые руки и сердце. Не было дела, что не умел мой дорогой человек. А как вкусно готовил шашлыки! Если я уезжала на курсы, знала, что муж не пропадёт, приготовит себе еду, ведь он всё умел делать. Всё, что построено дома, это дело его умелых рук.

Все годы мы держали хозяйство: корову, овец, уток, кур, гусей.

Косили сено вручную, собирали его тоже вручную. А как вкусна была еда после тяжёлой работы на свежем воздухе! Иногда он занимался рыбалкой, ходил на осеннюю охоту. Был культурным, интеллигентным человеком. Никогда не кричал, не употреблял ненормативную лексику ни в школе, ни дома. Хорошо играл в волейбол, был спортивным человеком, принимал активное участие в соревнованиях. В молодости играл в футбол, входил в сборную команду района. С ним никогда не было скучно. Вырастил сына и дочку, дал им образование. Нежно и бережно относился к внукам, которых очень любил. Мог играть с ними в детские игры.

Кстати, его имя в переводе означает «учёная душа». Галим – учёный, ян – душа. Учитель, директор прожил жизнь достойно, оправдал своё имя.

А 6 мая 2017 года помню, как ужасный сон. Он рано встал, поехал в Щучье, чтобы привезти дочь. Приехал и сказал: «Я пойду на соревнование по волейболу». Я попросила его: «Не ходи, ты уже старенький». Он ответил: «Я обещал». Через какое-то время позвонили из школы и сообщили: «Геннадью Закировичу стало плохо». Когда я приехала, он уже не дышал. “Скорая” не спасла его.

На похороны пришло много народу. Ученики нынешние, бывшие проводили в последний путь настоящего Учителя, Человека. Кстати, как мне рассказали, соревнование выиграли, он играл все три периода. После окончания игры он обрадовался, сел на скамейку и упал. Он жил открыто, честно, был предан любимой работе, школе до последнего вдоха. Он настоящий Человек Труда. Каждый год в районе будут проводить соревнования школьников по волейболу на Кубок имени Валеева Г.З. в день его смерти...

... Когда мне плохо, я захожу в сад, разговариваю с деревьями. Это меня успокаивает. Жаль, что муж рано ушёл из жизни. Если бы его спасли, сколько ещё добра он подарил бы близким, знакомым, тем, с кем общался. И, конечно, своим многочисленным ученикам, которых учил. Основательный, умный, скромный, всегда спешил на помощь людям, которые в этом нуждались.

Недалеко от села есть кладбище, где похоронены ушедшие из жизни жители нашего села. Есть там и могила моего мужа, учителя, хорошего человека Валеева Галимьяна Закировича. Поклониться ему приходят родные, друзья и его бывшие ученики.

А я до сих пор не могу осознать, что его нет, что он никогда не вернётся домой, никогда не откроет дверь и с улыбкой не спросит: «А что моя дорогая приготовила сегодня?».

Всякий труд почётен, нужен, и человек раскрывается как личность именно в труде. Недаром во все времена люди с уважением относятся к человеку труда. Я полностью согласна с поэтом Николаем Карповым, который сказал стихами:

*Находит отклик всякий труд:
О том, что сделано, – напишут,
Всё, что написано, – прочтут,
Всё, что рассказано, – услышат.*

ВИНОГРАДОВА
Нина Николаевна

Учитель русского языка и литературы в селе Падеринском Кетовского района. Стихи пишет со школьной скамьи, печаталась в районной газете г. Петухово «Заря», в газете Кетовского района «Собеседник», в самодельном сборнике «Я вчера в Берендеевом царстве была...», в авторских сборниках «Родник» Кетовского литературного объединения «Тобол».

КТО “СЕЕТ РАЗУМНОЕ, ДОБРОЕ, ВЕЧНОЕ”

Моя профессия – преподаватель русского языка и литературы. Вот уже 42 года я работаю в сельской школе, как говорится, «от звонка до звонка». Мы, выпускники 1976 года КГПИ, с молодым задором, с желанием учить детей разъехались по всей Курганской области в качестве преподавателей. Откуда зародилось желание стать учителем, кто влиял на наше решение? Прежде всего, наши педагоги. У каждого из нас были свои кумиры. У меня их было несколько.

Учитель! Это слово вошло в мою жизнь тогда, когда первый раз привела меня моя мама в школу. Октябрьская восьмилетняя школа Петуховского района была небольшой, без спортзала. Её стали пристраивать, в этом помогали и учителя, и ученики, а также родители. Конопатили, таскали доски, красили – словом, с любовью и терпением преобразовывали свою школу, свой спортзал. Может, потому и относились бережно к школьному имуществу, заботились о чистоте классов.

Моя первая учительница – Белова Анна Степановна. Её уже давно нет на свете, но память о ней навсегда осталась в сердцах учеников. Она воспитывала одна двух сыновей, да и мы для неё, пожалуй, были

родными. Она старалась учить нас не только грамоте, счёту, чтению, но и воспитывала бережное отношение к природе, учила замечать в ней особенное, порой, видимое только при внимательном взгляде. Как любили мы экскурсии на природу, походы, а однажды повела нас за несколько километров от села в Петухово, когда там работал приезжий зоопарк. До сих пор помню наше впечатление от бегемота, которого мы, деревенские ребята, видели впервые. Это были настоящие уроки познания непознанного.

А как проходили у нас перемены! Анна Степановна заводила старенький патефон, и мы, четвероклассники, старательно учились танцевать вальс, никто не смел нарушить это священнодействие. Мальчишки наступали нам, девочкам, на ноги, но кружили нас, запинаясь и натываясь на соседнюю пару. Это были наши первые шаги в мир танца.

Конечно, мы не были пай-девочками и пай-мальчиками, но помнится почему-то только хорошее. А какая Анна Степановна была выдумщицей! Однажды к Новому году каждый класс получил задание: подготовить номер художественной самодеятельности. И что вы думаете? Наша учительница стала учить нас танцевать «Танец маленьких лебедей»! Мы с девочками ходили на носочках, вытягивали ноги и свои тонкие шейки, точно лебеди, только неуклюжие и смешные. Вечерами наши мамы, ворча, строчили нам белые платья из марли. И вот торжественный день настал – мы танцевали, пусть нескладно и не очень элегантно, но было на нас смотреть, думаю, приятно.

А как мы обожали после уроков играть в школу! Шаль, которая висела на спинке учительского стула (это была шаль нашей учительницы), переходила с плеч на плечи тех, кто был «учителем», по очереди. Техперсонал с трудом выгонял нас из школы, так мы любили наш школьный дом благодаря нашей Анне Степановне.

Мои милые, добрые учителя Октябрьской восьмилетней школы! Сколько прекрасных лет вы подарили нам, ученикам! В жизни села вы всегда были главными активистами: ставили спектакли на сцене сельского клуба, были участниками концертов в праздники, готовили нас к смотрам художественной самодеятельности, которые проходи-

ли между школами района, даже на областной смотр проходили наши номера. И как умудрялись при колоссальной загруженности наши труженицы-учительницы ещё после занятий шить нам костюмы для выступлений на смотре. А ведь у них были свои семьи и зарплата небольшая. Зато был энтузиазм, любимая работа, уважение односельчан. А как прекрасно была подготовлена к конкурсу чтецов гордость нашей школы Петухова Зина, когда она читала наизусть из «Старухи Изергиль» Горького легенду о Данко! До сих пор у меня мороз по коже от её исполнения, никогда больше не ощущала ничего подобного. И в этом заслуга, конечно, учителя.

Любовь к литературе и родному языку пришла позже, когда в среднем звене преподавали эти предметы отличник народного просвещения Калмыкова Валентина Ивановна и молодая учительница, классный руководитель нашего класса Михашенко Мария Дмитриевна, впоследствии тоже получившая это звание. Сами любящие литературу, они вызывали интерес к классике, очень многое читали наизусть, учили оценивать поступки героев, анализировать прочитанное, устраивали читательские конференции. Валентина Ивановна, учась в Магнитогорске, ходила в балетную школу, а это увлечение стало для школы настоящей находкой. Танцевальный кружок, который она вела, будучи директором школы, всё более разрастался, пополняясь желающими. На школьных вечерах не было скучно, было весело, оживлённо, содержательно, танцевать очень любили, поэтому каждый вечер завершался танцами. Валентина Ивановна прекрасно рисовала, на уроках дополнительного образования рассказывала о художниках, учила понимать картину, обращать внимание на цвет, образы. Интерес к живописи возник именно от этого учителя. Мария Дмитриевна в моем выборе профессии, пожалуй, сыграла большую роль. И не только у меня, из нашего класса 5 девочек выбрали профессию педагога. Михашенко Марию Дмитриевну помнят работники Дома пионеров в Кургане. Задорная, умная, очень чуткая к детским проблемам, она завоевала уважение у своих коллег, а также учеников, которых учила. До сих пор поддерживаем с ней связь.

Судьба привела меня в Падеринскую среднюю школу Кетовского

района. И здесь моими наставниками (сама уже была учителем) стали Распопова Валентина Васильевна и Одношовина Галина Васильевна. На их уроках я набиралась опыта, особенно уроки литературы у Галины Васильевны дали мне многое: работать с текстами, учить выделять проблемные вопросы, умело использовать техсредства, произведения живописи, рационально пользоваться доской. Не было у Галины Васильевны званий, но когда жила на Камчатке, готовились документы, а переезд всё остановил. Единственное звание «Ветеран труда» она получила в Падеринской средней школе. Жаль, что труд учителя не был отмечен достойно. А Валентина Васильевна Распопова обладала удивительным даром делать уроки русского языка настолько интересными, живыми, творческими, что я удивлялась её педагогическим находкам, приемам работы, взаимопониманию с учащимися. Этих педагогов очень любили и уважали не только дети, учителя, но и родители.

Нет уже этих замечательных педагогов, светлая им память! Уходит поколение учителей-энтузиастов, альтруистов, приходит другое. Ничего не хочу сказать плохого о молодых учителях, есть среди них достойные нашей профессии. Надеюсь, что те зёрна, которые посеяли педагоги старшего поколения в народном образовании, прорастут здоровыми колосками, а их, в свою очередь, молодые учителя умножат.

Вам, учителям всех поколений, я посвящаю стихотворение.

Всем, кто сеет разумное, вечное,
Всем, кто с книгою учит дружить,
Говорю Вам: «Спасибо сердечное!»,
Ведь без грамоты трудно прожить.

Вспомним тех, кто стоял у истока
Первых букв и написанных слов,
Кто мечтал о прекрасном далёком,
Приближая границы веков.

Это звание – сельский учитель –
Вы по жизни достойно несли,
И приветствовал Вас каждый житель,
Помогали, чем только могли.

Наше время внесло коррективы,
И наука шагнула вперёд,
А учительские коллективы
Молодеют из года в год.

Быть учителем – это призвание,
Сердце детям нужно отдать,
Чтоб вести по дорогам знания
И успехов с надеждою ждать.

ВЕРХНЕВА
Лариса Анатольевна

Родилась в городе Ташкенте. В 1992 году переехала на жительство в село Светлый Дол Белозерского района Курганской области. Работала сельским учителем русского языка. В 2000 году создала районное творческое объединение “Муза” и стала его председателем. Автор нескольких поэтических сборников. Член Союза писателей России с 2001 года.

СКОРАЯ ПОМОЩЬ

Машина скорой помощи тревожно
Ворота отыскала светом фар,
И фельдшер в ночь ступила осторожно,
Чтоб снять у ветерана жуткий жар.
Встречает у порога сын больного,
По возрасту и сам уж ветеран,
В серьёзности приветственного слова
Клокочут отзвуки душевных ран.
И сельский медик не спешит обратно,
Хоть таинства лечебных процедур
Завершены уколом аккуратно
И перечнем недорогих микстур.
Беседует с больным и со здоровым
О том о сём, о местных новостях.
Лечить умеет сельский фельдшер словом,
Как будто не на вызове – в гостях.

СЕРДЦЕ УЧИТЕЛЯ 90-Х

Стоит у доски, объясняя,
И кругом идёт голова,
И мел из руки выпадает,
И в классе – опять «минус два».

Ребята озябшею стаей
Глядят из-за парт на него,
И сердце учителя тает,
И холод – уже ничего.

Ему бы согреть эти души,
Чтоб стало им тоже теплей!
Куда тут писать? Только слушать
Пришли они учителей.

Он выждал буквально минутку
И каждого взглядом обжёт,
В класс выстрелил доброю шуткой,
И смехом взорвался звонок.

* * *

Конферансье идёт на сцену
С улыбкой искренней в глазах.
Аплодисментам знает цену,
Ведь неудач познал размах.
Идёт – секундочка в секунду,
Торжествен снова каждый шаг,
Душевному нет места бунту –
Сегодня редкостный аншлаг.
А было время: в тёмном зале
Почти что чуть не все места

Несправедливо пустовали,
И жизнь в селе была не та.
Бесцельным дням пришли на смену
Горстями творческие дни.
Конферансье идёт на сцену,
Где рампы вспыхнули огни.

Учитель мой!

Учитель мой, ты очень далеко
И не поможешь мне своим советом.
Теперь я знаю, как же нелегко
Одаривать детей ученья светом.

Стремлюсь я вспомнить каждый твой урок,
Чтоб вновь ожил теперь в моей он школе:
И жест, и взгляд, и упрощённый слог...
Но повторить всё это так легко ли?

Взяв за основу все твои слова,
Я, собственной души внедряя блоки,
Творю – и так, что кругом голова, –
Естественно, уже свои уроки.

Но в них твоя к ученикам любовь
С моей соединяется скорее,
И голос твой рождает в детях вновь
Мечту, в которой люди не стареют.

Учитель мой, я верю в силу книг
И в то, что детству мы ещё послужим:
Когда-нибудь мой лучший ученик
В свои уроки вложит наши души.

* * *

Учителю так трудно расставаться
С детьми, которым отдавал тепло,
С которыми и плакать, и смеяться
Не раз пришлось. Но время подошло.

И на душе по-праздничному скверно:
Улыбка на лице и капли слёз.
Подобное испытывать, наверно,
Всем хоть однажды в жизни довелось.

Учеников учитель провожает –
Не в первый, да и не в последний, раз –
С душевною тревогой, вспоминая
Свой первый выпускной весёлый класс.

Зелёной свежестью чарует лето,
В разгаре шумном вечер выпускной,
И зал наполнен счастьем, цветом, светом,
Теплом душевным, песней заводной.

Уже нет грусти на ребячьих лицах,
И всё вокруг заполнил звонкий смех...
Есть, чем сейчас учителю гордиться,
Но есть, о чём и погрустить не грех.

Сергей СУРАЕВ

Сенокос

Сыродел

ВОИНКОВ
Виктор Павлович

Кандидат технических наук, доцент. С 2005 года трижды избирается депутатом Лесниковской сельской Думы.

С юности занимается поэтическим творчеством. Автор трёх сборников стихов. С 2015 года постоянный автор и редактор сборника «Родник» Кетовского литературного объединения. В 2018 году принят в Союз писателей России.

ЗОЛОТАЯ ДОРОГА...

Прозвенит звонок, и в стены школы
Чистый, как весенний ветерок,
Маленький, наивный и весёлый,
Я вбегаю. Первый мой урок!

На доске учительница пишет.
Я за партой, и букварь открыт.
Сколько лет прошло, но память дышит,
Даже её голос не забыт.

Помню свой портфельчик неприглядный,
Что носил охотно без стыда,
Понял я теперь, что кейс нарядный
Знаний не прибавит никогда.

Впитывал уроки я с желаньем
И друзей частенько выручал,

Был как все, но иногда стараньем
И врагов себе заполучал...

Минули вопросы и ответы –
Знаний нескончаемый родник,
Будни класса, радости и беды,
Пионерский галстук и дневник...

Пронеслось чудесное то время,
И, последний завершив урок,
Я, расправив плечи, поднял бремя
И вдохнул попутный ветерок!..

Золотой дорогою к вершине
Я обязан всем учителям,
И, возможно, по такой причине
Я теперь преподаватель сам!

ИЗ ЛЕНИ...

Из болванки металла хороший кузнец
В силах выковать нежную розу;
Из случайной беседы писатель-мудрец
Может выдумать честную прозу;
Из прокола искусного нейрохирург
Сотворит чудеса для больного;
Из движения спиц, тонких ниток и рук
Будет много тепла шерстяного;
Из кривляния мим, провоцируя смех,
В нас полезный гормон производит...

А из лени – к расстройству ценителей всех –
Ничего никогда не выходит.

* * *

Когда-нибудь в бытности новой
Устроюсь на «скорой» врачом,
А может, достигну иного
И душам подставлю плечо:
Служить буду в старом приходе
Священником в сельской глуши,
А станется – и на заводе
Смогу для людей послужить.
Теперь же, трудясь педагогом,
Я буду читать и писать,
И словом, подаренным Богом,
Ваять, исцелять и спасать.

УЧИТЕЛЬ

Награды прикрепленные молчат,
Недолг миг оваций и признанья.
За них труды примером пусть звучат,
Как эталон для поиска призванья.
Не важно, где победы рубежи,
Какую вы «стихию» приручите,
Но в каждом деле ценно заслужить
Понятное всем звание – УЧИТЕЛЬ!

ТРАКТОРИСТУ К-700

За боронами вьётся птичий хвост,
Грачи в пыли снуют за угошеньем,
Весна, деревня, поле и погост –
Единым видом, вздохом, восхищеньем!..
Пропах соляжкой старый добрый друг,
Ворчит, но тянет с жёлтым настроеньем,
И руль в объятых загорелых рук
Дрожит родной земли сердцебиеньем.

СЕНОКОС

Вот бы тот кусок ржаного хлеба,
Что на сенокосе надломил
Потною рукой на фоне неба,
Стога и трёхрогих длинных вил.

Пластик сала и головку лука
С ароматом скошенной травы –
Так, как дед учил простому внука,
Как теперь не принято, увы.

Молока
из кринки – без остатка
Выпить, словно душу отвести,
Отдохнуть и, вновь проверив хватку,
Ввысь навильник щедрый вознести.

* * *

Меняет время взгляды и понятия:
История как мутная вода.
Недалеко ушли мы от распятыя,
А торгоши вернулись в города.

Ростовщики воспряли с болтунами,
И полнится бездельников орда,
Но верю я – опущенное знамя
Поднимет снова человек труда!

**ГИЛЕВА
Мария Афанасьевна**

Уроженка Далматовского района.
Первые стихи написала в четырнадцать лет.

С 1969 года печатается, в основном, в районной газете «Далматовский вестник». Автор четырех собственных сборников, изданных за свой счет.

ТРАКТОРИСТКА ИЗ ДУБРАВЫ

(посвящается
Анне Григорьевне Коневой-Шулеповой)

Русские женщины, милые, славные,
Вы и быстры, и легки.
Время тревожное, время кровавое
Вашей коснулось руки.
И об одной из вас, женщины милые,
Нынче веду свой рассказ.
Чуткие, славные, очень красивые –
Это о вас и для вас!
Мудростью вы и терпением увенчаны,
Очень добры и тихи.
В пояс вам кланяюсь,
Русские женщины,
Вам посвящаю стихи!

Сорок первый – год военный.
Всех мужчин берут на фронт.
Вера в душах – непременно
Их победа только ждёт.
Но победу эту нужно
Заработать, заслужить!
И работали все дружно,
Чтоб врага быстрее разбить.
Двадцать девушек учились,
Как на тракторе пахать,
Как посеять, обработать,
Урожай потом собрать.
Как крутили рукоятку,
Очень трудно вспоминать.
Было трудно. Было зябко.
Ссадин всех не сосчитать.
Ели, спали на работе,
Норму надо выполнять.
Ведь пока домой дойдёте –
Ночь пройдёт. Когда же спать?
Дома изредка бывали.
От зари и до зари
Засевали, убирали,
Тыловой свой бой вели.
Хлеб так просто не давался,
Он на то и – голова.
Каждый в меру сил старался,
Прежде дело – не слова.
Сапоги, платок, фуфайка –
Вот для тех годов наряд.
В поле каждая – хозяйка,
Правду люди говорят.
А ценили ту работу,
Очень трудную притом,

Пайкой хлеба, а заботы
Постоянно день за днём.
Иногда – отрез на платье,
Денег премией дадут
И «спасибо!» Это ж счастье,
Что востребован их труд!
А однажды зачитали
В сельском клубе тот указ,
Что медалью награждали...
Вот так новость! Вот те раз!
Ну, вперёд! Разволновалась...
За работу получай!
Ведь за труд медаль давалась,
Береги, носи и знай:
Каждый труд у нас в почёте,
Трактористки труд – вдвойне!
Всех ценили по работе...
Сорок пятый год в стране.
Ждали тех, кто бил фашистов,
Чтоб девчонок заменить.
Грустно только. Грустно слишком.
Не пришли ... Но надо жить.
Лет одиннадцать пахала,
Пока смена подросла,
Сил затрачено немало,
Вот такую жизнь была.

* * *

Это всё не позабылось
И в душе ещё живёт.
Да, конечно, трудно было,
Только выстоял народ!
И в годину испытанья
Прокормил он всю страну.

Как нам оценить страдания?
Чью понять, простить вину?
Ах, земля, земля-землица!
Двадцать лет пусты поля,
Урожаю не родиться,
Хлеборобов веселя.
Все разъехались сельчане,
Избы темные стоят,
Никого не греют бани
И дороги не пылят.
Разве думали когда-то,
Что такое может быть?
Заводя трудягу-трактор,
Знали – быть Дубраве, жить!
До чего ж всё это грустно.
Может, вспомнят о селе?
Чтобы не было здесь пусто,
Чтоб трудились на земле.

ПИМОКАТ ДУНЯША

(посвящается

Евдокии Васильевне Леушиной)

С болячками и непростой судьбой,
Сегодня ты для всех – лишь баба Дуся.
А я с тобой хочу назад вернуться
И встретить сорок первый год с тобой.

Не девушка, а девочка ещё,
Ведь ей тогда четырнадцать лишь было,
А груз такой взвалила на плечо,
Какой и взрослому не каждому под силу.

Упорства было ей не занимать:
Нужны пимы для русского солдата,
Пришлось Дуняше мастерицей стать,
Не просто мастерицей – пимокатом.

Стелила шерсть она на потничок,
Выдывала пальцами искусно,
Заваривала пим, брала валёк,
Катала с силой, как и было нужно.

И тридцать пар на фронт от Дуси шли,
И тридцать воинов ее благодарили,
Бои в той обуви упорные вели,
В пимах тех ноги их зимой не стыли.

Так каждый месяц, день за днем она
Свою победу малую ковала.
Старалась девочка, сочувствием полна,
Хоть трудно было, очень уставала.

Сегодня бабе Дусе много лет,
Болят её натруженные руки,
Но никого роднее её нет,
Гордятся бабой Дусей дети, внуки!

Спасибо тебе, милая, от нас,
За то, что вынесла, за то, что не сломалась,
Что огонек твой в сердце не угас,
Что с нами ты! А это так немало!

ДОМОЖИРОВ Александр Яковлевич

Проживает в г. Макушино. Ветеран труда, инвалид первой группы по зрению. Пишет стихи, рассказы и очерки. Некоторые из них опубликованы в различных литературных сборниках, а также в сборнике «Творчество незрячих поэтов», изданных областным обществом слепых. Активно сотрудничает с областными и районными газетами, разовые публикации были и в центральной прессе.

ЕМУ СПАСИБО СКАЖЕТ КРАЙ РОДНОЙ

Моя первая встреча с этим человеком произошла много лет назад. Мы, молодые руководители, возвращались с областного хозяйственного актива. Решили заехать посоветоваться насчет текущих задач к опытному сельхознику, управляющему Песьяновского отделения совхоза «Колос» Матвееву Леониду Ивановичу, много лет работавшему на этой нелегкой должности. За разговорами засиделись. В комнату внезапно вошел паренек, поздоровался и быстро вышел, но я успел разглядеть его, коренастый, загорелый, с крепкими привыкшими к труду руками.

Заметив мой взгляд, Леонид Иванович сказал: «Сын мой, Санька, хороший парень, работающий. В школе у него нормально, дома по хозяйству управится, матери на ферме поможет, а в свободное время сразу же на озеро и в леса. Очень природу любит и нашу жизнь деревенскую. Уверен, что по моим стопам пойдет»...

Забегая вперед, скажу, что слова Матвеева-старшего оказались пророческими. В дальнейшем Матвеев-младший действительно работал,

как и его отец, агрономом, секретарем партийной организации, директором совхоза. Я долго не видел этого паренька, сам находился далеко от Курганской области. Однако круты повороты судьбы, меня перевели в г. Макушино.

Совершенно случайно узнал, что в селе Сетовное работает агрономом какой-то Матвеев Санька, по отчеству Леонидович, но уже не паренек, а состоявшийся специалист, глава семейства, воспитывающий двоих детей. Как-то мы встретились в Управлении сельского хозяйства, разговорились и он оказался тем самым Матвеевым-младшим. За плечами у него армия, служил в Группе советских войск в Германии по редкой военной специальности в ракетной части. Уговаривали его остаться на сверхсрочную службу, направляли на офицерские курсы и условия были хорошие. Но любовь к родной зауральской природе пересилила предлагаемые блага и он вернулся домой.

Пропущу еще несколько лет...

...Как-то на восточную зону области потребовался инспектор рыбоохраны. Для решения этого вопроса в Макушино приехал начальник областной рыбоинспекции В. И. Хахалев. Мы были с ним знакомы с давних пор, потому не удивительно, что он зашел сначала ко мне, потом мы вместе пошли к главе района В. Шишкородову, а у него как раз в кабинете находился Б. Копырин, ведущий земельными делами, а также имеющий отношения к водоемам. На вакансию было предложено много кандидатур, и тут я вспомнил о Матвееве А. Л. Не сразу, но с предложенной мною кандидатурой согласились. По неписанным правилам, существующим в управленческих структурах, тот, кто внес предложение, тот должен добиваться его выполнения. Поэтому я пригласил А. Матвеева на беседу. Александр Леонидович, почти не раздумывая, согласился поменять спокойную, размеренную работу директора филиала «Росгосстрах» на работу инспектора рыбоохраны, да к тому же еще с меньшей зарплатой. Это был поступок.

Жизнь инспектора тревожна, а порой и опасна, но второй раз в жизни победила истинная любовь к природе, и он ради этого пожертво-

вал размерной, спокойной и высокооплачиваемой должностью. Александра Леонидовича утвердили госинспектором рыбоохраны. Он прошел специальные курсы в г. Тобольске, которые закончил с отличием.

Можно подумать, что ничего сложного и трудного в работе рыбнадзора нет, лови браконьеров, составляй протоколы да штрафуй их – и все дела. Однако это лишь малая и не самая главная толика служебных обязанностей. Конечно, браконьеры не перевелись, они стали хитрее, изворотливее, нахальнее.

Был такой случай: Александр Леонидович находился с проверкой у рыбопользователя и ночью на противоположном берегу озера заметил проблески света, подъехав, застал на месте преступления двух браконьеров. Здесь же находилась лодка с сетями и выловленной рыбой. Браконьеры сразу же бросились в драку, но рыбнадзор быстро успокоил их. Однако нарушители посчитали, что лучший способ защиты это контратака и утром немедленно появились с жалобой в прокуратуру и райотдел милиции, обвиняя А. Матвеева в применении к ним физического воздействия. К чести правоохранительных органов они детально разобрались в случившемся. Александр Леонидович был полностью оправдан, а браконьеры наказаны.

Есть браконьеры-хищники, настоящие рвачи, им бы побольше забрать у природы да продать подороже. Есть случайные браконьеры, поймавшие немного рыбешки, чтобы прокормить семью. Борьба приходится и с теми, и с другими. Даже с недобросовестными рыбопользователями, которые ради наживы попросту грабят наши озера. Все их хитрости и уловки Александр Леонидович давно изучил, но работать становится все труднее – больше стало бумажной бюрократической волокиты. И все же главная и основная задача госинспектора рыбнадзора А. Матвеева – это контроль за использованием водными биологическими ресурсами. И приходится это делать не только по Курганской области, но и в других регионах Нижне-Обского бассейнового управления. Большая территория закреплена за ним, но в зоне своей ответственности он знает каждое озеро, всех рыбопользователей и рыбаков, результаты их рыбохозяйственной деятельности. И не просто знает. По результатам первого года работы в но-

вой должности, в соревнованиях среди всех рыбоинспекторов занял первое место и остается в числе лидеров на протяжении многих лет.

Часами может рассказывать Александр Леонидович об окружающей нас природе, об озерах и их обитателях подводного и надводного мира. Много об этом читает, занимается самообразованием, да и профессионального, жизненного опыта тоже хватает, но он стремится знать больше, и хотя до выхода на пенсию осталось немного, он заочно окончил Курганский университет по специальности “биоэколог”.

Не перевелись еще браконьеры, ночами по-воровски орудуют они на озерах, потому и по первому звонку, в любое время суток, в выходные и праздничные дни выезжает на помощь пользователей водоемов госинспектор Матвеев А. Л. Он всегда на страже природных богатств нашего края. Живет не только ради сегодняшнего дня, будущее для нас он создает сегодня.

Я доволен, что не ошибся, предлагая кандидатуру Матвеева Александра Леонидовича на должность госинспектора рыбоохраны, а край родной скажет ему спасибо за благородную службу по охране природных ресурсов.

ДУРАКОВА
Анна Владимировна

Её рассказы демонстрируют глубокие познания уклада деревенской жизни: обычаев, традиций, примет. Только человек, прикипевший душой к деревне, болеющий за неё всем сердцем, может вот так просто, понятно и интересно рассказать о ней.

Рассказы и стихи напечатаны в районной газете «Искра», в сборниках «Родные просторы», «Дорогами нашей памяти», «Не гаснет памяти свеча».

Инвалид по зрению 1 группы.

ЛОВУШКА

И надо же было тому случиться! Вся уборка прошла удачно: погоде стояла великолепной комбайны работали четко без перебоев. И вот, когда осталось одно небольшое поле, прицепной комбайн и трактор враз вышли из строя. Что у них произошло – не знаю только вот уж обед, а комбайнер и тракторист бегают с ключами вокруг машин.

Досада брала всех. День-то, день как разгулялся, прямо золотой! Если бы знали, что такое случится, то не отпустили бы самоходный комбайн в другую бригаду, ни за что!

Копнильщики и отвозчики зерна уехали на лошади куда-то. Я стояла на мостике копнителя и смотрела вокруг. Поле обрамлял молодой лес. Мне казалось, что нарядные осинки прибежали сюда попрощаться с пшеничным полем. Вот уже месяц как я работаю весовщиком по комсомольской путевке. Учityваю намолот от двух комбайнов. Все идет к концу, останутся лишь воспоминания о бессонных ночах и ранних зорях. Урожай был хорошим – по двадцать центнеров

зерна с гектара собирали. Это обстоятельство радовало. Я напевала про себя песенку, и вдруг зарокотали моторы. Оба враз, как мне показалось. Что же делать? Копнильщика на месте не оказалось. Я вооружилась вилами и во весь голос запела:

– Эх, полным, полна моя коробушка! – под аккомпанемент машин и стала ждать, когда посыплется солома в копнитель.

Хлеб был солоmistый, копнитель вскоре наполнился. Нажимаю на педаль. У меня ничего не получается. Перебегаю на другую сторону копнителя, опять нажимаю, толку никакого. Копнитель объемистый, не поддается. Кричу что есть мочи, комбайнеру дяде Саше, машу руками, но никто ничего не видит и не слышит. А солома в это время валом валит через край копнителя. И тут я вспомнила, как однажды молодой штурвальный не мог свалить солому и сам прыгнул сверху в копнитель, и солома свалилась.

Раздумывать было некогда. Нырнула я в это пыльное месиво и сразу провалилась до дна. Сухая скользкая солома почти сомкнулась надо мной. Трудно было дышать от пыли и открывать глаза. Чихая и кашляя, возилась я в копнителе, но солома не сдавалась. Попыталась выбраться наверх – не могла. Солома предательски выскользывала из-под ног. С трудом добралась до железной стенки копнителя, прибилась к деревянной решетке, вцепилась в нее, с силой уперлась ногами в край копнителя и вот солома поползла вниз.

Уже позднее, когда решетка с грохотом захлопнулась, я с испугом обнаружила что осталась в копнителе! В той железной коробке, в которую беспрестанно сыплется солома и полова. Вот тебе «Полным-полна коробочка», – невесело подумала я... Да хлеб – это не только белый пышный калач с хрустящей корочкой, а это и пыль и костика, которая везде набилась – колола тело, хрустела на зубах...

Опять возилась в этой соломенной каше, разравнивала ее руками по копнителю, ждала, когда он наполнится. Когда, наконец, солома

поползла вниз, я с головой нырнула под солому и выпала вместе с нею на землю. И все-таки решетка успела довольно чувствительно стукнуть меня по затылку. И поделом!

Было это в пятьдесят шестом году.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ УБОРКИ УРОЖАЯ

Никогда не думала Нина о своей внешности, знала, что некрасива, веснушчата. А сегодня, лежа на огромной куче зерна, смотрела на свое отражение в маленьком круглом зеркальце.

– Свет мой, зеркальце, скажи, да всю правду доложи: я ль на свете всех милее, всех румяней и белее? – сказала она и только расстроилась. Быстренько убрала зеркальце в карман, перевернулась на стану и засмотрелась на плывущие высоко в небе облака.

Хорошо, как летом. А ведь уже конец сентября. Не радовала погода в начале уборки, а сейчас установилась теплая, сухая. Убирая зеркальце, Нина не заметила, что зайчик от него скользнул по лицу Витьки, который распрямив затекшую спину, смотрел в сторону Нины. Он знал, что нравится этой серьезной, нескладной девчонке. Но есть у него в деревне, дома, другая: веселая, глазастая, быстро ездит на мотоцикле. Дядя Федя, комбайнер, часто посмеивался над ним:

– И чего стесняешься, видишь, сохнет по тебе Нинка.

Но Виктор не умел так, да и не хотел морочить голову сразу двум.

Нина ни о чем не догадывалась, на душе опять стало легко и радостно от того, что скоро закончится уборка, что такая погода, что вокруг так все красиво – настоящая золотая осень. Почему в народе говорят, что осина не лесина? Нине на ум пришли строчки собственного сочинения:

*Говорят осина – не лесина,
Говорят березонька – краса.
А смотрите, как она красива,
Скучны были б без нее леса.*

Нина хотела уж бежать к той вон осинке, ближе рассмотреть ее огненные ветви, но, соскочив, наткнулась на взгляд Витьки и так по-

**Фотография из архива
Кировской школы.
Обед в поле**

краснела, что ему даже издали, показалось – еще ярче стали ее веснушки, как на той осинке листья. Почему-то и сам Витька засмутился, поспешно отвернулся к своим железкам у комбайна. А Нина не помнит, как убежала в лесок и там, в тени еще не совсем опавших деревьев, охлынула, отошла.

С начала уборки работала она весовщиком-счетоводом у двух комбайнеров – дяди Феди и Степана Ивановича и штурвальных, присланных на время уборки из училища, один он – Витька, да еще парень – Миша, увалень, неповоротливый. Нравится он Вале-поварихе, которую уже давно поджидали с обедом.

Что случилось ней? За всю уборку ни разу не опоздала, а тут вот жди ее. Все есть хотят, уже собрались в кружок, расселись на траве. Комбайны стояли неподалеку, готовые к последнему заходу. К вечеру должны убрать все поле, последнее в колхозе. Шофер, закрепленного за бригадой самосвала, Николай, уже хотел ехать встречать Валю, но она сама показалась на горизонте.

Нина побежала навстречу. Всегда ждала Валю с нетерпением, чтобы наговориться. Молодой жеребчик Сивка был взбудоражен чем-то, раздувал ноздри и часто шевелил ушами. Валя, заплаканная, какая-то вся грязная, мокрая сидела в ходочке, не торопила Сивку, а, подъезжая к стану, совсем разрыдалась. Едва поняли ее, а скорее догадались, что растащил ее Сивка, и все пролил, только фляга с молоком осталась да крепко завязанный мешок с хлебом, но и они были выпачканы землей. Видно испугался чего-то Сивка.

– Давай не реви, а доставай посуду, будем остатки доедать, – заговорил дядя Федя, – наливай молоко, – а сам взялся за мешок с хле-

бом. Вынимая огромные пышные калачи, белые, чуть зажаренные, он нюхал и причмокивал:

– Ай да тетя Мотя! – (Это он нахваливал стряпуху). Отламывал всем по огромному ломтю и снова нюхал. Выбрал самую большую суповую чашку, налил молока и стал крошить крошки, потом удобно лег на живот и начал есть. Большие, пропитанные молоком крошки быстро исчезали из чашки. Все засмотрелись на него, а потом один за другим тоже брали чашки и крошили такие же огромные куски. Нина не отставала, ей казалось, что ничего вкуснее она никогда не ела.

Дядя Федя наелся первым, хитро улыбаясь, он ловко вскочил и, зывая Витьку, побежал к комбайну.

– А день-то, день-то какой! – кричал он.

Витька допил молоко, еще отломил ломоть и, доже-вывая на ходу, вскочил на подножку комбайна. Закипела работа. Один самосвал едва успевал отвозить зерно. Нина считала машины и от того, и от другого комбайна, и у дяди Феди всегда получалось на две машины больше. Быстрый он был человек, и машина его слушалась. Витька сновал по комбайну. Издалека было видно, как он подбегал то к соломокопнителю, то к штурвалу, махал руками дяде Феде, потом их не стало видно из-за перелеска.

Вскоре приехал бригадир с женщинами, установили погрузчик и до темноты грузили зерно, отвозили на центральный ток. Нина помогала. Она успевала следить и за своим самосвалом, и выписывать накладные. С одной из машин приехала Валя. Нине стало весело и хорошо.

Уже совсем стемнело, самосвал, полный зерна, уехал в село, а Нина с Валею все подгребали и подгребали зерно к погрузчику. Остатки заметали в ведра. Кругом темень, только здесь, рядом с погрузчиком, светло от фар машины. Девчонки обессиленные ползали по земле и хохотали. Это балагур шофер смешил их. Нина не узнавала себя – ей было легко, радостно. К погрузчику подошли комбайнеры. Витька опешил, когда увидел Нину возбужденной, смеющейся. В контрасте света и тьмы она показалась ему красавицей.

Последний день уборки урожая... Забираясь в кузов, Нина почувствовала легкое прикосновение Витькиных рук. Он наклонился и быстро поцеловал ее в щеку...

ВДОХНОВЕНИЕ

На повестке дня комсомольского собрания стоял один вопрос: комсомольский ленинский субботник. Собрание проходило в правлении колхоза. Председательствовала Вера Пономарева. За длинным столом сидело человек пятнадцать девчат и парней. Пришли не все. «Завтра поедем возить солому на ферму. Это наш комсомольский ленинский субботник».

Вера оглядела всех сидящих – девчонки были принаряженные, с собрания шли сразу в клуб. Вера была рада, что никто не отговаривался, не отнекивался, работать вместе любили.

– Ребята, не забудьте вилы! – напомнила она.

– У меня вопрос, Вера, – торопливо заговорил Витька Попов, самый языкастый. – Почему субботник, а завтра воскресенье. Надо воскресник!

Это не первый разговор. Однажды, когда строили новый клуб, надо было срочно разгрузить автомашины с кирпичом. Витька тогда собрал всех: и комсомольцев, и учеников старших классов, и просто колхозников. Весело тогда поработала, а Витька гордый подошел к Вере и, выгнув грудь колесом, торжественно заявил:

– Запиши в протокол, что сегодня комсомольский понедельник организовал Виктор Попов.

Долго смеялись тогда ребята: «Ну, и ботало!» Девчонки называли Виктора просмешником, а без него как-то скучали.

Галине Морозовой давно нравились Витькины шуточки, его русский густой чуб, полные губы и весь он какой-то свойский. Сегодня всю ночь она ворочалась, вспоминая его, перебирая в памяти все, что связано с ним. Ей хотелось первой прийти на субботник, но Витька уже был там. Он стоял спиной к ней с двумя вилами в руках, видимо, только что пришел. Новые вилы с новым черенком он держал на весу,

бережно. Галина остановилась от догадки, что это он новой молодой библиотекарше принес вилы. Звали библиотекаршу Валею, Галине она очень нравилась: простая, не очень красивая, но ладная, веселая, быстро сошлась с молодежью села.

Сама не зная, как получилось, Галина юркнула за угол правления, не поздоровавшись с Витькой. Перед глазами были вилы – новые, легкие. Почему не смогла она подойти, заговорить с ним, как всегда? Почему вспыхнула, как та заря, что поднималась за горизонтом?..

Ехали на двух тракторах. Большущие сани ныряли в огромные лужи, с треском ломая утренний лед. День начинался солнечный, ясный. Галина не села на первые сани, где был Витька. Там долго стояла суматоха, видимо усаживались. А здесь подобрался народ серьезный. Гордин Гоша подсел ближе к Вере и опять, уже не в первый раз начал:

– Верочка, ну когда же в Москву-то, неужели никем нельзя нас заменить на десять дней? Всего на десять дней!

Он мечтательно улыбнулся.

– Правление обещает путевки, придется подождать, – ответила Вера.

– Эх! — с досадой махнул рукой Гоша.

Все замолчали. Слышно было, как надсадно урчали тракторы. Галина часто поглядывала на первые сани, но из-за трактора ничего не было видно. Поле было рядом...

Солому брали из больших серых куч. Их не успели с осени заметить, привалило снегом. Сейчас снег подтаял, солома обнажалась, Работали двумя группами, загружая сразу оба трактора. Солома сверху была сырая, тяжелая. Устали быстро. Остановились передохнуть тут же, стоя. Одна Галина все кидала и кидала большие пласты соломы, ничего не замечая.

С детства привыкшая к физическому труду, она никогда не жаловалась на усталость. Вера любила свою подругу, но сегодня и она не узнавала ее. Ребята тоже заметили.

– Это же не Галинка, и не Галочка, а это Галинища-силища, – пошутил молодой тракторист. – Надо было еще трактор взять, а то нам нечего делать!».

Все опять взялись за дружную работу. Замелькали стальные четырехрожки, в руках у ребят. Страшный визг остановил всех. У соседнего трактора творилась кутерьма. Конечно, Витька виноват. Отдохнуть спокойно не может.

– Большой перекур! – разом закричали несколько парней, повалившись в солому.

Бежать к той группе не хотелось никому, все устали. Но Витька не удержался там, прибежал сам. Потный, с сияющими глазами, в соломенной трухе, такой близкий веселый. Галина забыла обо всем на свете и хохотала вместе со всеми, над его шутками, возней.

Солнышко припекало все сильнее. Первым напомнил тракторист:
– А ну, вставайте, лежебоки, как поедем- то?

Больше никто не отдыхал, все понимали, что ехать по растаявшему полю с таким грузом очень трудно.

Витька почему-то остался здесь, не пошел к своему трактору. Забрался на воз и укладывал его, и утаптывал так ловко, что воз получился и красивый, и большой.

Ехали молча, вытирали пот, сидели тесной кучкой в середине воза. Трактор сильно буксовал на подъемах, а потом шел ровно. Неожиданно Витька запел, да так душевно, что все подхватили:

*Сижу за решеткой,
В темнице сырой.
Вскормленный в неволе
Орел молодой...*

Вдохновенным и праздничным показался тот день. Много лет прошло с тех пор, а вот помнится...

ЕФРЕМОВА
Надежда Викторовна

Родилась и выросла в городе Шумихе. Принимала участие в областном литературном конкурсе «Сказка детства», в открытом литературном конкурсе имени В.И. Юровских «Своя песня» (г. Шадринск), ее рассказы напечатаны в коллективных сборниках по итогам других конкурсов. Победитель областного литературного конкурса «Страна любви» (2015 г.) В 2016 году выпустила сборник своих рассказов «Неслучайный человек».

ДОЛОЖУ Я ВАМ...

(письмо в конкурсную комиссию)

Я сегодня с работы пришел... Хотел написать «злой», а ведь это неправда. Не злой, даже наоборот, удовлетворенный, работой довольный, собой гордый. Теперь вот гордый. Спросите, почему? День такой особенный выдался. Но по порядку все.

Пришел я, значит, с работы голодный, поэтому все-таки немного раздраженный. Наталья, жена моя, засуетилась, на стол накрывает, я в ванную прошел. Умылся, причесался, переоделся, сел за стол чинно, газету развернул, и на тебе: конкурс литературный на тему «Человек труда». Это значит кто-то, писатель какой-нибудь, о человеке труда напишет. Какой он, мол, сейчас трудяга, чем жив, о чем думает-мечтает, к чему стремится. Это, доложу вам, сильно сказано: кто же это в наше время о человеке труда вообще вспоминает? Раньше, когда мы «светлое будущее» строили, труженик в почете и уважении был. Когда там стройки разные, на благо Родины, выполняли и пере-выполняли... А в сегодняшнее время? Если ты простой трудяга, так

ты... Знаешь, кто ты? Тяжело об этом думать. Я сегодня понял, что только я сам могу для самого себя что-то изменить, чтобы уважать себя, труженика в себе уважать, если хотите. Или мне только кажется, что понял, век живи, век учишься, дураком помрешь, так ничего и не поймешь. И кто же обо мне лучше меня напишет, кто вот разберется сможет, как я сегодня в одно мгновение понял, что я не сволочь какая-то, не барыга, а трудящийся. И это звучит гордо! Ну, должно звучать. Это, кстати, от меня самого зависит, как оно звучит. Да, в наше непростое время на «дядю горбачусь», развелось этих дядей, чё... Плохо, что по-русски не скажешь. Но человеческого лица не потерял. Во всяком случае стараюсь не потерять.

Да, всего, что думаешь, вернее сказать, как думаешь, не напишешь. А я вот решил сам написать, пол-второго ночи уже, а я стараюсь, пишу, хорошо, что завтра во вторую смену на работу. Но все по порядку.

Сначала о себе немного. Какой я? Пойду в зеркало посмотрю. В общем, доложу я вам, крепенький я, грудь широкая, не мал, не высок, метр семьдесят шесть, для своих лет довольно стройный, большого живота нет, как у некоторых. Ох, и нарастили животов-то, особенно молодежь. Но я ведь не о них. Так, дальше: волосы на голове имеются, у меня в смысле, серенькие такие, седые, в общем-то. Мне ведь уже пятьдесят девять. Стригусь коротко, усов не ношу. Каждый день гладко выбритый, рубашка чистая, носки свежие, это уже Наташкина заслуга, она у меня сама чистюля и меня приучила, да и мамка приучала когда-то...

Знаете, писать, доложу я вам, это еще труднее, чем баранку весь день крутить.

День сегодня у меня выдался... Да, как будто обыкновенный день, но все же нет, не обыкновенный, особенный день-то. Ночью дождь шел, еще с вечера начался, стучит и стучит по стеклам, деревья расшумелись, холодом в окно тянет, одно слово – осень. Не спалось мне, а утром на работу рано вставать, я ведь шофером работаю на городском автобусе. Встаю в четыре тридцать. Спал этой ночью совсем немного, встал раздраженный, изморщился весь, все-то мне неладно: и

на улице неприглядно, хотя дождь уже уgomонился, и кофе не получился... Жена утром рано не встает, так у нас заведено, я сам завтракаю. Хотя я бы этот перекус в пять утра завтраком не назвал, так пожую чего-нибудь, чтобы до десяти часов не умереть, с собой чего-нибудь захвачу. Одним словом, умылся, побрился, перекусил, нарядился и на работу поспешил.

Опущу разные подробности: как собираемся, проверяемся...

В общем, наконец-то сел я за руль своего «пазика», кондукторша моя устроилась на своем месте поудобнее. Кондуктором со мной Люся работает, вернее Людмила Ивановна, женщина уже в годах, это мы ее все Люся да Люся, по-свойски. Тоже не от хорошей жизни катается-мotaется с утра до вечера. И, хотя это к моему рассказу не относится, все-таки пару слов о Люсе скажу. Заслуживает уважения: всегда прибранная, в смысле прическа там, одежда, да и мысли тоже. Изю всех сил старается вежливой с пассажирами быть, в любой ситуации спокойная, уважительная, а пассажиры, я вам доложу, встречаются... Но, это совсем другая история. Так вот, значит, уселись мы с Люсей поудобнее, да и «Поехали!» Это у нас с ней слово такое, кодовое.

Рано утром ездить одно удовольствие: ни тебе светофоров, они еще не включены, ни тебе машин лишниx, а, значит, и пробок нет, ни пешеходов-тихоходов, едешь себе, о своем думаешь. Катаешься, можно сказать. И вот еду я, значит, от одной остановочки к другой, пассажиров ранних немногочисленных собираю, все спокойно, как бы поинтереснее написать, уравновешенно, что ли. Вдруг обгоняет меня «пазик», маршрут N, не называть же мне его. Да с такой скоростью обгоняет! «Это что ж, – думаю, – он делает?» А! это он хочет впереди меня к остановке «Метрополис» доехать, там всегда в это время народу много садится, решил, значит, денег «срубить» побольше. «Ну, нет, – думаю, – не на того напал, я своего не уступлю. Я много лет тут езжу, и это моя выручка». Я как газанул, он еще прибавил, и я прибавил, обогнал его. «Вот так, – думаю, – знай наших!» Но опять же чуть остановку не проехал, Люся кричит: «На остановке выходят». Я по тормозам, едва остановился, дверь скорее открыл, закрыл, а этот личач меня уже снова обогнал, и несется, а «пазик» у него старенький,

того и гляди развалится. «Нет, – думаю, – не уйдешь, до метрополиса еще много ехать, я тебя все равно сделаю». Дорога, правда, в этом месте, знаете... В общем, мы ее “серпантином” зовем, поворот на повороте, да еще кольцевая здесь же, да и асфальт у нас, не буду писать какой. Но я его все-таки догнал, ровень долго шли, не уступали друг другу, но на следующей остановке ему пришлось пассажира высаживать, тут я его обогнал, и сразу на кольцевую, поворот налево, потом сразу направо, и вот она: остановка «Метрополис». Я со всей скорости подскочил к остановке, двери открыл, едва ли не на ходу, потому что тот пройдоха уже следом прет. А он на бешеной скорости наперерез мне подъехал, дорогу загородил, из кабины выскочил и бежит с матюгами и кулаками. Подбежал, двери мои рвет, открыть пытается. Это что же получается: «Выходи, – мол, – на кулаках померяемся!». Я дверь не открыл, конечно, еще не хватало, хотя морду бы я ему набил. В общем, послал я его, да и не только послал, сказал все, что я о нем думаю, крепко сказал.

Вдруг чувствую, Люся меня за рукав теребит. «Да угомонись ты», – шепчет, сама на пассажиров оглядывается, а в салоне такая тишина. Меня, как водой холодной окатило. «Что это, – думаю, – со мной, я ведь забыл и что я, и где я!»

И тут вдруг одна женщина, пассажирка, ладненькая такая, симпатичная, я ее в зеркало вижу, говорит:

– Я вот сейчас ни времени своего не пожалею, ни сил, вызову гаишников (до сих пор их так называют). И пусть они разберутся, кто из вас прав, а кто неправ. И чего это вы с утра пораньше, по такой-то дороге, ралли устроили на своих калымагах? Да еще с пассажирами на борту. Да и наслушались мы ваших матюгов на весь оставшийся день.

Она говорила, как будто гвозди заколачивала, громко, четко, слово к слову, при полной тишине.

– Ой, да вы извините его, сроду с ним такого не бывало, – робко заступилась за меня Люся.

Снова в салоне стало тихо-тихо. Женщина, вижу в зеркало, в окно отвернулась, чего, мол, связываться, себе дороже. Понятно, что нико-

го она вызывать не будет, другие пассажиры молчали. Те, что только что зашли вообще ничего не поняли. И я задумался, ох, и крепко я задумался. Нет, не испугался я, не забеспокоился. Мне вдруг так стыдно стало, так позорно. «Это что же получается, – думаю, – мы за какие-то лишние восемьдесят-сто рублей в скота превращаемся. Это до чего же нас довели, мы за гроши эти...». Да не так я думал, я похлеще еще думал. «Это чтобы трех-четыре лишних пассажиров взять, мы...». Вот тут я нашел слова, кто мы, и что мы делаем, жаль мне написать их нельзя.

Посидел я самую малость, подумал, да и поехал потихоньку по маршруту. Спокойно, размеренно поехал, ласково даже. «И вот, – думаю, – хорошо же так-то ехать, без нервов». Так тихонько и доехал до конечной остановки, всех развез, кому куда надо.

Подъезжаю, а тот «лихач» там стоит, у своего «пазика» стоит, курит. Наверное, меня ждет. Внешне вроде такой же, как я, невысокий, коренастый, помоложе только. Я пачку с сигаретами достал.

– Николай, ты не связывайся, – тут же зашептала Люся, забеспокоилась.

Я ничего не сказал, взял сигарету, вышел из автобуса, направился к нему. Подхожу, показываю жестом, дай, мол, прикурить. Он молча сигарету протягивает, я прикурил, и стояли мы дымили, ни о чем не говорили, а чего тут скажешь? Мне кажется, мы об одном и том же думали.

«Кто, если не я сам отношение к своей работе изменяю? – думаю я, – только я сам! Что я за каких-то восемьдесят-сто рублей человеку мор... В драку полезу. Нет. Я могу все изменить сам. Я могу! Каждый день спокойно, ласково даже, всех развезу. Я могу людям каждый день приятное делать. Люся чистоту в салоне наводит, а я музыку включу, подберу на любой вкус, сейчас техника позволяет, не захотят музыку, пусть в тишине едут. И остановки все объявлю, запись сделаю, да еще расскажу, почему именно так называются. Почему “Некрасова”? В честь русского поэта, который еще когда задавался вопросом: «Кому на Руси жить хорошо?» (Вы уже догадались, что это мне моя жена, учительница, подсказывает и ошибки она же проверит, я вам доло-

жу). Вот так надо к своей работе относиться. Ты добро людям делаешь, так делай его по-человечески. Ты – человек труда, а это звучит гордо! И пусть не в чести теперь трудиться на благо...»

Если честно, то, трудиться, как-то вообще не в чести теперь. Мне кажется, что и слово-то это уже забыли. Теперь все зарабатывают. Вот так, или примерно так, я думал. Мы постояли, выкурили по сигарете, потом также молча пожали друг другу руки и я сказал:

– Ну, что? Поехали.

– Поехали, – охотно отозвался приятель.

И мы поехали, каждый по своему маршруту. Смену я отработал как-то легко, спокойно, улыбался даже иногда.

Вот такая незатейливая история со мной приключилась, но вот заставила же задуматься и понять кое-то. Если что не так, извиняйте.

Со всем уважением, Николай Иванов.

ЗАХАРОВА Наталья Героевна

Родилась и выросла на Дальнем Востоке. С 1985 года проживает в Курганской области. По профессии - журналист. В 2015 году вышла на пенсию. Номинант поэтической премии «Есенинское наследие», победитель Всероссийского литературного конкурса в 2017 году под патронатом Министерства Обороны России, Министерства культуры

России, Российской государственной библиотеки - «Герои Великой Победы», призёр и финалист этого же конкурса в 2018 году. Награждена двумя Почётными знаками конкурса. Автор поэтического сборника «100 ступеней к счастью», очерковых зарисовок «Для славы мёртвых нет», книги памяти «Возвращённые имена».

ОДНИ ИЗ ПЕРВЫХ

На огромном в 190 гектаров поле рядком стоят К-700 в ожидании засыпки семян. Увидев нас, механизаторы вышли из кабин перекурить, перемолвиться словом.

– Не спешим мы, – говорит корреспондентам руководитель КХ «Стимул», находящийся тут же, А. А. Вараковосов. – Практически это последнее поле, предназначенное для посева. Погода позволила в лучшие агрономические сроки справиться с посевными работами.

Подходим к трактористам А. Семёнову, С. Кокорину и Е. Бочагову. Стоящие у кромки поля огромные стальные гиганты зафиксировали ровные, как по линейке, ряды уже обихоженной земли. Молодым парнишкой, закончившим Мокроусовское ПУ, пришёл работать на трактор Андрей Семёнов в начале девяностых годов. За эти годы нелёгкого крестьянского труда с землёй пришли мастерство и умение. Говорят, где родился – там и пригодился. Это выражение как никогда подходит к трудовой биографии тракториста.

– В другие края не манит? – провокационный вопрос заставляет парня улыбнуться.

– А мне и здесь неплохо. Женился, обзавёлся семьёй. Есть дом, работа. Что ещё надо? Хотя вот зарплату повыше не мешало бы иметь...

– Да, не в почёте нынче сельскохозяйственное производство. Цена на зерно, по сути, остаётся на застывшем, на долгие годы, уровне – по семь рублей за килограмм, когда в нынешнюю посевную литр ГСМ стоит в ряды больше, – сокрушается подъехавший на машине генеральный директор “Агро-Стимула” В. В. Куликов.

– Если десять лет назад горючее приобретали за урожай на бартер 1:3, – добавляет Олег Владимирович Куликов, сын генерального директора, работающий в тесной связке с отцом, – то сейчас обмен можно совершить как 1:30. Вот так грабят крестьянство. Эх, да что об этом говорить!

К кромке ярового клина подходит ДТ-75, управляет которым победитель соревнований между механизаторами в прошлом году Н. Г. Опальков. И в нынешнюю посевную Николай Геннадьевич не на последнем месте: боронил и сеет сейчас последние гектары, как бы ставя вместе с остальными завершающую точку в весенне-полевой кампании. Вдалеке показался К-700 Ю. Н. Просекова. Трактор лихо развернулся, подняв шлейф чёрной пыли – и не сбавляя темпа хода – поплыл по пашне к горизонту.

Где-то зацепил по дороге острей от ржавых вил один из КамАЗов. Шофёр – В. Достовалов, ругнулся, вылез из кабины его заменять. Тут же на помощь подоспели товарищи – А. Абабков, А. Усов и А. Урванцев. Споро справились с поломкой, машины встали под разгрузку... Мы не мешаем ребятам работать, а едем дальше.

– Вот здесь, – указывает на дальний клин поля О. В. Куликов, – «поселился» горох. Нынче его закупили в достаточном количестве, если лето будет хорошим, даст отличный урожай.

– А какой сорт?

– «Ямал», жёлтые бобы. Стручок крупный, сахаристый. По осени этот сорт позволит его убирать комбайнами напрямую. Пшеница тоже сортообновлённая, «Люценсен», даёт неплохой урожай... Сейчас бы дождичка, уж больно почва высохла...

**Генеральный директор
„Агро-Стимул“
Владимир Васильевич Куликов**

Как бы в подтверждение этим словам, на небе громыхнуло, и мы поспешили на центральную усадьбу, петляя по ухабистым дорожкам, известным на степи, наверное, только механизаторам да местным жителям.

В стационарной столовой на территории МТМ играет музыка. Это агитбригада районного Дома культуры приехала своими песнями поддержать тружеников полей. На обед – вкусные наваристые щи, макароны с котлетой и крепкий чай. Всё это готовит Светлана Крашакова со своей помощницей. Не первый год она варит для механизаторов, так что нареканий на обеды от мужиков нет. Наоборот, иной и добавки попросит.

Перед собравшимися выступают артисты А. Г. Шепелин, В. М. Сумин, девчата вокальной группы. Концерт короткий, так как для большого времени нет. Снова спешат на поля механизаторы, а артисты – в сторону другого хозяйства.

Наконец-то упали первые дождевые капли.

– Вовремя, – радуется руководитель ООО «Агро-Стимул» В. В. Куликов, вышедший нас проводить до машины. – Только бы побольше, чтобы земля пропиталась влагой...

Постфактум: В прошедшие выходные агростимуловцы полностью отсеялись и готовятся к празднику «Первая борозда».

МАЙ – ЭТО ТРУД НА ЗЕМЛЕ

Неприветливо началась нынешняя весна: то лицо секущим дождём полоснёт, то снег на землю-матушку напустит. Да и ветры не весенние дуют, а скорее, осень напоминающие. Труженику-земледельцу погода нынче во как нужна! Не может он весной без дела сидеть, и всё тут. Вон, за огородами, уже давно журавли прохаживаются, из тёплых краёв прилетели, а значит, и тепло должно быть.

– Тиньк, тиньк, тиньк, – звенит отбойный молоток. Это Александр Лисицын из крестьянского хозяйства «Факел», несмотря на непогоду, орудует около «гусеничника». За огородами частного подворья на линейке готовности сеялки, комбайны. Двадцать лет назад зажегся на маломостовской земле этот «Факел», который горит, по сей день, доказывая ленивым и нерадивым, что если сильно захотеть, можно многого достичь.

Не сразу всё давалось братьям Лисицыным. Были и чёрные дни, но крестьянская настойчивость помогла всё преодолеть. Родом они из деревни Осеево – батрацкой, как говорили старые люди. Александр в семье – самый младший из сыновей. Рассказывает:

– Биография наша простая, как у многих деревенских. Нас шестеро у отца с матерью росло: три брата и три сестры. Отец – Афанасий Петрович Лисицын – природный пахарь. Работал механизатором в колхозе «Заветы Ленина», бригадирил на комплексной. Поближе к пенсионному возрасту по состоянию здоровья перешёл в лесники. Но тяга к земле звала и звала вернуться обратно к земледелию.

К годам перестройки сыновья – Саша, Владимир и Сергей – выросли, отслужили в армии и домой вернулись.

Александр продолжает наш разговор:

– Детство прошло в деревне Круглое. Кругом красота неопишная, озеро прямо в деревне. Земля богатая, плодородная. Родители с утра дотемна на колхозных работах. Мы росли, как придорожная трава, воспитанием целенаправленным особо никто не занимался, но к крестьянскому труду сизмальства приучены...

Я посмотрела на мозолистые, с не отмывающимся, вьёвшимся ма-

зуютом, руки моего собеседника и мысленно улыбнулась: действительно, рабочие они у Александра. А тот продолжал своё повествование дальше:

– Звёзд с неба не хватало, учились в Маломостовской школе. Я потом вечернюю школу – девять классов закончил. К началу службы в армии права водителя получил, освоил трактор, комбайн. После армии женился. У братьев примерно такая же судьба...

– А в колхозе работал?

– Конечно, шоферил: в весенне-полевых работах, осенней уборке участвовал. Жили с женой Фаиной в колхозном каменном доме. Но что-то не устраивало, всё не так как-то – хотели свой дом поставить.

– Поставили?

Улыбается: – Конечно. Правда, достался он нам...

Дом действительно, хорош: добротный, на прочном высоком фундаменте. Кроме веранды, имеются кладовые, внутри – три комнаты, кухня на сибирский манер, с плитой. Везде чистота и уют.

– Это моя Фаина поддерживает, – увидев мой оценивающий взгляд, поясняет Александр. – Растут двое ребятшек, тоже помогают в домашних хлопотах. А мне вот не до дома сейчас, – и он озабоченно выглядывает в окно, где косой дождь вперемешку со снегом ложится на весеннюю оттаявшую землю. – Тут бы закрытие влаги до сева успеть сделать, а он сеет и сеет как назло, – огорчённо произносит Саша.

В 1992 году, когда в стране завёртывалась перестройка, собрал отец на семейный совет сыновей и сказал: “Так, ребята, колхоз разваливается, пора свои паи земельные, пока не захламлины, в одно целое собирать, пшеницу выращивать, чтобы выжить как-то”. Братья согласились. Оформили крестьянско-фермерское хозяйство, три стареньких трактора из колхоза выкупили в счёт паёв, из Казахстана комбайн пригнали, отремонтировали – и засучили рукава.

– Первые пять лет вообще по полям без прибыли работали, – рассказывает земледелец. – Проблем – выше крыши. Сразу два дома решили строить – мне и Володе. Бывший председатель колхоза Г. Г. Быков в штыки наше хозяйство принял: надо на «Кировце» лес вывозить – не даёт, на пилораме доски пилить – не пускает. При-

шло лес из Марайки всякими оказиями доставлять, доску – тоже. Но за довольно короткий срок успели под крышу стены подвести. Новоселье в один день справили.

В коридоре послышалась весёлая возня. Это вернулась из школы младшая дочь Оля. Увидев, что в доме гости, юркнула в свою комнатку, затихла.

– Было у нас 85 гектаров земли. Втроём под руководством отца обрабатывали, пшеницей засевали, овсом, ячменём, – говорит А. Лисицын. – Кредиты в банке не брали, ссуды – тоже. Сами обходились. Друг за дружку держались.

В настоящее время в крестьянско-фермерском хозяйстве 500 га пашни. Половина из них под парами. Увидев, что поля у братьев Лисицыных чистые, обихоженные, родственники предложили свои паи. По осени пайщикам из выращенного урожая возвращается по 11 центнеров зерна.

– А технологии какие-нибудь соблюдаете? – интересуюсь.

– Да какие тут технологии, – ерошит рукой свои волосы на голове собеседник. – Каждый из нас – агроном. Ведь как получается: молодой специалист приедет на село, всё равно постигает на практике всё выученное в институте. Так и мы. Семена у нас «Новосибирская». Раза два за эти годы пробовали закупать элитные сорта. На нашей земле они дают высокую урожайность лишь два года. Затем – всё. Семенной фонд закладываем с осени: веем, просушиваем. Есть небольшое хранилище, нам хватает. Каждую осень поля плугами пашем. Нынче решили вспахать без оборота пласта – БДТ.

– Александр, весна нынче недружная. Когда планируете выезжать?

– Каждый год с 17 мая начинаем сев. 15 мая пашем свои огороды, а через два дня – в поле.

– И успеваете?

– А что тут такого? Работы, если по-хорошему да по погоде, на неделю. Помогают засыпать семена двое рабочих по найму. А так втроём – я, Владимир да Сергей справляемся.

– Трудно, наверное? – спрашиваю Александра.

Семья Лисицыных

– А где легко? В деревне всё трудно. Сев на носу – это значит всё время в поле.

Выходим во двор. На открытом пригоне, учуяв хозяина, замычали коровы. Их на подворье фермера две. Два телёнка пока в стаде. Четыре подращённых годовалых резвятся тут же. В свинарнике 20 поросят. Мясо идёт не только на собственное пропитание, но и на продажу.

– Сейчас, когда цена на мясо немного подросла, выгодно держать скотину, – рассуждает фермер. От четырёх телят вырастим, доход определённый они принесут. Где ещё в деревне такие деньги заработаешь?

– Так ведь тяжело? – говорю со стоном.

– Когда для себя, всё в радость.

– А проблемы есть сейчас? – спрашиваю, уже прощаясь у калитки, А. Лисицына.

– Если честно, то нет. Живём с братьями дружно, копилка – общая. Кому на ремонт техники надо, ещё для каких нужд – берём и отчитываемся за каждую копейку. Стяжательством и делёжкой не занимаемся. Праздники отмечаем семьями. Отец у нас – всему голова. Два года назад новый дом им с мамой поставили. Пусть и они хоть на старости лет поживут.

... Прощалась с фермерами с грустинкой. Жаль было уезжать из гостеприимного дома, где все ценят и уважают труд хлебороба, и где каждый нашёл своё место на этой земле.

СИРЕНЕВАЯ КИПЕНЬ

Ах, до чего хороша сирень в мае: нежно-розовые соцветия духмяно пахнут в палисадниках у рассветских изб, привольно раскинувшихся вдоль главной дороги, где стоял дом Геннадия Антоновича да Евдокии Ивановны Рыльских. В их семье росло пятеро детей. Одна из них – Аннушка – до самозабвения любила этот тонкий пряный запах сиреневой кипени, который врвался в свежeweымытые окна, только-только распчатых от зимы. Ах, чего не придёт в голову весной, когда тебе лишь семнадцать, окончена школа, а впереди – целая жизнь романтических приключений и широкая дорога вдаль.

Родившаяся в Шелепово, успевшая повидать страну вплоть до Дальнего Востока, где в конце 50-х годов в Комсомольске-на-Амуре служил её отец, перевёзший всю семью на р. Амур, она с детства любила романтику, жажду к путешествиям.

Но душа зауральского крестьянина не приняла новых мест, и как только закончился срок службы, Рыльских вернулись в родной край. Но проживание на Дальнем Востоке навсегда запечатлелась в детской памяти Аннушки.

Сколько себя помнит, Анна Геннадьевна (теперь давно уже Конищева), всегда готовила себя к будущей профессии медика. Это и игры с девочками «в больницу», и перевязки, которые она старательно накладывала на ободранные коленки соседских пацанов-сорванцов, и лечение всех в округе собак да кошек. Отец, видя старания дочери, досадно кричал: «В кого ты у нас, Анька, такая уродилась? Мы вроде бы все от сохи, а ты в «антиллигенцию» пошла», – и отправили девочку учиться в Курганское медицинское училище.

Там Анна впервые узнала, что такое медицина наяву. Любила латынь, самозабвенно на санфельдшерском отделении учила химию, с удовольствием «санитарила» на практиках в больницах Кургана. В летние каникулы приезжала к родителям в Рассвет, а мыслями и душой была там, где-то на краю земли, где нужна была её медицинская помощь.

Романтика подтолкнула выпускницу медучилища написать письмо

в Минздрав СССР с просьбой «направить туда, где трудно с медиками». И как ни странно, ответ пришёл, а вслед за ним, и вызов молодому специалисту – в заполярный Норильск. Так Анна Геннадьевна вновь, как в детстве, ощутила зуд романтических приключений, когда от Красноярска самолёт шесть часов её нёс на крыльях в Заполярье.

Встретили молодого специалиста хорошо. Но работа была не из лёгких. А. Г. Конищева вспоминает: «Условия для работы с больными были в те годы на севере отличными. Но приходилось оказывать медицинскую помощь больным и вдалеке от города – на подстанциях, в зимовьях. Добирались, как правило, подручным транспортом – на оленьих упряжка, на собаках, которые везли нас сквозь сугробы в метель и пургу. Помню свой первый вызов: пришлось оказывать срочную помощь рабочему, который на трассе раскроил себе лоб. Наложил скобы на рану, так как она была очень глубокой»...

Кто его знает, может быть, так и осталась бы девушка работать и жить в Норильске, если бы не огромная любовь, заслонившая карьеру, быт. А она была к простому деревенскому парню Михаилу Конищеву, с которым Анна познакомилась в сиреновой кипени села родного и которого накануне своего отъезда в Норильск проводила в армию.

Оттуда, из далёкого «хлебного» жаркого Ташкента, летели в Заполярье не менее жаркие письма к своей любимой Аннушке. И засобиравшись молодой специалист в отпуск, как только пришло сообщение о том, что солдат демобилизовался и возвращается домой. Так после долгой разлуки снова в рассветской тишине встретились «лёд» и «пламень», «север» и «юг». Говорят, от судьбы не уйдёшь. И молодые не смогли уйти от неё, хотя по сути дела, и не старались этого делать. Сыграли свадьбу, а в Норильск улетело письмо с просьбой увольнения и пересылки документов в Зауралье по причине замужества.

Где родился, там и пригодился. Специальность медроботника пришлась как раз в пору в сельской глубинке. В Рассвете действовала хорошая участковая больница, в которой лежали пациенты и из других деревень и сёл. И Анна Геннадьевна влилась в трудовую коллек-

На снимке: председатель профкома поликлиники А. Г. Конищева на церемонии награждения ветерана труда, ветерана Великой Отечественной войны фельдшера К. Д. Вагиной орденом Великой Отечественной войны 2-й степени

тив сразу. Михаил после армии решил, что негоже от жены в образовании отставать: заочно закончил Петуховский сельскохозяйственный техникум, затем, сельхозинститут, работал управляющим отделением.

Благоговейно вспоминает моя собеседница те далёкие годы своей молодости.

– Моим первым наставником в зауральской глубинке были Т. И. Коткова и А. П. Король. Я их вспоминаю с чувством великой благодарности за то, что они были в моей жизни. Многому у них научилась. Специфика труда в участковой больнице широка. Так что к санфельдшерской специализации прибавлялись и другие. Работа нравилась, и я отдавалась любимому делу вся, без остатка. Часто слышу теперь, как многие сетуют, что идти на работу, как на каторгу. А я всегда ходила в больницу как на праздник.

Действительно, медсестра у любого врача – это правая рука. В Мокроусовскую поликлинику А. Г. Конищева пришла опытным специалистом. Четырежды повышала квалификацию, специализировалась по хирургии. Многие годы проработала в поликлинике в хирургическом кабинете. Опытные, и не очень, эскулапы восхищались её бесстрашием при виде самых ужасных ран, ловкости и сноровке при их обработке. Одна моя знакомая рассказала, как долгое время страдала фурункулёзом. Врач наконец-то его удалил. Но ранка долго не заживала, гноилась. Ходила больная на перевязки. Анна Геннадьевна чис-

тила не закрывающуюся рану. И на эмоциональный всплеск больной: «Как вы не брезгуете возиться с такими болячками?»), – медсестра ответила с улыбкой: «Я просто люблю делать свою работу и мне это не противно»...

Прошло много лет, а знакомая помнит эти слова до сих пор.

Дома Анна Геннадьевна была надёжным тылом. Михаил ни разу не упрекнул в том, что на работе задерживается, что подолгу заседает «в народных заседателях» в суде, что профкомовские дела и заботы отрывают от семьи иногда и в вечернее время. Дети, видя мать в белом халате, не прельстились профессией медика. Сын трудится механиком, а дочь, закончив сельхозакадемию, определилась в Кургане.

В 2002-ом году А. Г. Конищева была переведена старшей медсестрой поликлиники. Отработала на этой должности вплоть до выхода на пенсию. Думала, что займётся домом основательно, огородными работами. Да куда уж там: не прошло и трёх месяцев, как её снова позвали в доврачебный кабинет медсестрой. И не смогла отказаться. Согласилась. Второй раз попытка уйти основательно на заслуженный отдых была предпринята три года назад. Но востребованность в её опыте и специализации победила. И снова Анна Геннадьевна вернулась в свой родной коллектив, работает в кабинете медсестрой у врача-терапевта И. Л. Медведчиковой. Ирина Леонидовна отзывается об Анне Геннадьевне, у которой трудовой стаж уже в 50 лет, тепло и сердечно.

– Профессионал своего дела, чистоплотная, постоянно следит за порядком в кабинете, тактична с пациентами, всегда прибодрит заболевшего и обратившегося за помощью, – таковы слова врача об Анне Геннадьевне. – Ей полностью можно доверять!

Несколько лет назад А. Г. Конищева отметила свой юбилей. Юбилярша на нём тепло вспоминала, кто давно уже из плеяды врачей на заслуженном отдыхе, с кем вместе работала в хирургическом отделении и поликлинике.

– Были среди молодых, – говорит Анна Геннадьевна, – хирурги от Бога! Это И. А. Суров (сейчас имеет частную пластическую клинику в г. Калининград), И. Ю. Гросс. С благодарностью вспоминает глав-

врача Мокроусовской больницы В. С. Лукина, фельдшера-дерматолога Н. М. Скокову. Вечерами успевает сбежать в районный Дом культуры, где она – участница народного хора ветеранов. Песня помогает ей в жизни, постоянные гастроли, встречи с новыми слушателями, дают энергию жить и работать дальше.

Каждый раз, приезжая в Рассвет, где когда-то жили родители и она сама, вспоминает женщина годы своей молодости, участковую больницу, которую «съела» перестройка. Поредела сиреневая кипень палисадов в Рассвете, как-то пустынно и тихо сейчас на улицах села. Но скоро наступит новая весна, и как в её далёкой молодости, сиреневый запах напомнит о родном, близком, желанном...

ВЫЙДУ УТРОМ В ПОЛЕ С КОНЕМ

Ничего на свете так не любит пастух Сайлау, как своего коня и бурёнок – неважно, что они с чужих подворий. И не просто любит, а знает о них всё-всё. Потому что сызмальства этот казах живёт среди животины – своей и чужой – и не мыслит себя на иной работе, чем как пасти скот. Родом С. Б. Касенов с Северного Казахстана. Там, в Джамбульском районе, он родился и вырос в большой, дружной казахской семье. Тринадцать братьев и сестёр имел Сайлау Бекешович. Прадед и дед его были пастухами, отец – тоже. Для казаха лошадь, что жена родная. Поэтому ещё мальцом научил его отец держаться в седле. И сколько помнит себя Сайлау, вся жизнь его прошла рядом с конём. Скакуны для народа Казахстана – и тяговая сила, и одежда. Но главное: конь – друг и незаменимый помощник в пастьбе скота.

– Гой! Гой! Гой! – несётся песня пастуха по степи, когда он вместе со стадом спускается к водопою. Коровы, которых он взялся пасти, знают: этот человек их не обидит, не стеганёт плёткой, не закричит и не замахнётся в гневе. Поэтому они спокойны и послушны.

По окончании восьми классов казахской школы отец забрал Сайлау в степь помощником. Дороги казаху просторы степные: изучил досконально траву, которую любят и не любят животные, места, где особо скот прибавляет в молоке. Суслики, тушканчики, полёвки-мышки

– места их обитания – знакомы парню. Степь – дом родной для казаха, и всё живое, что обитает в ней, любо.

После службы в армии, которой он добросовестно отдал два года, вернулся солдат домой. Сёстры замуж повыходили, уехали в соседнюю Курганскую область. Решилась к тому времени и семейная жизнь Сайлау – женился на красавице Жумагуль, через девять месяцев она сына подарила счастливому мужу джигита!

Молодая семья легка на подъём. Позвала сестра к себе в Курганскую область. Съездил, понравилось Сайлау Бекешовичу в СтароПершино, что в Мокроусовском районе. Правда, это не степные просторы. Но работу, дом в колхозе «Октябрь» пообещали. И решили Касеновы переехать на постоянное место жительства в нашу область. Так в 1989 году он обрёл вторую родину, второй дом.

Сейчас Сайлау думает, что вовремя переехал, потому что через два года это обернулось бы молодой семье материальными и моральными издержками, и не было бы российского гражданства. А так – все катаклизмы, которые пережили и казахские, и русские семьи после выхода из состава СССР Казахстана, оформляя гражданство, обошли стороной Касеновых.

Слыл неплохим пастухом Сайлау в колхозе. Гурт коров, за которым он ухаживал, был немаленьким. И редкостью стал падёж общественного поголовья. А это уже о чём-то да говорит. Жумагуль Турсуновна работала в животноводстве, доила коров. Подрастал второй сынишка. Своё хозяйство, которым обзавелись Касеновы в Старо-Першино, спасало от голода в перестроечные годы. Колхоз развалился, перспективы дальнейшей не стало. Тогда Сайлау Бекешович согласился пасти стада сельчан. Так и жили до поры до времени.

Хозяин задумал перебраться туда, где мог бы продолжать учёбу выросший старший сынишка Сырымбет. Так они оказались в Мокроусово. Хороший работник везде найдёт себе дело. Не остался без работы Сайлау и в райцентре. Обязался на общественном собрании ухаживать весь летний период за одним из гуртов частного подворья. Хозяева бурёнок, овечек да бычков подметили в пастухе этакую природную хватку – грамотно и толково водит стадо, один зоркий взгляд,

**Пастух
Сайлау Бекешович
Кайсенов**

и он знает, сколько сегодня пасётся коров. Приглянулся сельчанам Касенов и тем, что вина не пьёт, добросовестно выполняет все взятые на себя обязательства. С начала лета

Сайлау Бекешович принялся за порученное дело и не бросил стадо до первых заморозков и снежного покрова.

Худо было без друга-коня. И купил его, и стало веселее пасти скот. Жизнь на мокроусовской земле налаживается: дали небольшую квартиру Касеновым по ул. Октябрьская, а поначалу ютились в школьном интернате. Сырымбет окончил училище, по профессии механизатор. Трудолюбивый, открытый и прямой парнишка вырос у Сайлау и Жумагуль. Как и отец, не касаясь ногами земли, может взлететь на круп коня, во весь опор промчатся тихими мокроусовскими улочками. Закончил школу и второй сын сын. И наполнено радостью сердце у отца: растёт и его смена. А уж любовь к животным он сумеет передать своим детям. Хоть и трудная она, несладкая: и в дождь, и в зной весь день в степи со стадом – каждому ли по силам? А владельцы бурёнок частного сектора благодарны пастуху за его трудолюбие и честность, за его добросовестность и заботу. Многие так и говорили: «Казах пасёт – коровы с полным выменем молока домой приходят». Это ли не высшая награда – доверие людское?

КУЗНЕЦОВ Михаил Иванович, старейший лесовод области

Сергей СУРАЕВ

Хлебороб

Художник

ЗИМИНА
Людмила Николаевна

Проживает в селе Мокроусово. Автор романа «Между прошлым и будущим». Ее стихи неоднократно печатались в местной газете «Восход» и в журнале «Огни Зауралья». Многодетная мама - пятеро детей. Данные стихи она посвятила своей свекрови Зиминой Анне Ерофеевне.

ЕРОФЕЕВНА

Анна Ерофеевна с грустью вспоминала,
Утирая слёзы скомканным платком:
– В жизни я немало трудностей видала,
Ела не досыта, ходила босиком.

Ей всего одиннадцать было с половиной,
Как в годину страшную началась война.
Громовым раскатом, криком журавлиным
Ворвалась в сознание девочки она.

Не уйдут из памяти годы лихолетья,
Их солёно-горькие слёзы не сотрут.
Помнит о минувшем старенькая женщина
Голод и тяжёлый не по-детски труд.

– Анька, что ж ты, клуша, стадо распустила?
Анька, где ты, слышишь? – бригадир звала.
А она отцовским пиджаком укрылась
Рядом, под кусточком, умаявшись, спала.

Ей бы в эти годы в куклы наиграться,
Вволюшку побегать, книжки почитать,
Только Б не на ферму рано утром мчаться,
Чтоб телят колхозных пасти и охранять.

А зимой с лихвою добавилось заботы,
Надо сено, силос телятам подвезти.
И хрупкая девчушка бежала на работу
Подвязав тесёмками рваные чулки.

– Ну, айда в оглобли заходить, Буланный,
Нам теляткам надо сена надавать.
Стой же ты, холера, стой же окаянный! –
Ах, как было страшно ей лошадь запрягать.

Так в труде тяжёлом шли неспешно годы,
В мае в сорок пятом победы дождались.
И Аннушка решила: “Всё, прошли невзгоды!
Небо будет чистым, мирной будет жизнь!”

На деревне снова слышались припевки,
А девчат правленцы к тракторам зовут.
Мать заголосила: “Аль сдурела девка?
На курсы трактористок в пятнадцать не берут”.

Но она упрямо, проявив характер
Уехала учиться в соседнее село,
А потом отчаянно покоряла трактор,
Обманув инструктора, добавив лишний год.

И работать даже в том селе осталась,
Видно, так дано ей было по судьбе.
Боронила землю, сеяла, пахала.
Никому не плакалась о своей нужде.

А когда исполнилось Аннушке семнадцать,
С парнем познакомилась в поле у межи,
Стала с ним всё чаще девушка встречаться
На полях пшеничных, ячменя и ржи.

Недолго хороводились: влюбились, поженились.
И вскоре она первенца с радостью ждала.
А когда поля под белым снегом скрылись
Анна трактор мужу своей передала.

– Затем у нас рожались дочки и сыночки
В целом получилось шестеро детей.
Так в делах, в заботах, шли года-годочки,
Жили небогато, да всё как у людей.

Анна Ерофеевна вытерла слезинку
Изогнув дугою реденькую бровь:
– Я же всё на ферме, я же со скотинкой,
А с детьми сидела бабушка. Свекровь.

Робила дояркой, сперва рукам доили,
Потом уж аппараты стали подцеплять,
А мои удои повышенными были,
Грамоты да премии стала получать.

Жили. Всё нормально. Дети, муж надёжный
Да вот только рано овдоветь пришлось.
Заболел мой Саша воспалением лёгких,
Да хворый на работу. Себя не уберёг.

В тридцать три годочка его похоронила,
Выла как шальная, думала, помру.
Как мне тяжело было, сердце болью ныло
Уйти хотела следом, одумалась к утру.

Жить для детей старалась, огород сажала,
И мужняя работа вся на меня легла.
Я и мужик, и баба, и ферму не бросала,
А вот петь не пела. Долго не могла.

Старенькая женщина голову склонила,
Вытирая слёзы, всхлипнула слегка:
– Анна Ерофеевна, что же дальше было?
Много у вас стажу?
– Да больше сорока.

У Анны Ерофеевны – труженицы тыла
И в восемьдесят восемь дел невпроворот:
Утки, гуси, курицы и в чистоте квартиры,
Сама еду готовит, содержит огород.

– Я ж в молодые годы, – вздохнула Ерофеевна, –
Боевой, отчаянной головушкой была,
А жизнь, как песня спетая, уж и самой не верится,
Что это мною прожито, что это я смогла.

Робила все робила, в жару и в стужу лютую
Щас вот спать не можется, и здесь болит, и тут,
И лишь напоминанием в махонькой шкатулочке,
Лежат мои медали за многолетний труд.

Так что ж ты, Ерофеевна, голову склонила,
Утираешь слёзы скомканным платком?
Ты свои награды честно заслужила
Тяжким многолетним, праведным трудом.

КАЛУГИНА
Нина Ивановна

В 2011г выпустила свою книгу «Дорогой жизни». Печаталась в сборниках по итогам областных литературных конкурсов: «Спасительный свет» и «Дорогие мои старики». Стала финалистом Всероссийского ежегодного конкурса «Герои Великой Победы» 2018 года.

ЛЮБИТЬ ЗЕМЛЮ

Что такое труд? Это основной двигатель человеческой жизни. Без труда человек – ничто, «пустышка», а труду нужно учиться с самого детства. Выбирая, в дальнейшем своё дело, но чтобы не привлекало тебя в жизни, ты должен уметь многое.

Первоначально к труду приучают, конечно же, родители. Мне повезло, у меня были хорошие учителя: бабушка, мама и крёстный отец – мой родной дядя, вот о них-то и хочется рассказать.

БАБУШКА

Предеина Наталья Васильевна, родилась в семье верующих и поэтому была обучена грамоте, как и все её братья и сёстры. Но она посвятила себя сельскому хозяйству и земле. Будучи подростком, пасла телят, а потом начала работать телятницей, ей она проработала до самой пенсии. В 1973 году стала лучшей телятницей района. Бабушка вообще любила работу и всё выполняла добросовестно. За что бы она ни бралась, всё спорилось в её руках.

Похоронив мужа в 1956 году, осталась одна с четырьмя детьми, младшей – Любаше было всего три года. Всё приходилось делать самой: косить сено, отбивать литовки, вязать, шить, колоть дрова, подшивать валенки, стирать, варить, стряпать, содержать огород и мно-

гое другое... В деревне бабушку все уважали, ценили. Когда бабуля вышла на заслуженный отдых, без дела ни дня не сидела. Если проводились проводы, юбилеи, свадьбы - от заказов не было отбоя. Бабушка стряпала пышный хлеб, вкусные пироги, сдобу (булочки, пирожки, селянки), пекла замечательный фигурный хворост. А с приближением зимы к ней чуть ли не со всей деревни несли на подшивку валенки. Также всех своих четверых детей и восьмерых внучат к зиме «обвязывала» варежками, носками, перчатками. А летом, когда начинались покосы, многие приносили отбить (наточить) свои литовки (косы) именно ей. Трудно было найти в деревне второго такого умельца. Да и в огороде всё росло на зависть сельчанам, а сельчане все её величали не иначе, как Наталья Васильевна, только лишь самые близкие подруги называли Наташей.

В летние дни мы с бабушкой Талей уходили далеко в лес по ягоды и по грибы, порой за день наматывали 15-17 км. Придём домой, отдохнёт бабуля с часок – и опять за работу.

В свои 80 лет она приносила от 10 до 15 коромысел воды и всю колола дрова. Полы у неё в доме не были покрыты краской, но были добела выскоблены. Не было у неё и стиральной машинки, но бельё всегда было чистым и свежим, хотя и стирала на доске в корыте. Да и в доме была чистота и порядок, многому и меня научила, моя бабушка передала кой-какой опыт.

МОЙ ДЯДЯ (крёстный)

Предеин Иван Васильевич тоже был «работягой». Свою трудовую деятельность начал в селе Осиновское, колхоз им. Калинина, что в Каргапольском районе.

Его хлеборобская стезя началась ещё в далёком детстве. Не успело ещё солнце умыться, день не растеплился, трава от росы ещё гнётся,

а мать уже будит:

– Вставай, Ванюшка, я телят выгнала, на покотине за логом ходят. Попаси сегодня за меня, я по хозяйству по дому управлюсь. Да смотри не усни, а то в пшеницу уйдут – грех, хлеб топтать.

Вставать тяжело, спать, ой как хотелось! Накинув на плечи старенький плащишко, Иван отправлялся в степь, где паслось стадо телят. Сырая трава, да росный воздух быстро прогнали дремоту, взбудрили. Не впервые ему такая работа, постоянно мать просила ей в домашних заботах помочь. А когда наступала сенокосная пора, он копны на лошади возил. Вот так всё лето его ребячьи игры и увязывались с делами взрослых. Каждый считал за честь на покосе трудиться. А когда приходило время, парень брал вилы и шёл копнить, а то и на зарод подавать, Здесь уже взрослым считали.

Вот таким самостоятельным и трудолюбивым рос Иван Васильевич Предеин из деревни Предеиной.

В Осиновской школе восемь лет проучился, и вот так из лета в лето колхозу помогал. А когда сдал все экзамены, то никуда не поехал, а дома остался. Во взрослой жизни утрами уже не будила его мать. Вставал сам, потому как с малолетства привычку выработал. Сперва был рабочим, а потом дали пару коней и поручили молоко с фермы на приёмный пункт в с. Соровское (Шадринский район) возить и там сдавать. Поднимался чуть свет и ложился с зарёй. Молоко всегда успевал сдавать в срок. Так всю зиму и ездил с фермы до Соровского и обратно. А к весне прицепщиком на трактор.

Отвели только посевную и его уже зав. фермой на новое дело направляет. Попросил подменить пастуха. Согласился он, да так и был до армии скотником. Никакой работы не надо чураться. «Главное – чтобы душа светлой оставалась, да запас трудолюбия не иссякал», – так частенько говорил мой дядя.

Если говорить о до армейском периоде, то он для дяди стал порой выбора. Кем только он не был. Перед самой службой выучился на курсах на шофёра. После в колхозе на ЗИС-5 поработал. И в армии уже был водителем с опытом и стажем. Когда вернулся, то ему тоже предложили быть шофёром. Только машину пришлось полностью восстанавливать. Практически годными были только одни лонжероны от рамы. Остальное всё заменил. Не на плохом счету среди шофёров был крёстный. Коммунистом здесь стал, секретарь парткома поручения всякие давал. Сначала, что попроще, а после более ответственные. Добросовестно их Иван выполнял и сам инициативу проявлял.

Заметные люди все на виду. Так и правление колхоза заприметило молодого водителя и предложило поехать в сельхозтехникум в с. Чистопрудное Шадринского района, учиться на агронома. Согласился. Каждую практику проводил у себя в хозяйстве, учился земледелию у хороших практиков, у которых за спиной десятки лет работы в поле. Встречался и перенимал опыт у Терентия Семёновича Мальцева. В первую же после техникума осень крёстный принял своё трудовое крещение на бригадирской должности. Бригадир первой бригады А.С. Петухов ушёл в отпуск, и пришлось выпускнику проводить уборку зерновых. Скосили и обмолотили хлеба в срок.

В постановке дела на жатве умелым организатором показал себя бригадир. И когда вся техника была поставлена на зимнее хранение, то крёстному предложили принять дела бригадира. Дядя в посевную на К-701 буксировал культиваторы, а осенью садился за штурвал комбайна.

Работал дядя и агрономом. Он часто брал меня с собой на машину и почти целый день возил на своей технике по полям. Рассказывал и показывал: где, что посеяно и я знала все злаки и кормовые культуры, какую траву сеяли коровам на корм. «Здесь посеяны: пшеница, рожь, овёс, греча. Там дальше горох, подсолнух, кукуруза. А вот тут: донник, люцерна, турнепс, кузиха и многое другое». Многому я научилась у своего лёли Вани и, между прочим, не из книг познавала о хлебе насущном. Лет с 14 подрабатывала в колхозе во время уборки,

правда на току. Сколько машин разгрузили плицами с подружкой Вале́й! А ещё я в школьные годы научилась водить трактор “ТП” и “Беларусь”, но трактористом не стала, хотя и корочки были.

Чтобы до тонкостей постичь любое дело, надо долго учиться. Хлебобопашеству же, сколько не учишься, всё равно не постигнешь всех тайн этой простой на вид науки. И если только с детства впитывал в себя мудрость веков, тот в работе успеха добьётся.

А в марте 1990 года лёля Ваня достиг высшего поста, стал главой сельского совета. Многие сумел сделать для своего села, за свои девять лет правления. И ещё бы, сколько смог, но к моему большому горю и сожалению его жизнь скоротечно оборвалась, а было дяде всего 53 года. Но свой след на земле он оставил, оставил его в моём сердце.

МАМА

Моя мама Предеина Галина Васильевна тоже была большой труженицей также в колхозе «им. Калинина». Работала мама дояркой, с 10 лет и меня научила доить коров, я часто помогала ей на ферме.

Жили втроем: мама, я и младшая сестрёнка Танюшка, отцу мы были не нужны и поэтому всю домашнюю работу, и мужскую и женскую приходилось делать маме самой. Вплоть до того, что тоже рубила дрова, строила небольшие постройки: пригоны для поросят и крупнорогатого скота, курятники и туалеты.

Мама очень любила землю. А когда мы переехали жить на железнодорожную станцию (ст. Каргаполье), мама работала на ХПП (хлебоприёмное предприятие). Затем трудилась на комбикормовом заводе разнорабочей, позднее стала дозаторщиком.

Одним словом, все были приурочены к сельскому хозяйству и к земле.

Мы часто ходили с ней в лес по грибы и по ягоды, а ягодником она была отменным. Пока не наполнит ведро, домой не пойдёт. За нашу короткую жизнь с мамой она купила три свои дома и всё хозяйство, то есть постройки доводила сама “до ума”. Я поражаюсь, как эта с виду такая хрупкая женщина, тянула непосильную ношу. И вообще

откуда у нас у всех троих брались силы?

Поэтому я с самого детства впитывала любовь к труду и к земле. Многому меня научили мои родные: мама, бабушка и крёстный. Мне приходилось пасти телят, овец, доить коров, носить молоко на коромысле до приёмного пункта, бывать на покосах, в делянах на заготовке дров (там я обрубала сучки и собирала ветки), так как в доме были печи, пропалывать и прорезать колхозные поля, где росли свекла и морковь, собирать картофель, заготавливать зелёный корм для колхозного скота и многое другое.

Мои родные жили не зря. Пусть они и не достигли больших высот, не были министрами и учёными, а просто трудились на своей родной земле. Часть своих знаний передали мне, а я детям, и, конечно же, внукам.

Моя бабушка часто говорила: «Мы живём на земле, она нас поит и кормит, а значит, мы должны её любить». Я внемлю её советам.

КАЛУГИНА
Татьяна Ивановна

Руководитель литературного объединения “Катайские дали”

ОДИН ДЕНЬ БРИГАДИРА

Галина Ефимовна Коноплина большую часть своей трудовой жизни посвятила сельскому хозяйству, точнее птицеводству, где она много лет была, вначале бригадиром, позднее начальником маточного цеха госплемптицефабрики...

Заалели облака, зажглась утренняя заря, проголосили петухи. Галина, повернувшись на другой бок и закрыла рукой глаза. Но яркий свет, из окна, упавший на постель, окончательно её разбудил. Выйдя во двор, она глубоко вдохнула влажный воздух. Было тихо и пасмурно. Контур дальних сосен чётко вырисовывался на фоне утреннего неба.

Галина привычно заспешила на работу. Птичницы пришли почти вместе с ней. Распределив задания, она пошла с обходом. Около крайнего птичника остановилась, осмотрелась. Кругом чистота и порядок. Клумбы аккуратно обложены кирпичами. Войдя в корпус птичника, Галина не спеша прошла по нему, отмечая про себя ухоженность помещения. Куры в ожидании корма по-своему суетились: петухи как-то озабоченно перекликались, словно решая деловые вопросы, несущки же, не обращая на них внимания, рылись в сухом под-

стиле. Закончив обход птичников и радуясь за коллег по труду, Галина направилась в сторону красного уголка. Ей было приятно думать об ответственности женщин, о том, с каким старанием они добиваются высоких показателей в производстве племенных яиц.

– Галина Ефимовна, – неожиданно раздалось за спиной, – подождите, пожалуйста, как можно повысить выход яйца?

Бригадир предложила молодой птичнице пройти в красный уголок. Устроившись за столом, Галина подробно стала рассказывать о секретах профессии, делиться опытом и знаниями. Всего этого у неё, слава Богу, было уже достаточно. За плечами – Курганский сельхозинститут, работа зоотехником.

... К полудню погода разгулялась. Выйдя на улицу, Галина постояла с минуту, полюбовалась природой. Затем её мысли вновь вернулись в привычное русло: о производительности труда, о племенных яйцах, о птичниках.

Подышав свежим воздухом, она вернулась в помещение. Устроившись вновь, поудобнее за рабочим столом, сосредоточенно начала выводить цифры. Они долго и складно вырисовывались столбцами на белых, словно лепесточки ромашки, листах.

Вечерело. Завершилась смена, птичницы разошлись по домам. А Галина Ефимовна всё сидела и сидела, что-то упорно подсчитывая. На небе уже появились первые звёзды, когда она поднялась из-за стола, и, уложив бумаги, отправилась восвояси.

Сосны, прокаленные дневным солнцем, уже спали. Посёлок Хвойный, казалось, был окутан колдовской тишиной. В домах гасли огни. Галине ничего не оставалось делать, как тоже отойти ко сну. Завтра её вновь ожидал новый рабочий день, с новыми проблемами и заботами...

КАРАСЁВ
Анатолий Николаевич

Всю свою жизнь посвятил служению родному Мишкинскому краю. В 1985 году стал лауреатом Всесоюзного смотра самодеятельного художественного творчества, посвящённого 40-летию Победы. Печатался в областных и районных газетах. Выпустил два сборника стихов и прозы. В 2017 году принят в Российский союз профессиональных литераторов.

НА ИВАНАХ ДЕРЖИТСЯ СТРАНА

Посвящается Ивану Ивановичу Столярову, имеющему трудовой стаж в полвека, из них 40 лет - трактористом в совхозе "Севастьяновский" Мишкинского района

Он мне представился: "Зовут меня, Иван,
Иваныч, это так, для междометья.
Сам – деревенский, родом из крестьян,
хлебнул военного досыта лихолетья"...

В его ладони уместились две моих,
сажень в плечах и под два метра ростом.
Без усталости работал "за троих",
и в обиходе вёл себя довольно просто.

А детство своё с болью вспоминал,
его Иван фактически не видел.

Крестьянский труд с младенчества познал,
фашистов проклинал и ненавидел.

Наголодавшись сильно за войну,
он вовсе не мечтал, чтоб стать артистом,
а хлеб растить, кормить свою страну,
вот верный путь – быть просто трактористом!

К селу душой и сердцем прикипел,
к родным полям, где нива колосится,
пахал и сеял, смолоду успел,
среди комсомольцев первым отличиться.

И вот она – заветная медаль
“За трудовую доблесть...”, наградили.
Тогда ему немного было жаль,
что не в Кремле торжественно вручили.

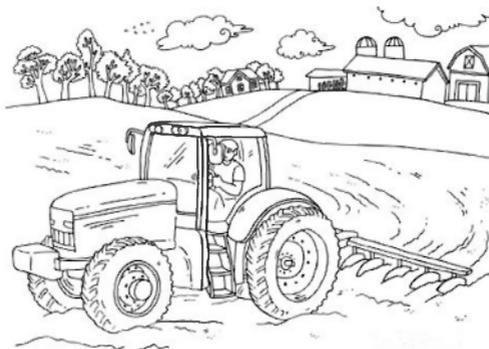
Труд в поле он успешно сочетал
с ответственной общественной работой,
решал проблемы, людям помогал,
как депутат их, окружал заботой.

Он был в районе лучший свекловод,
наставник производственной бригады.
Пришли к нему и слава, и почёт,
вручили трактор именной в награду.

За показатели высокие в труде,
был орденом отмечен “Знак Почёта”.
сияли фотографии везде,
и в прессе тоже, часто и без счета.

Заметный след оставил о себе
в истории родного региона.
И благодарен был своей судьбе,
что стал Почётным жителем района.

Да, на Иванах держится страна, –
не зря в народе нашем говорится.
За то, что наша Родина сильна,
Иванам надо в пояс поклониться!

Сергей СУРАЕВ

Страда

Чемпион

Сергей СУРАЕВ

Лучшие

Орденосец

КИЛАНОВА
Тамара Петровна

Всю жизнь прожила и проработала в деревне. Живя бок о бок с простыми, добрыми, настоящими людьми, считала своим долгом рассказать об их судьбах. Начинала писать с маленьких заметок, статей. Затем появились очерки о земляках. Все материалы отправляла в районную газету «Искра», школьную газету «Лидер», где они и печатались. Материала собралось столько, что издала первую книгу очерков «Без прошлого нет будущего» (2010) об учителях-фронтовиках. А за ней последовали другие: «Не гаснет памяти свеча» (2015) о детях войны, «Дорогами нашей памяти» (2015) - невыдуманная история семьи. В 2016 году - победитель литературного конкурса «Дорогие мои старики», победитель конкурса инвалидов «Преодоление» в номинации «За успехи в творческой деятельности».

ЕСТЬ В ТРУДЕ ГЛУБОКОЕ ПОЗНАНИЕ

Приютилось наше село у кромки бора. Есть у нас знатные люди: заслуженные учителя, врачи, работники культуры, работники физического воспитания, награжденные орденом Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и другими наградами. Визитной карточкой нашего села являются детский санаторий «Космос», единственный в стране сельский спортивный клуб «Кировец». Приезжайте и вы увидите, какие работающие жители моего села. Красота и доброта – они не исчезают, они даны нам окружающей природой. Вы увидите, как богат мир наших односельчан. Я не перестаю удивляться, сколько же в нашем селе людей, тружеников. Каждый из них, занимаясь своим делом, достоин признания и любви. Я расскажу вам о людях нашего села.

Андрей Николаевич Тетеркин – тренер детской юношеской спортивной школы с. Кирова Мишкинского района

Вот и заканчивается очередной денёк. Солнце уже на закате. Наслаждаюсь свежим морозным воздухом. Привлекает бегущая вприпрыжку девочка – это Вика Седельникова, любимица нашего переулка. В этой девчужке вмещается многое – очень позитивная, не по возрасту очень ответственная, отличница и в меру озорница. Её можно встретить и в библиотеке, и на сцене. Меня всегда поражает встреча с этой девочкой. Чувствую, сейчас что-то сообщит. И точно:

– Я отлично выступила на соревнованиях по полиатлону. – И она эмоционально поясняет мне, что это такое. Фиксирую, опять новое увлечение у этой яркой «озорнушки». У девочки, казалось, не будет конца восторга:

– Вы знаете, у нас самый, самый лучший тренер! Андрей Николаевич Тетёркин! - Острота и смекалка прямо «лезут» из неё. Из её головы уже вылетает множество планов. – Я буду такой же спортсменкой, как моя сестренка Ольга Шестерикова.

Ярко, с воодушевлением, прямо как из «пулемёта» выдаёт, что Оля сейчас во второй сборной России по полиатлону, трижды призёр Всемирных студенческих игр, что она чемпионка мира и международный мастер спорта по летнему биатлону. У нее куча медалей, дипломов, призов! Первым тренером в школе был тоже он, Андрей Николаевич!

А я откручиваю время назад и вспоминаю встречи, общения, когда Оля была такой же школьницей. По мере возможности забежит ко мне минут на пять, кратко сообщит о себе, справится о моём здоровье и бежит на тренировку. Тренировки, соревнования, сборы – это мир человека посвятившего себя спорту уже в международном плане. Когда-то Оля также вдохновенно воскликнула:

– У нас самый, самый лучший тренер! Андрей Николаевич Тетёркин!

Мне посчастливилось жить, общаться с такими замечательными девчонками, с их лучшим тренером, учить их родителей, радоваться

их успехам, и что у них самый, самый лучший тренер!

Андрей Николаевич Тетёркин выпускник нашей школы, после окончания факультета физвоспитания Курганского педагогического института, вернулся в родной спортклуб «Кировец» уже тренером. Много лет тренирует подростков для сборной области по полиатлону. Подготовил восемь мастеров и более пятнадцати кандидатов в мастера спорта из Кировской школы.

Он – «Почётный работник народного образования», награжден дипломами, грамотами Губернатора области, министерства образования России.

Рабочая комната тренера... мир кубков, наград...

Такое чувство, что мой собеседник щедрой рукой взмахнул, и все кубки встали стройными рядами, заполнили полки, стеллажи, взмахнул другой не менее щедрой рукой и рассыпал на столах, подставках, даже на окне обилие дипломов, наград, вымпелов, буклетов, поздравлений, фото тех мест, где они измерили километры лыжных трасс. География очень большая. А мой собеседник скромно, смущаясь, скажет: «Это не мои, это ребячьи...»

28 лет работы тренером пролетели быстро. Скромничает в силу своего характера... Восемь мастеров спорта. Трое из них Международного класса, это Челябиновы Оксана и Владимир, Шестерикова Оля. Просто представьте, что более 15 кандидатов в мастера спорта, в том числе и его дочери, имеют тот или иной разряд. Как можно подготовить столько в маленькой сельской школе, где живут, учатся обычные дети, их родители. Просто все они любят физкультуру и спорт. А каковы условия? Какова база? Это часть школы, оставшаяся

после пожара. Печное автономное отопление дровами. Инвентарь практически не обновляется. На многих лыжах ещё тренировались родители современных воспитанников. После тренировки надо где-то отдохнуть, отогреться, уже не говоря о душевых. Да и надо обсудить весь ход тренировки всех и каждого в отдельности. Возрастной контингент разный. У вас уже наверняка возник вопрос: «Где спонсоры?» Профсоюзов нет, нет колхоза, нет совхоза, когда они оказывали материальную помощь. Сельские фермеры? Они сами живут на дотациях. Свозить на соревнования – тоже финансовая проблема. Везёт детей Андрей Николаевич на своей машине, на машинах, чьи родители могут увезти. Питание? Об этом даже не может быть и речи. Хочешь перекусить – бери с собой. А чай привезёт Андрей Николаевич.

Как видите, нарисовала далеко не радужную картину. Зато, правда.

Я снова буду писать о тренере. Педагогическое мастерство – оно естественно, для спортсмена оно уже органично вписывается в историю физического, спортивного воспитания в школе. Для плодотворной работы надо много силы, внутренней энергии и не растерять её зря. Судейство, тренировки, одухотворённость, знание каждого спортсмена, его потенциал, индивидуальность – это всё свойственно Андрею Николаевичу. Всё это вмещается в нём.

Увлёкся физкультурой и спортом в шестом классе, когда в Первомайской школе стал работать молодой преподаватель Комаров Александр Поликарпович. Становится членом спортклуба «Кировец».

Андрей Николаевич воспитывает у своих спортсменов, что и воспитывал в себе – силу воли, выносливость, мужество, верность спортивной дружбе. Ведь он служил в воздушно-десантных войсках, в Прибалтике. Служба в армии прерывала учёбу в институте, но не помешала стать самым лучшим ребячьим тренером. Он тренирует и сборную области.

В 2017 году зима была практически без снега, тренировались на льду реки Миасс. Многокилометровая лыжня, что бежит змейкой, огибая вековые сосны в бору, имея свои подъёмы и спуски, скупала в этом году по своим лыжникам. Андрей Николаевич продолжал про-

водить тренировки, несмотря на бесснежье. Для ребят – это счастье, ведь в борьбе – РАДОСТЬ.

Уходят из его секции ребята разрядниками, значкистами ГТО, кандидатами в мастера спорта, мастерами, чемпионами. Как правило, не только они хорошисты и медалисты, а хорошие люди, я бы сказала люди будущего. Окончили школу с золотой медалью Никулина Анна, Петренко Екатерина. Они же кандидаты в мастера спорта и продолжают учёбу в высших учебных заведениях. Екатерина в Пермском университете на факультете физвоспитания. Анна в Нефтегазовом институте города Сургута защищает спортивную честь не только студенчества, но сборной Ханты-Мансийского округа.

Время неумолимо бежит вперёд, подрастают новые спортсмены: Константин Киланов, Василий Абаполов и другие. Снова набор новичков. Успехи уже налицо. Вернулись с первенства Уральского, Сибирского, Восточного федеральных округов по полиатлону. И вот наше почётное второе место. Это же здорово!!! Отличились братья Антоновы, Енбаева Ксения. Это же внуки первых спортклубовцев!!! А наша Вика была самая маленькая и вошла уже в десятку лучших. Её очки уже есть в копилке наших спортсменов. Это были первые её старты. Успехи налицо, но это не предел, а только начало дороги. Это были первые старты в этом зимнем сезоне, но они не кончаются.

Кто знает, может эта лыжня приведёт Вику на лучшие трассы стадионов, студенческих игр, как Ольгу Шестерикову, а может и на олимпиаду. И пусть когда-нибудь кто-то скажет – для меня Вика пример, что я хочу быть похожей на неё, а мой тренер самый, самый лучший. Пусть у Вики будет счастливая лыжня, ведь она в руках самого лучшего тренера.

**Карманова Антонина Ивановна – опекун 5 детей,
житель села Кирова Мишкинского района**

Яркий морозный денек. Около домов высоко наметенные сугробы, чуть видны тропинки, и вдруг вижу снежные города: домики, лабиринты, большая снежная горка. Да это же дом Кармановых: Антони-

ны Ивановны и Леонида Васильевича. Их детей, Андрея и Ольгу я учила. Сейчас они живут в Челябинске. А родители взяли на себя благородную миссию опекунов. Мне захотелось побывать в этой семье. Я сразу окунулась в мир теплоты и уюта, доброты и нежности, деловитости и понимания. Быстро с девочками вхожу в контакт. Знакомлюсь... Это десятилетняя Саша-Шурочка и шестилетняя Юля, ну и я, бабушка Петровна. Эти девочки рано испытали водовороты судьбы... Передо мной две хохотушки-веселушки, они показывают свои наряды, игрушки, книжки и их гордость – копилки. Уже три года сестрички имеют новую «семью». Слово это понятно всем, как слова «хлеб» и «вода». Семья – это папа и мама, дедушка и бабушка, любовь и забота, труд и радость, несчастья и печали, привычки и традиции. Преодолев все сомнения, взвесив все «за» и «против» решили принять в свою семью детей. А как было? Антонина Ивановна написала об этом в стихах.

*Передо мной раскрываются двери,
Потихоньку вхожу в кабинет.
Там на стульчиках дети сидели,
Из окошка струился свет...
Детки дружно сидели рядом,
Крепко ручки сжав в кулачки,
В глазах их страх и обида –
Прожигали душу мою.
Обнять мне их захотелось.
Уберечь от страшной беды.
Домой я их пригласила –
Увезла от грубых людей.
По ночам не спала, ходила,
Укрывала, сон берегла.
И девчонок этих, я так полюбила,
Что до слез я рада была.*

В этих строчках раскрывается широта души этой семьи, благородство, вера, любовь и понимание.

**Антонина Карманова -
опекун пяти детей**

Я расскажу вам одну легенду...

В давние времена жила одна семья, и в ней царил мир, любовь и согласие. Молва об этом дошла до правителя тех мест. Он спросил у главы семьи: «Как вам удастся жить, никогда не ссорясь, не обижая друг друга?»

Старец взял бумагу и написал на ней что-то. Правитель посмотрел и удивился, на листке было написано сто раз одно и того же слово – ПОНИМАНИЕ.

Два часа пролетели мгновенно, меня поразило не только обилие разных игрушек, книг. Больше всего поразило другое: много поделок, сделанных своими руками. Здесь игрушки из глины, обилие аппликаций, рисунков, выполненных красками и карандашами, игрушками, сделанные вместе с дедом. Как вдохновенно, наперебой девочки рассказывали о поездке в зимний лес, о катании с большой горы. А поездки в лес, за грибами и ягодами оканчивались тем, что оригинально оформленные композиции из природного материала превращались в подарки для одноклассников и друзей. Сестрички – помощницы на кухне. Ну а летом эта дружная семья во дворе, огороде, в лесу, несмотря на малый возраст девочек. Антонина Ивановна постоянная участница и помощница во всех мероприятиях в детском саду и в школе. А сколько еще я не видела и сколько еще будет этих семейных находок! Пусть ваш волшебный «сундучок» пополняется новыми идеями, любовью и пониманием. Вот такая простая, обычная русская семья, которая богата не только благородством, добротой, пониманием, но она богата и талантами, которые передаются детям, еще в начале жизни обделенным судьбой. Но Шурочке и Юленьке повезло, им судьба улыбнулась, они вышли из семьи-ЗАВОДЬ и попали в се-

мью-РАДОСТЬ. Видимо есть всевышняя сила, которая послала сестричкам в одном лице папу и маму, бабушку и дедушку. Они открыли им не только двери в мир детства, они подарили им свое сердце, ласку, доброту, трудолюбие и понимание. Духовно вылечили их души. Так порадуемся все вместе за этих детей Сашу и Юлю, их бабушку Тоню и деда Леню, которые их нашли.

Наша беседа прервалась шумом, детским гомоном, ватага соседских ребятишек ворвалась в дом. Быстро собравшись с помощью бабушки, все выбежали на улицу. Тут проснулся маленький внук Руслан. Он тоже живет здесь, существует проблема с детским садом. Уходила я из этого уютного дома, сама душевно отогревшаяся. С подарками: рисунки нарисовали девочки и подписали «бабушке Петровне». А на улице, разрумяненные, все в снегу, несмотря на мороз, шумная детвора показывала мне зимние игры и виртуозное катание с горки, сделанной вместе с дедушкой и бабушкой. И мне так захотелось окунуться в это беззаботное детство.

Гостеприимство, теплота, уют, понимание этой семьи заполнили и мою жизнь. Прошло много лет, бабушка Петровна для них стала близким и родным человечком. Подросли, разъехались родные дети и внуки. В доме не стали слышны детские голоса.

Какая-то внутренняя напряженность. Включила успокаивающую музыку. И вдруг эту тишину нарушает детский радостный голос: «Бабушка, я пойду в первый класс!» Это Вика. Ее после операции я вижу впервые. Следом, с веселым азартом, вбегают ее сестренки Кристина и Ксюша. Обнимашки... целовашки... Наперебой рассказывают, что куплено в школе, как дома отремонтировали комнату. Радость их переполняла, особенно первоклассницу. С ними я забыла о своих хворобах. Эти сестрички-сиротки находились в разных детских домах. Антонина Ивановна пять лет назад объединила их в свою семью. Старшей было семь лет, Ксении пять лет, а младшей три годика.

Прижимается ко мне Вика, приземлившись на мои колени. Я обняла детское тельце. А она щебечет, не остановить! Сколько волнений, тревог перенесла Антонина Ивановна. У Вики выявилось серьезное

заболевание. Неоднократные, годами повторяющиеся поездки в «Красный крест». Оформление инвалидности. С большим трудом добытая квота на операцию – и снова поездки, теперь уже в Москву. Сложная операция у этой девочки с искалеченной судьбой.

Все уже позади. Озорная, и веселая справляется о моем здоровье. Какую ответственность взяла на себя уже во второй раз Антонина Ивановна. Научил ее Бог любить детей и жизнь. Я не могу забыть ту первую встречу с этими непоседами. Совершенно неуправляемые, далеко с недетским лексиконом, драки, вседозволенность, недобрые взгляды детских глаз. Они не знали вкуса сладостей, не говоря уже о сладостях и книгах, не знавшие обновок и чистой одежды. Да, это было так. Ушла я тогда с горькой душой. На руках у Тони больной муж с потерей речи, движения. Чтобы заполнить пустоту она взяла девочек.

Для этой женщины жизнь – это дождь и снег, слезы и отчаяние, радость и счастье. Общительная, не скрывает она радость от встреч и горечь от разлук. Шесть лет борьбы за мужа, но темные силы одержали верх. Тяжело перенесли уход бабушки из жизни старшие девочки, внук. Уж слишком большой была у них взаимная любовь и понимание. Они уже помощники. Иначе и быть не могло. Сейчас Руслан восьмиклассник, Юля – студентка третьего курса политехнического колледжа. Саша – дипломированная медсестра, а с этого года студентка дефектологического факультета Шадринского госуниверситета. Заходит, как всегда улыбающаяся Юля, интересуется моим здоровьем. Снова вспоминаем радостные моменты прошлых лет, заглядываем в будущее. Эти старшие дети – мое «лекарство». Вынула из детских душ Антонина Ивановна злость и ненависть. Дети, теперь уже взрослые девушки, улыбаются, делятся своей добротой с окружающими. Вот сбегали в сад, набрали малинки, меня угощают, приглашают в гости.

Дети, они не дают расслабиться, некогда отойти в сторону, все вопросы нужно решать самой. Бессонные ночи, порой отчаяние. Но выбора нет. Встает, отгоняет черные тучи, а в жизни видит сияние Солнца. Всякое дело любовью освещается, ибо Антонина Ивановна ос-

тавляет добрый след в душе детей. Это ее «работа» и смысл жизни.

Жизненный ритм ведет эту семью по дороге. Двор утопает в цветах, а в доме лад. А сколько удовольствия они получают друг от друга. Все праздники вместе. А как умиротворена бабушка Тоня, когда дети организуют семейный концерт-поздравление. Неукротимая энергия и результат: выращен богатый урожай на огороде. Полным ходом идет заготовка консервов. Результат поездок на велосипедах в лес – полный подпол компотов и варенья. Зимой бабушка Тоня настряпает вкусеньких блинчиков. Заготовили дрова. А значит зимой в доме будет тепло, уютно и сытно. А вот хлопот не убавится, сейчас в доме все учатся.

Занимается Антонина Ивановна общественной работой. Она член областной ассоциации приемных детей. За активную жизненную позицию, за большой вклад в воспитание детей, успешно социализированных в обществе награждена Почетными грамотами и благодарственными письмами Департамента образования и науки (2016), Главного управления образования, Администрации Мишкинского района и Кировского сельсовета, Муниципального отдела образования.

Уехала эта шумная компания на двухколесных «машинах». Проводила их, а в памяти возникли слова из семейного волшебного «сундучка»

*Их причал – сердца детей родные,
Их стены – руки их большие,
Их крыша – небо голубое,
Их счастье – жить одной судьбою!*

Пусть прекрасное далеко не будет к ним жестоко. Добрых дел вам и любви. Пусть великое счастье бытия будет с вами

Я хочу, я живу, я вижу СОЛНЦЕ! Я молюсь. Я вижу чистый рассвет и добрый закат для всех детей. А тем семьям, как семья Кармановых, которые вырвали детей из водоворота судьбы, низкий поклон до Матушки-земли.

**Касаткина
Татьяна Николаевна**
(слева) –
заведующая
библиотекой
села Кирова
Мишкинского района
(нашей библиотеке –
100 лет)

Вхожу в зал. Тихо звучит музыка. Все фойе заполнено односельчанами, гостями. Много экспозиций, фотографий, обилие альбомов, грамот. Все это еле вмещается на столах. Впечатляет стенд, где собраны фотографии всех работающих за этот век библиотекарей. Вот она – вся жизнь нашего села. Нельзя пройти мимо выставки умельцев и взрослых и детей. Спасибо за подаренные моменты ностальгии.

В зале встречают литературные персонажи, герои сказок. Среди них организатор этого праздника, заведующий библиотекой Касаткина Татьяна Николаевна. О ней пойдет речь в этом очерке. Праздник продолжается. На экране мелькают мультимедийные кадры о библиотеке. Завораживает! Поздравления, подарки, в основном книги. Песни, шутки поддерживаемые аплодисментами. Выступления ветеранов. Не забыты и лучшие читатели. Праздник! Праздник! Празднуем всем селом. Интересно? ДА! Вдохновляет? ДА! Не хочется уходить! Долго еще ходим по залу, рассматриваем фотографии прошлых лет. Ведь это наша история! За всем этим кроется огромный труд коллектива библиотеки под руководством Татьяны Николаевны. Наставник молодежи. Стаж работы 40 лет. Из них 25 – руководитель.

Библиотека... Окунаюсь в ее мир! Здесь своя атмосфера! Витает дух старины, запах современности, дыхание жизни. Хочется прикоснуться к каждой книге, почувствовать ее, ведь в каждой из них чей-то кусочек жизни, автора, героя.

Трепетно держу в руках книгу «Дорогие мои старики». В ней рассказы, очерки по итогам областного литературного конкурса. Среди 92 участников семь работ наших односельчан. Чувство гордости переполняло, когда Филимонов Владимир Иванович, редактор альманаха «Тобол», член Союза писателей России на презентации этой книги на форуме пожилых людей отметил не только число работ, но их литературную значимость. Книга заняла почетное место в библиотеках области.

Работы односельчан опубликовались в книге не случайно. Это плод работы Касаткиной Татьяны Николаевны. Своей деятельностью она видит в читателях творческие струнки, ибо сама она творческий человек. Искренне верит, что хорошее дело должны услышать, увидеть, прочитать, потому что она сама верит в доброту, понимание, видит в людях их творческие искорки, умеет оценить их и найти применение. А это дано не каждому. Татьяна Николаевна, прежде всего оформитель, редактор рассказов, очерков, эссе. Она ставит себя на место читателя. Умеет понять написанное нашим «сельским» писателем (не побоюсь этого слова), покажет, как она сама понимает смысл написанного, чувства, эмоции автора.

Татьяна Николаевна – организатор участия односельчан во все-российских, областных, районных литературных конкурсах таких, как «Преодоление», «Герои Великой Победы», «Спасибо интернету», «Серебряное перо». Жители села приятно удивляются и радуются успехам детей. Ежегодно, на празднике знаний десятки детей награждаются дипломами победителей, подарками за участие в областных и всероссийских конкурсах. Это только частица того, что организует для подрастающего поколения коллектив библиотеки. Спасибо!!!

Татьяна Николаевна владеет компьютерными технологиями, что важно на современном этапе. Этой женщине многое дано: понять других, дерзать работать, любить.

Время идет, его не остановить. Роль книги принижается, ее заменяет интернет. Творческий дружный коллектив библиотеки движется по тропинке современности. Книга не исчезнет. Она дополнит ин-

тернет, а интернет не заменит живое слово книги. Это чувство совместимости интернета и книги прослеживается во всех библиотечных мероприятиях.

Наш клуб «Общение» созданный Татьяной Николаевной, это отдушина для нас, пенсионеров. Пожилому больному человеку общение доставляет большую радость. Наряду с предоставлением книг библиотечные работники обсуждают те или иные статьи из журналов, прочитанных книг, а зачастую и просто беседуют с нами, пытаются вместе найти выход из сложных жизненных ситуаций, посоветуют, куда можно обратиться с той или иной проблемой. В стенах библиотеки мы на время забываем о своих болезнях, возрасте, получаем положительные эмоции – такая вот библиотерапия.

За чашкой чая раскрываются чувства, мысли, желания жить, творить, быть причастным к жизни. Темы занятий очень разные. Они сотканы из желаний, необходимости, согласно времени его участников. Там мы черпаем вдохновение. Приветствия, радостные улыбки, чувство нахлынувшего восторга. Посидим за общим столом, споем, вспомним. Важно одно. Общий стол, дружно собираемся за чашкой чая. ТАИНСТВО ОБЩЕНИЯ. Оно велико. Каждый раз мы снова и снова получаем капельку жизни, значит, она будет полноводной. От нахлынувшего восторга хочется встать, обнять весь мир и закричать: «ЗЕМЛЯ моя, милые мои односельчане, ЖИВИТЕ ВЕЧНО И СЧАСТЛИВО!» Эти эмоции – награда за тщательно подготовленное мероприятие.

Так здорово, что наши стихи, очерки, рассказы односельчан находятся на полках на видных местах. Каждый раз, приходя в библиотеку, вижу обновленные выставки. В библиотеке познакомилась с талантом Александра Михайловича Асташева. На его фотографиях знакомые пейзажи, знакомые лица.

Тишина библиотеки нарушается. Врывается шумная, веселая ватага мальчишек и девчонок. Они спешат на урок, где их ждут и все готово к новому знакомству с книгой. Такие мероприятия проходят с первого по выпускной класс. На них опоздавших нет. Дети здесь не гости. Они живут вместе, и объединяет их КНИГА. Маленькое зер-

нышко прорастает в благодатной почве. После таких мероприятий не забудут дети, как нужно держать книгу в руках.

В библиотерапии нуждаются также дети, приезжающих на лечение в детский санаторий «Космос». Они и их родители, постоянные читатели библиотеки и посетители мероприятий.

В библиотеке свой порядок. Меня приятно удивило, когда возникла необходимость представить весь напечатанный мной в прессе материал, библиотекарям понадобились минуты. Все оформлено в альбомы, карточки в картотеках, все по правилам библиотеки.

Умело организованные презентации книг наших земляков – это тоже дело Татьяны Николаевны, коллектива библиотеки. Односельчане, вся наша необъятная Россия и земляки из зарубежья узнают сельские новости из группы в социальных сетях, созданной Борисовой Светланой Викторовной.

День Победы. Улицы родного села заполнены жителями, радостные лица, смех детворы, колонна из мотоциклов и машин.

Течет ручек Бессмертного полка по улицам села, вливаясь в общий поток Родины. Стоит в бронзе памятник Солдату-Освободителю. Низко склонил голову и смотрит на плиты с именами погибших. Перед ним выстроились в ряд шеренга елей и Аллея Героев с портретами фронтовиков, вернувшихся с войны. Целая Аллея портретов – результат многолетней красавческой работы, проделанной Татьяной Николаевной и ее коллективом. На сегодняшний день в селе не осталось ни одного фронтовика. Вглядываемся в узнаваемые лица своих земляков и радуемся восходу Солнца, хотя катится по щеке слеза, значит, жизнь продолжается.

Наша природа очень красива, щедра, видимо, поэтому есть у нас такие люди внимательные, активные и доброжелательные, трудолюбивые и творческие. Среди этих людей Татьяна Николаевна Касаткина, влюбленная в свое дело, в свое село. Недаром ей доверили быть депутатом нашей сельской Думы вот уже несколько созывов. Умеет она разрешить многие конфликты и трудности, умеет радоваться за удачи односельчан.

КОНОВАЛОВ

Леонид Александрович

Член Союза журналистов России. Руководитель литературно-художественного клуба «Катайск» при редакции районной газеты «Знамя». Печатается более 25 лет в районной, а также в областных газетах «Новый мир» и «Зауральский ветеран». Автор книги «Край Исетский», а также многочисленных статей и очерков по истории родного края, культуре. Депутат Катайской городской Думы, член президиума совета ветеранов района.

ДОКТОР ДЕМИДОВ

Наш город богат своей историей, своими трудовыми и культурными традициями. Но главное наше богатство – это люди.

Хочется рассказать о скромном, бескорыстном, обаятельном человеке, известном в городе и районе враче – Викторе Федоровиче Демидове. О таком известном враче, как В.Ф. Демидов можно твердо сказать, что его жизнь удалась: он состоялся как профессионал, как человек-краевед.

Виктор Федорович Демидов родился 22 ноября 1949 года в селе Казачий Мыс Татарского района Новосибирской области, в рабочей семье. После окончания средней школы в городе Татарске, в 1967 году поступил на педиатрический факультет Омского медицинского института. После окончания института в 1973 году приехал в г. Курган. Здесь он прошел интернатуру по педиатрии в Курганской городской детской больнице. В 1974 году женился на Людмиле Михайловне – выпускнице этого же института, и был направлен врачом детского отделения в Катайскую районную больницу. В Катайск супруги Демидовы приехали вместе. Молодым врачам, как семейным людям,

дали новую благоустроенную квартиру. В то время Катайская ЦРБ считалась одним из лучших лечебных учреждений области. В ней насчитывалось 395 коек, работало около 50 врачей.

В больнице Виктор Федорович работал в детском отделении на 50 коек. Из семи лет – два года ординатором и пять лет заведующим детским отделением. Людмила Михайловна работала в детской консультации участковым педиатром и по совместительству детским невропатологом.

Доктор Демидов вспоминает: “Далекие 70-е годы для работы были тяжелыми. Свирепствовала стафилококковая инфекция, особенно зимой. Деструкции легких, пневмотораксы и прочая патология. После работы врачи-педиатры по очереди дежурили на дому. Редкая ночь обходилась без срочного вызова в больницу, а иногда приходилось просто оставаться в отделении около тяжелого ребенка. Если вспомнить, то в те времена в ясли брали детей в 6-месячном возрасте, поэтому ребятки часто болели. И лишь когда мамы получили послеродовой отпуск до 2-х лет (из них 1,5 года оплачиваемые) больных детей стало меньше.

Статистика беспристрастна. Сравним, сейчас в год рождается около 280-300 детей, в те годы рождалось около 550-570. Особенно рождаемость повысилась в годы борьбы с алкоголизмом (1986-1990 гг.), тогда на свет появлялось до 650 детей. Затем, начиная с 1991 года, рождаемость стала резко снижаться, а смертность расти”.

Виктор Федорович, как молодой врач, прошел первичную специализацию по хирургии, чтобы ни от кого не зависеть и самому делать разные пункции, ставить плевральные дренажи и т.д. Хирурги из взрослой области очень не любили это делать детям раннего возраста. Благодаря упорству нового заведующего, его непосредственному участию в детском отделении была создана палата интенсивной терапии, оснащенная необходимым оборудованием. В 1977 году оборудовали ингаляторий, в котором использовались паровые, компрессорные и ультразвуковые ингаляторы.

В 1982 г. приказом облздравотдела Катайская ЦРБ была утверждена базой интернатуры по педиатрии. Руководителем назначили

В.Ф. Демидова. Ему вспоминается такой случай: “В отделение поступил ребенок с тяжелым воспалением легких. Нужно было срочно спасти малыша. В одной из палат поставили кровать, подготовили все необходимое. Целую неделю заведующий и детский врач С.Н. Чепурной не выходили из отделения, поочередно дежуря и днем, и ночью. Вызвали даже консультанта из областного центра. Положение было настолько критическое, что готовились к самому худшему, но благодаря усилиям врачей, их знаниям и сердечной теплоте, ребенок выздоровел”.

Это лишь один из многих эпизодов повседневной работы Виктора Федоровича. Он никогда не останавливается на достигнутом, постоянно тянется к знаниям. Выписывает и читает много специальной литературы для того, чтобы применить новые знания в работе. Кстати, у Демидовых прекрасная семейная библиотека, где много художественной литературы.

В это время Демидов специализировался по хирургии в г. Кургане у профессора Я.Д. Витебского. Сейчас он вспоминает: «Там, в Кургане, я многое научился делать своими руками. Это очень мне потом пригодилось в работе».

В 1983 году в Катайской ЦРБ побывала комиссия из Министерства здравоохранения СССР во главе с Д.М. Зелинской (начальник Управления Минздрава СССР по детству и родовспоможению). Работу детского отделения непосредственно проверяла доцент Института педиатрии СССР с кафедры пульмонологии (профессора В.К. Таточенко).

Об этом Демидов вспоминает так: «Я водил ее по детскому отделению. Показывал кислородные палатки всяких конструкций, устройство для подачи кислорода под давлением и другие премудрости, сделанные на Катайском насосном заводе по моим чертежам. Всему этому доцент удивлялась. Поинтересовалась, какими антибиотиками мы пользуемся при лечении пневмонии, какие дозы им прочее. Я ответил ей, что антибиотики применяем согласно рекомендациям ее шефа – профессора В.К. Таточенко, вводим два раза в сутки. Раньше тяжелым детям 4-6 раз в сутки вводили пенициллин. Не поверила, стала расспрашивать процедурных медсестер, смотреть листы назначений.

Доктор Демидов. 1975 год

Это показалось мне странным. Я спросил, как они сами работают? На что она ответила, что пока они опасаются так делать и вводят пенициллин три раза в сутки.

Комиссия уехала, но эта доцент так нахвалила нас Д.М. Зелинской, что та на областном совещании по итогам проверки особенно отметила работу детского отделения Катайской ЦРБ».

Доктор В.Ф. Демидов был всегда в поиске, не пропускал единой возможности получить новые знания для своей практической работы. Поэтому ездил на повышение квалификации в Новокузнецк. В Челябинске проходил курсы по вопросам организации здравоохранения и социальной гигиены. А в 1992 году в городе Ленинграде учился на курсах организации здравоохранения в условиях перехода к страховой медицине.

Полученными знаниями доктор щедро делился с коллегами по работе. В 1981 году, после долгих уговоров главного врача больницы В.А. Прокопьева, Виктор Федорович согласился стать начмедом (заместителем главного врача по лечебным вопросам). Начмед отвечает за организацию лечебной помощи в стационаре. Это включает: подготовку медицинских кадров, их обучение и воспитание, внедрение новых методов диагностики и лечения больных, приобретение нового медоборудования и инструментов, постоянный контроль за соблюдением санэпидрежима.

В своей новой должности Демидов проявил себя как истинный профессионал. В должности начмеда он проработал 25 лет. За эти годы прошел ряд специализаций и усовершенствований по педиатрии, хирургии, инфекционным болезням, аллергологии, социальной гигие-

Наше время

не и организации здравоохранения.

В 1989 году прошел специализацию по физиотерапии и начал по совместительству работать в должности врача-физиотерапевта. В 1996 году прошел подготовку по лазерной терапии в Центральном научно-исследовательском институте лазерной медицины в Москве. В 1982 году ему была присвоена первая квалификационная категория по педиатрии, в 1987 году – первая категория по социальной гигиене и организации здравоохранения, в 2000 году присвоена высшая квалификационная категория по физиотерапии.

Реформы 90-х больно ударили по здравоохранению. Медики по полгода не получали заработную плату, не хватало средств на лекарства, не говоря уже о дорогостоящем медицинском оборудовании. В это время Виктор Федорович вместе с главным врачом Н.И. Амельчаковым сумели сделать все, чтобы сохранить коллектив.

По своей натуре доктор Демидов оптимист и большой общественник. Он несколько созывов избирался депутатом районного Совета, депутатом районной Думы. Постоянно избирался в состав партийного бюро ЦРБ, являлся в 80-е годы секретарем партбюро и одновременно членом райкома профсоюза медработников. Ряд лет заведовал культмассовым сектором. Постоянно выступал по вопросам здравоохранения в райкоме партии, администрации района, и всегда Виктор Федорович добивался положительного решения по поставленным вопросам. Сейчас он член президиума районного совета ветеранов.

Когда в 2000 году Катайская ЦРБ готовилась отметить 100-летний юбилей со дня образования, он выпустил книгу «История Катайской больницы» (500 экземпляров). Собранные им материалы и фотогра-

фии бесценны. Читается очень интересно. Но на этом Виктор Федорович не остановился. В 2010 году он вновь выпустил книгу по истории Китайского здравоохранения «Китайская центральная районная больница. Страницы истории» (400 экземпляров).

Несколько раз он организовывал в Китайском районном краеведческом музее выставку по истории здравоохранения в нашем районе. Виктор Федорович предоставил материалы о заслуженных врачах района, о персонале райбольницы, о помещениях, которые занимали больница и поликлиника в прошлом. Интересно было посмотреть такие экспонаты, как медицинские инструменты, оборудование, устаревшее не только физически, но и морально. Было много исторических фотографий и другое.

К 115-летию юбилею ГБУ «Китайская центральная районная больница» он выпустил хорошо оформленную, на финской мелованной бумаге с цветными фотографиями, очередную книгу «Китайская центральная районная больница: история и современность» небольшим тиражом.

После ухода с должности заместителя главного врача в 2006 году Виктор Федорович стал работать врачом-физиотерапевтом. В истории Китайской больницы известно, что физиотерапевтическое отделение было создано в далеком 1938 году, и в 80-е годы было неплохо оснащено современным оборудованием. Как врач, он стал внедрять новые методы физиотерапии. Активно использовались методы наружной, полосной и внутривенной лазерной терапии при лечении различных заболеваний.

В Китае первыми в Российской Федерации использовали сочетанное применение лазеро- и озонотерапии в лечении сердечно-сосудистых заболеваний. В 2008 году опыт применения данного метода лечения он доложил на Всероссийской научной конференции по лазерной терапии в Великом Новгороде. Его книга «Низкоинтенсивная лазерная терапия в лечении сердечно-сосудистых заболеваний» была издана в качестве пособия для курсов усовершенствования врачей по лазерной терапии. За разработку и внедрение в практику новых методик лазерной терапии В.Ф. Демидов в 2009 году был на-

гражданин Почетной грамотой Лазерной Академии наук Российской Федерации.

Как врач-физиотерапевт, он в эти годы дополнительно работал в санатории «Сосновый бор» (бывший профилакторий Катайского насосного завода). Санаторий на 100 мест, в красивом хвойном лесу, рядом с городом. Сюда приезжали поправить здоровье не только горожане, но и из других мест Курганской области – Петухово, Шадринска, Кургана, Далматово, Куртамыш и др.

Врач Демидов очень тактичный, интеллигентный, умный и скромный человек. В своей работе применял и озонотерапию, грязелечение, парафин, процедуры по снижению артериального давления, гидротерапию (лечение пиявками) и др.

Кроме краеведения, Виктор Федорович занимается научной деятельностью. Написал и опубликовал около десяти научных работ, около 30 статей и вышеперечисленные книги по истории здравоохранения в нашем регионе. В его квартире книгам уделяется особое внимание. Он участник восьми научно-практических конференций «Катайск в истории Зауралья: связь времен», которые ежегодно проводятся в Катайске.

Виктор Федорович – любящий и любимый муж и отец. Его жена Людмила Михайловна, как говорилось выше, тоже медик, врач-педиатр. И как бы он ни был увлечен работой, главная ценность в его жизни – семья. Вот такой он, наш врач от Бога – Виктор Федорович Демидов! Ведь профессия медицинского работника была и остается уважаемой и востребованной.

За свой многолетний труд он награжден орденом «Знак Почета», многими медалями, почетной грамотой губернатора Курганской области в 2004 году. В 2011 году решением Катайской городской Думы ему присвоено звание «Почетный гражданин города Катайска».

Жизнь идет, жизнь продолжается. Доктор В.Ф. Демидов на своем посту. Каждый день он спешит на работу, его ждут больные...

КУДРЯВЦЕВА-КУЗНЕЦОВА
Надежда Яковлевна

Член Союза журналистов России (1996); автор 13 книг и более 200 публикаций в различных источниках (газетах, журналах, коллективных сборниках), есть публикации в Беларуси, Германии, США.

Руководитель литературного клуба «Слово» при ГАУК КО «Кузбасский центр искусств», Клубу в 2018 году исполнилось 10 лет.

Уроженка города Кургана. Проживает в городе Кемерово.

МОЙ МУЖ ШАХТЁР

Мой муж шахтёр, и я горда,
И в том сомнений нет.
Ведь результат его труда –
Тепло в домах и свет.

Он каждый день идёт в забой,
По штрекам труден путь.
Вновь провожаю, как на бой,
И не могу уснуть,

Когда он «в ночь» опять идёт.
Вернётся на заре,
Как солнце яркое взойдёт,
И – на работу мне.

Его шахтёрская пора:
«День», «ночь» и «отсыпной».

А уголь чёрный на-гора
Течёт и в выходной.

А я жена. Я снова жду.
Я не устану ждать.
У Бога милости прошу:
Вновь мужа мне отдать.

О МУЖЕ-ШАХТЁРЕ

Ну, вот пришёл. И слава Богу...
В суетной будничности дней
Я привыкаю понемногу,
Шахтёр, к профессии твоей.

Волнуюсь, замираю в страхе,
Но... вида даже не подам.
Слезой на твоей рубахе
Я помогаю тебе ТАМ.

Ты не рассказываешь страхов, –
Зачем тебе пугать жену?
Ведь толку нет от охов, ахов...
Но тайну знаю не одну...

А ты опять идёшь на смену
И каламбуришь, знаю я,
Глазами словно ставишь стену,
Глаза – с подводкой из угля.

О ТАЙНЕ ШАХТЁРА

Тайное и явное? Знаю, наизусть:
Станет тайна явью. Станет, ну и пусть.
Уголёк под кожей – чёрное пятно.
О какой же тайне говорит оно?

Правду свою страшную мне не рассказал,
Как однажды в шахте ты попал в завал,
Стало мне известно через много лет,
Это ведь на многое проливает свет.

Откопали. Вынесли. Но не знала я.
И молчали верные все твои друзья.
Похоронен заживо? А в коленках дрожь...
Прошное, ушедшее, память не тревожь!

Всем шахтёрам мира пожелаю я:
Пусть вам будут собственники – братья и друзья,
А шахтёр уверен, уходя в забой:
Целым-невредимым он придёт домой!

ШАХТЁРАМ В ДЕНЬ ШАХТЁРА

Шахтёры Кузбасса – особая «раса»
Людей, нам дарующих свет.
Сегодня по праву шахтёрам Кузбасса
Вселенский поклон и привет.

За мужество ваше, бесстрашие ваше,
За ваш титанический труд,
Чтоб Родине было теплее и краше,
Шахтёры Кузбасса идут...

По штрекам идут и пласты покоряют,
Спешит уголёк на-гора...
И света лучи, как от Солнца, играют
От тонн, что добыли вчера.

Особая «раса» – шахтёры Кузбасса,
Вам славу поёт наш народ.
Пусть к Славе своей, как поэт до Парнаса,
Шахтёр наш кузбасский придёт.

По праву сегодня шахтёрам Кузбасса
Вселенский поклон и привет.
Шахтёры Кузбасса – особая «раса»,
Земле всей несущая Свет!

ЛЕВЧЕНКО
Валерий Вячеславович

Сложна и многотрудна судьба автора. Работал штукатуром, товароведом, матросом, пчеловодом... Много повидал и поездил. Сегодня живет в родных местах, в селе Первомайском Мишкинского района. Публикуется впервые.

НИНКА

– Нинка вставай, вставай, – тормошила мать за ноги дочь, спящую на печи, – петухи уже пропели, опоздаешь ещё.

Сонная Нинка, свернувшаяся клубком под дедовым старым тулупом, зашевелилась, высунула разлохмаченную белыми прядями волос голову, свесила её с печи и, уставившись заспанными глазами на небольшое кухонное окно в котором кроме темноты ничего не было видно, сказала:

– Темно ещё, мама!

– Кто рано встает, тому бог подает, пока собираешься, глядишь, и рассветать начнет! – ответила мать.

Зная её строгость, Нинка ничего не сказала ей в ответ. Сонно, еле угадывая ногами на ощупь ступеньки узкой лестницы, подставленной к печи, царапая свой живот о край, чуть не отступившись на самой нижней ступеньке, она буквально сползла с печи на пол.

Мать, видя это, покачала своей поседевшей головой, прошептав что-то о Боге, поставила на табуретку таз, почерпнула ковшом холодную воду из небольшой деревянной кадки, стоящей чуть ли не у самых дверей, и велела Нинке умываться, поливая ей на руки. Моя лицо и шею холодной водой, Нинка, фыркая, ёжилась, разгоняя сон, который никак не хотел от неё отступать. Вытершись сухим полотенцем, поданным матерью, она окончательно пришла в себя, вспомнив вче-

рашний разговор о том, что с сегодняшнего дня она выходит на работу в колхоз.

К исполнившимся её двенадцати годам мать добавила ей ещё год, сказав бригадиру колхоза Кузьме, что ей уже тринадцать. Кузьма, ставший бригадиром совсем недавно, был строг, но людей жалел. Его уже в годах, как и всех других мужиков, забрали на фронт. Но жена, будучи беременна седьмым ребенком, сделала аборт и умерла, оставив шестерых детей мал-мала меньше, старшему из которых вот-вот должно было исполниться пятнадцать лет. Так и не доехавшего до фронта Кузьму вернули с призывного пункта обратно в колхоз имени Сталина, поставив бригадиром колхоза.

Он выслушал Марию, мать Нинки, одобрительно покачал головой, и сухо сказал:

– Пусть приходит с утра на разнарядку, как все.

– Хорошо, – ответила Мария, – только ты, Кузьма, с взрослыми бабами Нинку на работу ставь.

– Ладно, – глядя на Марию, ответил Кузьма, – ладно, поставлю.

Вечером, пришедшая с работы домой, Мария пересказала дочери разговор с бригадиром. Нинка, глядя на мать, робко сказала:

– А я в школу хотела пойти.

– Какая школа, Нинка, война ведь. Читать, писать умеешь – этого и хватит. С завтрашнего дня на работу в колхоз выходишь.

– Ладно, – ответила Нинка, уловив в голосе матери какую-то нелюбовь с которой она всегда обращалась с ней.

Сейчас, сидя у печи, расчесывая гребнем волосы и заплетая их в косу, она с детской растерянностью вспоминала весь вечерний разговор. Нинка стала оценивать слова и поступки матери. Вспомнила отца, от которого недавно пришло письмо, свёрнутое в аккуратный белый треугольник, где его рукой было написано: «...воюю танкистом, недавно попали в засаду, пришлось идти врукопашную». Престарелый дед Степан, читавший письмо, сказал, что в рукопашном бою танкисты дорогу себе освобождали, чтобы фашисты танк гранатами не закидали, а то, что письмо, написано его рукой, значит, жив остался. Но Нинка, из сказанного дедом Степаном, не поняла, как это танкисты в

рукопашную ходили – они же на танке. Очнулась она, окончив заплетать косу.

– Нинка, ты что там, опять уснула! – долетел до её сознания голос матери. – За стол садись!

Нинка вздохнула, был бы отец дома, разве он допустил бы это, что бы она в школу не ходила, нет, конечно. Она села за стол, на котором в миске парила картошка, сваренная в мундире, аккуратно отрезанный кусочек хлеба, и полная кружка налитого в ней теплого молока.

– Ешь! – чуть не приказала мать, – а это – с собой возьмешь.

Она расстелила на столе старый поношенный платок, поставила на него литровую бутылку молока, положила две картофелины в мундире, сваренное куриное яйцо, два кусочка хлеба, огурец с помидоркой и небольшую коробочку соли, аккуратно завязала узлом, чтобы удобнее было нести, и села на стоящую рядом со столом табуретку. Глядя на дочь, вздохнула и негромко сказала:

– Ты там смотри, без разрешения не в какие механизмы не лезь, чтобы руки или ноги не оторвало, чтобы инвалидом не остаться, да взрослых слушай, они плохому не научат, у них тоже свои дети есть.

Голос её задрожал, она замолчала и отвернулась, чтобы дочь не увидела набежавшие на глаза слезы.

– Ладно, мама! – сказала Нинка, запивая молоком съеденную картошку.

От топившейся русской печи в избе было светло. В небольшое окно кухни с улицы уже заглядывал яркий синий, синий утренний рассвет. Нинка улыбнулась ему и спросила у матери:

– Мама, а я какую работу буду выполнять?

– Не знаю. Придешь в правление, когда начнется разнарядка, скажешь бригадиру, что ты Колбина, мать, мол, Мария, вчера просила на работу принять, поняла? – спросила Мария у дочери.

– Поняла! – ответила Нинка.

– Да не забудь сказать, что тебе уже тринадцать, если спрашивать будут.

– Ладно, мама!

– Ну, тогда собирайся, – продолжала напутствовать Мария дочь, –

сегодня тебе надо прийти в правление раньше всех, что бы ты своими глазами увидела, когда люди приходят на работу, что делают, как ведут себя, как к старшим обращаются, замечай всё, чтобы под ногами у всех всю свою жизнь не путаться. Поняла?

– Поняла, мама!

– Ну, с богом, дочка, – сказала Мария, перекрестив её.

Солнце уже встало. Нинка одела на себя поверх платья старую кофту и, повязав голову платком, сунула ноги, на которых были надетые сшитые матерью из грубой ткани носки, в чуть великоватые кирзовые сапоги. Открыла дверь и шагнула за порог...

Ярко всходившее солнце ослепило Нинку, отчего она зажмурилась, отвернулась в сторону и, быстро моргая глазами, скинула набежавшие слезинки. Прищурившись и прикрыв глаза ладонью, Нинка поспешила к правлению колхоза с узелком в руке. Услышав шаги и уловив её запах, во дворе замычала корова Февралька, как бы провожая её в дорогу.

Шагая по улице, Нинка приближалась всё ближе и ближе к правлению, не встречая на своём пути ни одного человека. Лишь из дворов до её слуха доносились крики домашних животных и птиц, да голоса хозяев. И только деревенские дворовые собаки встречали ее лаем, но услышав от неё свои клички, которые Нинка произносила своим ласковым тихим голосом, успокаивались и, виляя хвостом, провожали её метров двадцать-тридцать, потом снова возвращались к своему дому и дожидались следующего прохожего, которого с радостью можно было бы облаять.

Вскоре добравшись без каких-либо приключений до места, она осмотрелась вокруг и выбрала себе уголок, чтобы разглядывать всех подходящих к правлению людей. Но не прошло и пары минут, как она увидела приближающуюся по улице к правлению колхоза гнедую лошадь, запряжённую в легкий ходок, у которого бока и задняя часть были сплетены из толстых ивовых прутьев, а верхняя часть от непогоды прикрыта куском брезента. Нинка сразу узнала этот ходок, на нем ездил председатель. Она заволновалась, не зная, что делать, привстала на ноги в ожидании приближающей лошади. И только ког-

да из ходка вылез дед Иван, житель деревни. Нинка облегченно вздохнула и присела обратно на доску.

Дед Иван аккуратно прибрал вожжи, прицепив их к переднему краю ходка, подошел к лошади, отвязал край узды от кольца дуги, привязал её к бревну, посмотрел в сторону сидящей на доске, съёжившейся от утренней прохлады девочки, и направился к ней. Нинка привстала с доски, поздоровалась с подошедшим к ней дедом Иваном:

– Ого-го-го, – протяжно протянул дед Иван, – никак, Колбина, Нина?

– Да, – покачала она головой в ответ.

– Почто так, учиться неохота? – глядя ей в глаза, спросил он.

– Охота, мама не пускает, война ведь.

– Вон оно что, – задумчиво сказал дед Иван, – да ты садись, садись, дочка, в ногах правды нет.

И, усаживаясь рядом с ней, достал из кармана бумагу, кiset с табаком и начал делать самокрутку, потом склеил её слюной и закурил.

– Слыхал, что от отца письмо недавно с фронта пришло? – продолжил он разговор.

– Было, воюет танкистом, – ответила Нинка.

– Да, хороший был тракторист. Всех на войну забрали, кто пахать будет?

Кузьма тоже своих пацанов на трактор посадил, Антону четырнадцать ещё не исполнилось, а Дмитрию только, только пятнадцать.

– А тебе сколько? – спросил он Нинку. – А, знаю, ты с Лукерьиной Зинкой одногодка, а знать-то двенадцать. Эх, в школу тебе, Нина, в школу надо бы!

– Мама не пускает, война ведь, – ответила она.

– Знать-то трудодни мать зарабатывать тебя послала, чтобы без хлеба не остаться, – сказал дед Иван и замолчал, о чем-то задумавшись.

К правлению начали подходить люди, по одному, по двое и более, кто сами по себе, кто со стариками, а кто с детьми. Стало шумно, разговоры пошли о войне, похоронках, которые начали приходить всё чаще и чаще. Нинка услышала, как заплакала мать сродного брата Петра, который с другом, накинув к своим семнадцати ещё год, ушёл

на фронт танкистом и где-то под далекой Москвой в ожесточённом бою сгорел заживо в танке. В ответ ей заголосила тетка Наталья, получившая три дня назад похоронку на мужа.

Проходивший мимо Нинки Антон, сын бригадира Кузьмы, увидев её, остановился и с удивлением сказал:

– А ты, чего притащилась, таких не берут на работу, подрасти надо!

– Цыц, – цыкнул на него дед Иван, – не твоего ума дело, а то вот сейчас вылечу, суёшь нос, куда не следует.

Антон, зная лечение деда Ивана, которое он оказывает своей грубой огромной мозолистой ладонью, прикладывая с размаху оплеуху по затылку или по шее, втянул голову в плечи и удалился в компанию подростков, которые дымили самокруткой, передавая её друг другу по кругу.

Вышедший из правления, бригадир Кузьма начал читать разнарядку, посылая пришедших людей на работы.

Когда почти весь народ разошелся, Нинка тихонько встала, захватив узелок с едой и робко приблизилась к бригадиру. Не доходя до него метра три, остановилась и, дождавшись пока он повернется в её сторону, тихо, чуть ли не заикаясь, сказала:

– Колдина Мария, мама просила на работу принять.

– Что?! – выпучивая глаза и глядя на подошедшую Нинку, переспросил Кузьма, рванул ворот гимнастёрки правой рукой, впившись пальцами в своё горло. – Ух, - выдавил он из себя, и, отворачиваясь от Нинки зашептал, – тринадцать, значит, от горшка два вершка, а туда же, ну, Мария, – процедил он сквозь зубы.

Наблюдавший со стороны за разговором дед Иван не выдержал, подошел к Кузьме и тихо-тихо сказал:

– Пристроил бы ты её, Кузьма, на веялку к бабам рукава чистить, загрызет её мать, всё равно в школу не пустит, знаю я её.

Кузьма, задумавшись, вспомнил Нестора, отца Нинки, с которым он вместе за Советскую власть воевал ещё в гражданскую войну в коннице Будённого, вздохнул, повернулся к Нинке, измерил ещё раз её взглядом с головы до пят, покачал своей поседевшей головой и негромко сказал:

– Пойдем, – Нинка обрадовано поспешила за ним.

Кузьма подвел её к стоящим в сторонке бабам, которые всё ещё не ушли, дожидаясь чего-то:

– Помощницу привел вам, рукава чистить, возьмёте? – глядя на них, виновато спросил он, – других нет.

В нависшей тишине раздался хриплый голос Аксиньи, без лишних слов понявшей, в чем дело.

– Возьмём если надо! – сказала она.

– Да не угробьте её, – попросил Кузьма.

– Ну что ты, Кузьма, – в один голос заговорили бабы, – не люди мы что ли.

– Спасибо, – выдавил он из себя.

Резко отвернувшись от них, он быстро зашагал в сторону кузни, кроя в три наката матом свою должность, войну, и всё то, что она принесла на своих огромных, черных, разлохмаченных похоронками крыльях от Европы до Дальнего Востока, закидывая их почти в каждый дом.

– Мужиков нет! – шептал он, – мужиков нет! Одни старики, бабы, да дети. С кем работать? Что скажут те, которые вернутся? Что скажут? – плюнул с досады и уже громко сказал. – Хоть бы вернулись!

Так для маленькой Нинки начался первый большой трудодень в колхозе имени Сталина деревни Головное Макушинского района.

В первый год войны поля успели вспахать на тракторах, а вот весной сеять пришлось вручную из лукошка, а пахать и боронить на быках и коровах. Иногда запрягаясь самим, чтобы помочь подняться обессиленной, падавшей на колени, скотине. Трактористов и почти все трактора забрала война, утянув за собой добрый табун колхозных лошадей.

Вот так маленькая Нинка попала в большое пекло уборочной страды 1942 года, когда бабам, старикам и детям пришлось обеспечивать фронт продовольствием, надрывая свои жилы, не надеясь досыта самим, изматываясь до нервных срывов на многочасовой тяжёлой, порой непосильной работе.

Нинка быстро освоилась на порученном ей участке. В её обязанно-

сти входило следить за рукавами веялки, которые крутили вручную одновременно две женщины, и вовремя чистить их, чтобы не забивались.

Так незаметно пролетела уборочная страда. Зимние работы на зерноток сопровождались изнуряющими сильными морозами со свирепыми длительными затяжными метелями, которые как-то вдруг ослабели и уступили место дружной теплой весне 1943 года.

Пережили, выжили! – светилось без слов на лицах исхудавших людей, улыбавшихся друг другу, которых уже не могли сломить никакие трудности.

Вчерашние дети и подростки, возмужавшие за прошедшую трудную зиму, встали на одну ступень с взрослыми. А надвигающаяся посевная страда, не казалась какой-то страшной силой, наоборот, её ждали с волнением и даже с затаённой любовью, чтобы ринуться на борьбу с ней и остаться победителями.

В один из весенних теплых дней Кузьма, зашедший на зерноток, подошел к компании женщин, которые обсуждали переломный момент в войне по всему фронту, и сказал:

– Ну, что, бабоньки, выдержали и мы с вами свой фронт? Переломили хребет трудностям, спасибо вам, это и ваша победа! Теперь легче будет, технику обещают и трактора новые к осени выделить, а ещё две сеялки.

Обратившись к Нинке, спросил:

– Ну что, Нина, пойдешь на всю посевную на сеялку работать?

– Да ты что, Кузьма, – вступилась Аксинья, – да она для нас и ноги, и глаза, и уши, не отдадим её!

– Вот поэтому и прошу её помогать хлеб сеять, – сказал Кузьма, – больно уж ответственная она у вас, а я вам взамен другую пришлю, не обессудьте уж.

Так бабы, прощаясь с Нинкой, как со своей дочерью, отпустили ее со слезами на глазах работать на сеялке, сеять тот самый тяжелый, но вкусный хлеб, которого еще так не хватало, чтобы наестся им досыта.

На следующий день с утра Нинка помогала насыпать зерно для посева в мешки, которые потом загрузили в телегу, запряженную бы-

ком по кличке Мураш. Телегу повезли к полю, на краю которого стоял трактор с сеялкой. Ответственные за доставку зерна Коля с Васей были года на два постарше Нинки. Они старались во всем походить на взрослых и поторапливали девчонку, которая шагала, как и они, пешком за телегой, чтобы быку Мурашу было легче везти, но отставала от них из-за своей обуви, маленькой не по размеру, одетой на босые ноги, а затем и вовсе захромала. Мальчишки сначала смеялись над ней, но, увидев, что она вот-вот заплачет, остановились, дожидаясь, когда Нинка доковыляет до них, заодно дав передохнуть Мурашу.

– Ну что у тебя? – спросил Вася подошедшую, всхлипывающую Нинку.

– Сандалии маловаты, пальцы надавили! – ответила со слезами на глазах она.

Коля подошел к Нинке, уставился на ее сандалии, наклонился, надавил рукой на большой палец ноги.

– Ой! – вскрикнула Нинка, – больно!

– Понятно, – по-деловому сказал он, – резать надо.

– Что, – прошептала она, глядя на него широко раскрытыми глазами. – Ноги? Не-е-е, не дам!

Мальчишки захохотали, ухватившись за свои животы.

– Сандалии, – вытирая слезы от смеха, – выговаривал Вася. – Дыр-ки прорежем, чтобы пальцы не давило, а то, как работать-то будешь?

– Снимай, – смеясь, сказал Коля.

Достал из кармана брюк и бережно открыл свой складной нож, подаренный отцом, ушедшим на фронт, от которого за полтора года не пришло еще не одного письма.

– Залазь на телегу.

Нинка засмеялась, сняв свои сандалии и передавая их Коле.

– Я думала – ноги, – сказала она.

– Ага, ноги! – сказал Вася. – Да их наоборот удлинить надо, а то уж ты больно маленькой кажешься.

Мальчишки аккуратно вырезали в сандалиях небольшие прорези, чтобы пальцы ног не упирались.

– На, одевай! – сказал Коля, протягивая ей сандалии. – На моих дома тоже прорези есть, отец еще вырезал. А ты сиди на телеге и не слазь, невелика ноша, поди Мураш не надорвется, – добавил он.

Подъехав к краю поля, на котором их уже дожидались бригадир Кузьма, дед Иван, две молодые женщины, Вера с Таней, вышедшие замуж перед самой войной и уже успевшие остаться вдовами, и пятнадцатилетний тракторист – сын бригадира, Дмитрий. Все дружно поздоровались.

– А мы вас тут заждались! – высказал дед Иван.

– Да оказия небольшая была, – сказал Вася. – Вот и задержались.

Наполнив зерном бункера сеялок и сгрузив на землю остатки мешков с зерном, Коля с Васей поехали за следующей партией зерна. Дед Иван, Кузьма, Нинка и Вера с Таней встали на подмости сеялок и покатались на них за трактором, который, пуская черный дым с искрами из трубы, пополз по черному большому полю. Вскоре Кузьма с дедом Иваном, отрегулировав на силках подачу зерна, напутствовав всех по технике безопасности и поставив Дмитрия ответственным за посев зерна, поспешили по другим делам. Солнце уже перевалило за полдень, когда трактор, вдруг взревев, встал на краю поля и, немного побулькав, заглох. Девчата переглянулись, не понимая в чем дело. От нависшей внезапно тишины звенело в ушах, и только, когда стоящий на гусенице трактора Дмитрий весело и громко крикнул: – Обедать пора! – все сразу вспомнили про еду.

– Ой, девки, и правда есть хочется! – улыбаясь, сказала худощавая Татьяна, расстегивая пуговицы комбинезона, давившего упругие крупные груди, сверкая белыми зубами на темном от пыли лице и глубоко вздыхая.

– И правда, голод давит! – вторила ей худущая Вера, также сверкая зубами на измазанном лице.

Нинка, глядя на них, громко рассмеялась.

– Ты чего это!? – уставившись на нее, с тревогой спросила Вера.

– Какие вы грязные, – смеясь, сказала она.

– А ты сама-то, – показав ей рожки, прыснула от смеха Вера, – ну, настоящий чертенок.

**„Ты, моряк,
красивый сам собою...”**

Немного посмеявшись друг над другом, они развязали свои узелки со скудной, не хитрой едой, разложили её по центру и, усевшись вокруг, начали угощать друг друга. А ко всему этому Дмитрий вдруг извлек из своего вещевого мешка банку мясной солдатской тушенки и, аккуратно вскрыв ножом, деловито сказал:

– Для всех! Дед Иван на станции у солдат на табак поменял.

Девчата, перестав жевать, молча, уставились на банку, из которой исходил уже чуть ли не забытый ими аромат мяса, не решаясь его достать.

– Ну, вы чего, берите! – улыбаясь, говорил Дмитрий, видя их нерешительность, взял банку и, поддевая из нее ножом кусочки мяса, разложил всем поровну.

Нинка обвела всех взглядом и тихо сказала:

– Я и не помню, когда мясо последний раз ела, до войны это было!

– Мы тоже! – за всех ответила Татьяна, как бы невзначай дотрагиваясь до Дмитрия и пододвигаясь к нему поближе.

– Ничего, девчата! – сказал Дмитрий, – вот окончится война, заживем еще лучше. У всех все будет, лишь бы мужиков побольше с войны вернулось, – и, краснея, отодвинулся от Татьяны.

Девчата негромко рассмеялись.

Так изо дня в день с утра и до позднего вечера сеяли они зерно. Окончилась посевная, и наступил сенокос. И вновь зазвенели косы об росистые травы, зазвучали навзрыд горькие песни со слезами от выпавшей на них тяжелой и нелегкой долишки, одной на всех.

Еще не полегли последние травы на покосах, как началась уборка зерновых, на которую были брошены последние силы, что еще оста-

КОЛДИНА
Нина Нестеровна,
НАШИ ДНИ

вались в запасе, от малых детей до пожилых стариков. Нинка работала как все, не отставая от взрослых, добросовестно выполняя все работы, на которые ее посылали с та-

кими же, как она, подростками. Ездилa на быках за горючим в Марьшиху, увозила сдавать зерно на приемный пункт в Коновалово, где зачастую оставалась перелопачивать его, чтобы подсушить от повышенной влажности. А по окончании уборки, с глубокой осени до весенних работ на посевной, подвозила корма к фермам для коров и телят в любую погоду, в дождь и морозы, в бураны и метели, споря с ветрами, которые норовились сдуть и расшвырять уложенное на возы сено, как бы надсмехаясь над ней. Так и бежали, то замедляясь, то ускоряясь, дни тяжелой работы. И лишь одно радовало – границы фронта отодвигались все дальше и дальше в сторону фашистской Германии. А на столе, в каждом доме, хлеба становилось чуточку больше.

А однажды она узнала, что танк, на котором воевал отец, подбили, и его, тяжело раненного, отправили на лечение в глубокий тыл, город Тюмень. А мать так и молчала, не рассказывая Нинке ничего про отца. В селе про это ходили разные

Награды ветерана

толки, но Нинке все время думалось: «Был бы отец живой, разве он не пришел бы ее навестить, пришел бы конечно!»

В 1945 году, в начале марта, разразился сильный буран. Нинка проснулась от воя ветра и показала ей, что она опоздала на работу. Спешно одевшись, чуть ли не бегом, она поспешила на ферму и, запягавши быка Мураша в сани, погнала его сквозь буран за сеном. Кое-как уложив воз, увязала его, и отправилась в путь. Уже на обратном пути, переезжая через железную дорогу, сани зацепились полозьями о рельсы.

– Мураш пошел, пошел Мураш! – кричала Нинка, но Мураш дергал сани и никак не мог сдвинуться с места. И вдруг, из снежной пелены раздался громкий свист, заскрипели рельсы, и она увидела в снежной пыли летящий на них паровоз.

– А-а-а-а-а! – от страха закричала Нинка.

В последний момент, то ли от страха, то ли от Нинкиного крика Мураш вдруг рванул, и, сорвав полозья, выдернул сани из-под самого носа паровоза. Когда Нинка добралась до фермы, то узнала, что за сеном еще никто и не ездил, все ждали окончания бурана. После этого самовольного проступка, боясь наказания, она сбежала из колхоза и устроилась на работу в Курловский лесоучасток, где и познакомилась со своим будущим мужем Иваном. Знакомые звали ее обратно в колхоз, но Иван увез ее в деревню Красный дол Мишкинского района. Там она в конце 1945 года вышла замуж. Прожив три месяца, Иван забрал в армию, а она вновь начала трудиться: возила на быках кирпич, заготавливала мох, гасила известь, доила коров. В конце 1948 года Иван пришел из армии, к тяжёлой работе добавилась нелегкая семейная жизнь. В 1954 году родилась первая дочь, затем вторая, потом третья, сын и снова дочь.

Так жила и работала до ухода на пенсию ветеран труда – Колдина Нина Нестеровна, награжденная медалью за доблестный труд во время Великой Отечественной войны, живущая в настоящее время в селе Первомайское Мишкинского района.

Хозяинство

Сергей СУРАЕВ

Доктор

ЛОЖКИНА
Елизавета Ивановна

Окончила Курганский государственный пединститут. Работала учителем в школе № 33. Стаж 16 лет, общий педагогический стаж 26 лет. В молодости работала на УВЗ (Уралвагонзавод) в г. Нижний Тагил. Затем в Кургане работала на КМЗ электросварщиком, освоила все виды сварки. В Кургане живёт с 1963 года (55 лет).

ЯРЧЕ ПЛАМЕНИ*

Проходя по улице Красина, мимо 1-ой городской больницы, обращаю внимание на рабочих-сварщиков, устанавливающих металлическую ограду-решётку.

Как слаженно работают. Сейчас требуется делать работу не только качественно, но и красиво.

Меня притягивают, ну просто примагничивают огни сварки. Я не боюсь «наловить зайчиков», они мне такие родные, ручные, я знаю, как их отвлечь. Мне захотелось даже поговорить о своей бывшей профессии, но с кем и когда?

Случай поговорить о профессии сварщика всё-таки представился, когда меняли дома окна и балкон.

- Работай качественно, - говорит сварщику хозяин и смеётся – работу буду сам принимать, я тоже бывший сварщик. Да у меня и хозяйка тоже сварщик.

* О.Н.Семчук. Повесть о знатном сварщике Егоре Агаркове, Москва, «Молодая Гвардия», 1989г.

- Вот попался, - засмеялся парень, по имени Алексей, Алёша.

Ребята работали хорошо, пропало напряжение, которое чувствовалось вначале и закончился разговор на кухне, за чаем с вареньем. Вспомнили о себе, о нашей юности. Удивлялись, что за феномен было наше поколение, сподобившееся родиться до войны. Может потому что мы, деревенские, труда не боялись. Нам бы только наработать, дВ самом начале шестидесятых, оказавшись в уральском городе Нижний Тагил, я пошла на Уралвагонзавод (УВЗ), теперь его знают все после того, как завод посетил наш президент В.Путин. вместе с группой девушек и парней нас направили учиться на электросварщиков. Кроме учёбы в свободное время мы строили мастерские для Учебно-производственного комбината, где и учились.

Пришлось на ходу, как говорится, освоить кирпичную кладку, за-тирку, штукатурку, малярные работы, работу на бетономешалке, бетоном заливали полы, в завершении нас вывели на крышу, где мы стелили рубероид и заливали горячим битумом, последняя работа очень опасная. Всё получилось. Работали одни девушки, парней с нами не было, они трудились на более тяжёлых работах.

После сдачи экзаменов на квалификацию, нам выдали в торжественной обстановке дипломы и постоянные пропуска на завод. Меня взяли на работу на Главный конвейер. Одно упоминание о конвейере вызывает улыбку, сразу вспоминается Чарли Чаплин. Он тоже работал на конвейере. Наверное, помните, один классик сказал, что конвейер – это система выжимания пота. Я тогда ещё об этом не знала.

Конвейер состоит из настоящей железной дороги, на которой происходит сборка и сварка вагонов. Наша позиция была самой опасной по Технике безопасности, так как имела скамейки-подставки, которые после окончания сварки надо было успеть раскрыть для прохождения следующего вагона.

Поначалу было страшно. Со скамейки-подставки надо было вместе с кабелем, щитком и электродами вспрыгнуть на вагон, заварить внутреннюю часть операции, спрыгнуть с вагона и с подставки заварить наружную часть своей операции, успеть до сигнала по радио:

- Внимание, внимание, будьте осторожны, конвейер движется...

У меня и сейчас от этих слов что-то сжимается в груди...

Всякое было вначале и неприятности, и слёзы, но постепенно приходил опыт и уверенность. Заработная плата была приличная, нам давали за вредность молоко, после смены – горячий душ зимой и летом – праздник для души и тела. На выходе из душевой – ванночка с марганцем для ног, постоишь, потопчешься, выходишь, как святой, такая лёгкость во всём теле. К осени нас переселили в новое благоустроенное общежитие. Но и мы не оставались в долгу. Рекорд Егора Агаркова 75,5 метров сварного шва за смену, я повторяла каждый день, моя операция была самая большая на конвейере.

Вскоре из института электросварки имени Патона пришло предложение освоить новый способ сварки – «под флюсом» или порошковой проволокой. Выбор пал на меня, потому что у меня среднетехническое образование.

Примерно через неделю приехали гости из Москвы, журналисты, снимали новый способ сварки на рабочем месте. Меня предупредили, что на снимке меня не будет видно, так как работаем в щитке, и тем более, это научный журнал Института электросварки.

Мы участвовали в художественной самодеятельности, занимались спортом, во Дворце вагоностроителей постоянно приезжали с концертами известные певцы, артисты, по случаю Юбилея завода приезжал московский балет Большого театра, показывал «Лебединое озеро».

Мы за это время из новичков превратились в мастеров своего дела. Пришлось многое перепробовать. Меня иногда брали «на аврал» в соседний пролёт, где варили стотонники, цельнометаллические вагоны, и это ещё не всё. Однажды, в эпидемию гриппа, нас привели в корпус, где варили броню. Опять было страшно. Мы работали с электродами-шестёркой, это как бревно по сравнению с аустенитовыми электродами, которыми варится броня. Они тонкие и тугоплавкие. К ним нужен подход и сноровка, но ничего, справились, не зря на своём рабочем месте в конце операции я ставила уже личное клеймо. Тогда это были первые «Знаки качества». Всё хорошее когда-нибудь кончается. Заканчивалась и наша юность. Такая красивая и такая счастли-

вая. Надо было принимать другие решения и ставить перед собой другие цели.

Оказавшись в Кургане, в незнакомом городе, устроилась на ЖБИ-2, варила закладные для шестипустотных плит, которые идут в домах на потолки. Работа на улице, по колено в снегу, после УВЗ была как торга.

Вскоре узнала о КМЗ, перешла на завод. Поставили меня варить рамы для БМП. Работа такая же, как на УВЗ, но условий никаких, не то, что тазик с марганцем, душевых-то нет. Но работа нравилась дисциплиной, ответственностью, она напоминала работу на УВЗ. После КМЗ пришлось работать на Арматурном заводе, тоже сварщиком. Здесь варили запорную арматуру – различные вентили. Работа ответственная. Предупредили, что наши детали идут на очень серьёзные объекты. Каждый шов, сваренный мной, проверяется при помощи рентгена. Но и это было не предел сварочного мастерства. Оказалось, что в таком мирном, тихом городе Кургане мне предстояло подняться ещё на одну ступень сварочного дела – освоить сварку деталей «в среде аргона».

Говорят, судьба ведёт, а сопротивляющихся тащит. Такое впечатление, что меня судьба вела и каждый раз туда, о чём я и представления не имела. Как говорят белорусы: «Держись, Зося, як пришлось».

Трудно объяснить этот процесс сварки, но я попытаюсь. В большой комнате, на земляном полу слева стоял огромный станок, наверное, токарный. Он нужен был для захвата сварочных деталей. Первое – закрепить деталь на станке. Второе – открыть газовый баллон, левой рукой держать щиток, чтобы не ослепить себя сваркой. Оказавшись в крошечной темноте, правой ногой плавно включить станок, правой рукой зажечь электродугу, и, наклонившись и затаив дыхание, начать сварку.

Деталь вращается в станке со скоростью сварки, и надо интуитивно определить место стыковки шва. Это был самый ответственный момент, так как нельзя «варить по варённому».

На следующий день, идя на работу, проходя мимо нашей лаборатории, я увидела военпреда, стоящего на крыльце, который, подняв руку,

показывал большой палец и кричал, что всё отлично. Брака нет! Замечаний нет! Конечно, хотелось работать ещё лучше, но когда есть семья, дети, женщине приходится подчиняться обстоятельствам. Вот и мне пришлось выбрать и даже сменить профессию.

Всему своё время. Юность прошла, наступала зрелость, и начинаешь понимать, что это не женская работа, особенно, когда нет условий таких, как на УВЗ. Там на работу люди идут, как на праздник!

Молодым людям мы с дедом моим пожелали, чтобы они не боялись осваивать профессию сварщика. Эта профессия достойна мужчин. Мой дед, бывший сварщик, написал даже стих: «Если б можно вернуться назад, в нашу юность, в ПТУ и на сессии, я бы сварщика выбрал опять, и остался бы верен профессии». В юности ему пришлось варить и броню, и корпуса ракет. А в Кургане на его счету не один десяток крупнопанельных домов, смонтированных и сваренных им лично.

Мы смотрим из окна на новую ограду 1-ой городской больницы, как она красива, воздушна и легка. Как радостно, что наш родной город Курган хорошеет на глазах. Как кстати выпал снег. Здание больницы, как Ноев Ковчег, подбирает всех, кого ещё можно спасти, а потом выпустит на землю, домой, чтобы жить дальше, любить жизнь и радоваться жизни, а ещё создавать вокруг себя красоту.

А красота, как известно, спасёт мир.

ТЕЛЯТНИЦА

Сергей Сураев

МОКРУШНИКОВА (Росс)
Татьяна Анатольевна

Родилась в Далматово. В 1998 году закончила Тюменский университет по профессии “педагог-психолог”. Работала психологом в детском доме и школе-интернате. В 2017 году организовала в городе при районной библиотеке литературно-поэтический клуб «Исетский причал». Выпустила несколько сборников стихов. Член общества краеведов «Родник» при музее, занимается родоведением. Активный участник «Зырянских чтений».

КРЕСТЬЯНКА

*Посвящаю бабушке
Малых Наталье Павловне (1911 -1977 г.г.),
вдове красного командира, политрука*

Простою русскою крестьянкой
Недолгий век свой прожила.
Явилась в мир не самозванкой –
Купель венчали купола.

Наталью окрестил священник,
В церковной книге записал,
И взяв совсем немного денег,
Напутствие своё сказал:

«Расти, дитя, и веруй в Бога,
Благослови тебя Господь.

Иди счастливою дорогой
И крепкий род не обесплоть».

Росла в деревне, труд тяжелый
Познала с детства, как велось.
Учиться некогда ей в школе,
И горе с радостью сплелось.

Потом замужество и парень
Красив был, статен и умён.
А Сталин уж Россией правил,
И дух репрессий был на нём.

Вот муж идёт на повышение,
В милиции инспектор он.
Бандитов ловит, за спасенье
Оружьем личным награждён.

Он из деревни из далёкой
Уехал в город, чтобы там,
Идее следовать высокой,
За партией шёл по следам.

Он очищал страну от скверны,
С ворьём боролся и шпаной.
Был в отделении он первым:
Товарищ Малых, как герой!

И вот опять на повышение:
Начальником назначен муж,
И жизни славные мгновенья
Жизнь подарила для трёх душ.

Ещё малой родился, Алик,
Уж перед самою войной.

А муж на фронт ушёл.
И правит
Паёк голодный всей страной.

Она в колхозе и в бригаде:
Полоть на поле, поливать.
В пимах, не в дорогом наряде,
С дорог сугробы убирать.

Платок, фуфайка, рукавицы,
Умеет лошадь запрягать.
Нагалье дома не сидится,
Бойцам носки пошла вязать.

Вот похоронка в дом приходит,
Что делать? Одевать платок.
Она, как тень по дому бродит,
Не пьётся и воды глоток.

Нет, не узнает муж теперь уж:
С телеги младший сын упал.
А ей ведь веришь иль не веришь,
Хранить сынов ей муж сказал.

Не сохранила, и не скажешь,
И муж пропал, не знает где.
И горя узел не развяжешь,
Как дальше жить теперь вдове?

И сын единственный остался,
По малолетству сел в тюрьму,
И рок в судьбу его ворвался:
На Колыме тащить суму.

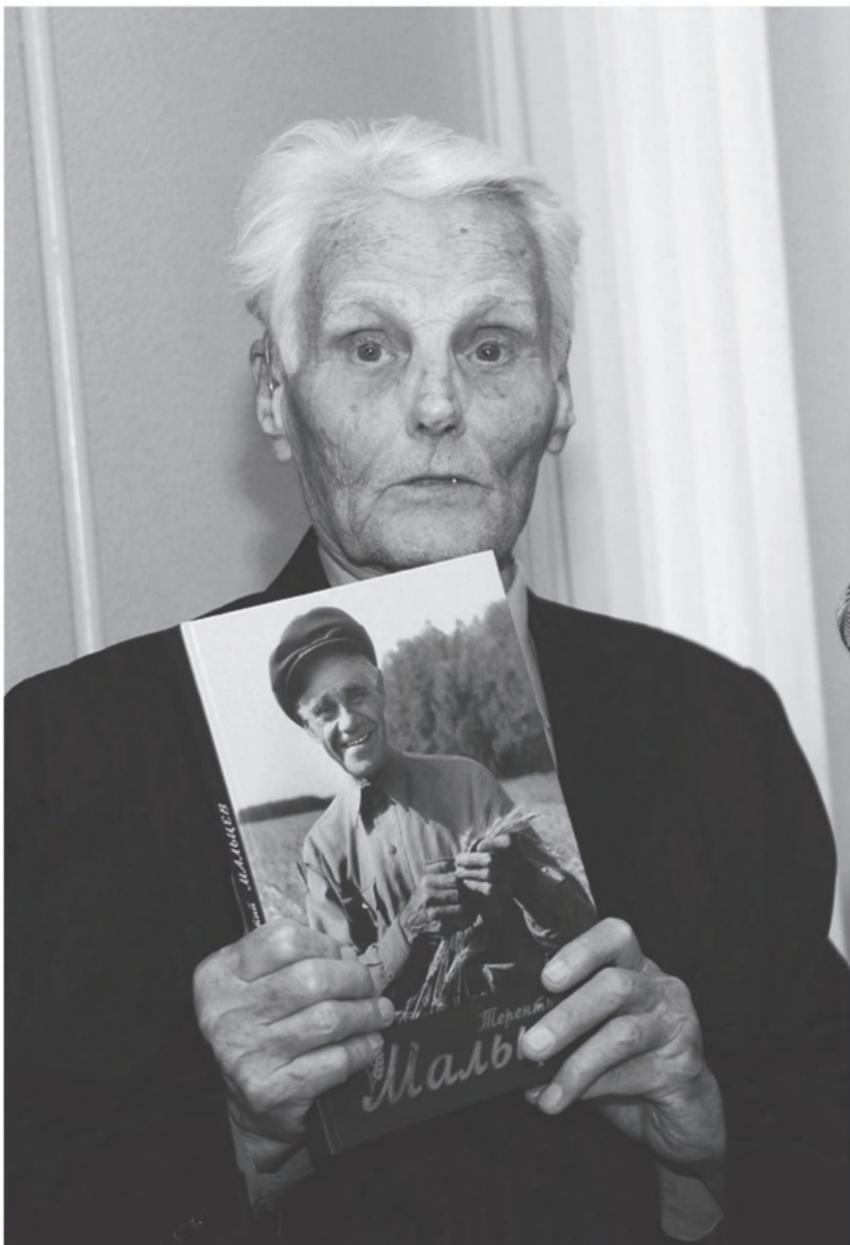
Вот так крестьянки вековали
Свой вдовый век, растя сынов.
О, нет, мы столько не познали
От похоронок горьких слов.

Отец рассказывал, роняя
Слезу скупую на ладонь.
О прошлой жизни вспоминая
За что мальцом был осуждён.

А я сидела и молчала,
Задумчиво в окно глядя...
Лет шестьдесят уж миновало,
Но забывать о том нельзя.

Рассказы эти помнить надо
И пересказывать другим...
Погоста синяя ограда
И обелиска серый дым...

Два патриарха

Сергей СУРАЕВ

Фотограф

Ортопед

НИКУЛИН
Валентин Никандрович

Трудовой стаж 43 года. За время работы прошел путь от рядового члена колхоза до главного инженера. Ветеран труда. Почетный гражданин села Кодское Шатровского района

Стихи начал писать в 50 лет.

С 2011 года - член поэтического клуба «Истоки» при Кодской сельской библиотеке.

ХЛЕБОРОБЫ

Труд хлебороба одержим!
Мы, не задумавшись, едим
Тот хлеб, который он взрастил,
А сколько он потратил сил?

С зарею раннею вставал
И зябь по осени пахал,
Весною в срок старался, сеял
И всходы дружные лелеял.

С землей душевно говорил,
Когда поля он обходил,
Пыльцу туманов замечал,
Ковры хлебов благословлял,

Чтоб злаки дружные росли,
Купались в радуге, цвели.

На тяжкий труд он не роптал,
Мечту-надежду возлагал:
Не подвела б его природа.
Осенним днем еще погода

Венец труда – его финал.
Когда хлеба он убирал.
И в бункер сыпалось зерно,
С отливом золота оно,
Душа бурлила, ликовала,
И хлебороба вдохновляла...

К земле клонился тучный колос.
Он будто слышал поля голос
И не смыкал тогда очей,
И не считал ночей и дней...

Огнями яркими сверкало,
То поле битвы рокотало:
Комбайнов, тракторов, машин –
Здесь трудовой порыв един.

И, успевая до дождей,
Потоком шло зерно с полей –
Душою выстраданный хлеб.

Мы помним прадедов завет:
Крестьянской долею гордиться
И хлебу низко поклониться.

Труд хлебороба одержим!
Ни с чем его мы не сравним.
Прогресс науки умножая,
Вы знайте цену каравая!

**ПАНКОВА (Телегина)
Татьяна Петровна**

Заведующая историческим музеем Курганской государственной сельскохозяйственной академии им. Т.С. Мальцева. Пишет стихи и песни. Неоднократно выступала на фестивалях бардовской песни, печаталась в нескольких сборниках, в местных и городских газетах.

ТРУЖЕНИЦА

– Танча, нэ отставай, бо послидний транвай уйдэ! – оглядывалась на ходу, подбадривала и подгоняла меня моя бабушка, мамина мама – Анна Александровна Копейкина, в девичестве Ведькалова.

А поспешали мы, хорошо наработавшись в её саду. Бабушка, статная и сильная, крепко держала на руках своих внуков, вцепившихся в её шею и плечи. Шагала она широко и вольно, летела, сильно ударяя плетками по суглинистой накатанной дороге, а я еле поспевала за ней на своих каблучках, таща в руках тяжёлые сумки. Я всегда удивлялась и радовалась её силе и выносливости, понимая, что я уродилась не в породу. Она была казачкой славного рода из-под Полтавы, раскулаченного в лихую годину и высланного на Урал. Часто мне об этом рассказывала, вспоминая и сравнивая с повседневной теперешней своей жизнью. Любила я об этом слушать, мысленно уноситься туда, образно представляя эту вольную крестьянскую жизнь, невольно примеряя на себя.

– Яки мы булы кулаки!? – недоумевала она. – Бо робымлы с утра до ночи. Уси робымлы. Мы, диты, гусэй паслы, у поле батьке поисты носылы. А як жылым! Свий табун коней, маслобойня, мельница, скике свинэй булом. А пруд свий. Батько наловэ, нэсэ рыбу – хвост по

трави воломче. Усэ свое булом. Своим родом жилым. Единолично. Э-э-э, – махала она рукой.

Дед Вемдыкал любил её и называл Ганнушкой. А маму и отца она видела мало – они всегда были в работе. Справлялись сами, но люди шли, просились в работники, потому что мама добросовестно и досыта кормила. Амбары были полны, и мясо висело тушками. И когда бабушка утаскивала для многодетных семей бедных подружек – даже никто не замечал. Сейчас я думаю: а может мудро делали вид, что не замечали? Свой сад был, поле подсолнухов, бахчи, большие площади засаживались картофелем, рожью, пшеницей, гречихой, всем, что требовалось. Это было её счастливое детство и юность. Семья была многодетной. Жили все вместе. Почитали старших, хватало времени и на детвору, потому что сразу приучали их к труду, к ведению хозяйства. Это была жизненная мудрость и необходимость.

Подросла Анютка и влюбилась в чернобрового, высокого Борьку в драных штанах. Отцу и братьям это было не по нраву. Прятали её, загоняли на печь, закрывали, не пуская на улицу, стегали, но ничего не помогло. Ушла Анюта в семью голытьбы, проклятая, знающая, что обратной дороги не будет. Быстро родились Сашка, Марийка и Тайка – моя мама. А тут и война. Люди удивлялись и укоризненно выговаривали: «Анна, мужа на фронт провожаешь и даже слезы не уронишь. С тремя ведь остаёшься!» А с чего ей было плакать? Всё уже давно выплакано – дед был ветеринаром и успевал по деревням всех бабёшек обиходить и приласкать, не то, что их коров и другую животину. И надеяться только на себя – ей было не привыкать. Хлебнуть лиха уже успела. Но что ждало её в дальнейшем, об этом страшно и подумать. На таких женщинах, как моя бабушка Анна Александрова, и стоит матушка Россия.

Это на их плечах весь груз тягот и забот, горя, холода и голода. Все четыре года войны спасало ежедневное, ежечасное самозабвенное желание сохранить детей, выжить, дожидаться победы. В 1943-м она уже знала, что красноармеец Копейкин Борис Тихонович пропал без вести под Ленинградом. Кто-то потом рассказал ей, что после взрыва в большой воронке ничего не осталось ни от повозки, ни от лошади.

Анна Александровна Копейкина

И деда тоже не нашли. Да и до поисков ли тогда было?

Имея образование в два класса церковной школы, она всё же смогла написать несколько писем деду на фронт. Но особых розысков по горячим следам или не смогла сделать, или они ничего не дали. По сей день мы тоже ничего о нём больше не знаем. Даже фотографии не осталось. Каждую годовщину Победы 9 мая она получала в «ветеранском» магазине килограмм колбасы и бутылку водки. Приходила к нам, доставала из авоськи и, выставляя на стол, добавляла: “О цэ, шо от вашего деда осталось. Давайте помянем ёгом”. Тогда я была ещё молоденькой и, как-то глядя в очередной раз на это «празднование», потом написались эти строки:

И праздник этот горем отзовется

Для бабушки – вдовы сороковых...

В войну и после с детьми пришлось не раз переезжать с места на место, скитаться, жить у кого-то в землянках в сараях, а то и в бане с лягушками. Искупаются хозяева, а потом она с детьми, собрав свои узелки, вворачивается на ночлег. Так потихоньку из-под Челябинска добрались они до Медногорска Оренбургской области, где уже остались жить в Аккермановке, затем переехали в близлежащий город Новотроицк Оренбургской области.

Бабушка была привычна к любому труду. Отлично умела выкладывать печи. Ездил по деревням, жила там, пока всем не сделает. Люди и кормили, и помогали, не отпускали добродушную, добросовестную хохлушку. Платили хорошо, давали продуктов в дорогу. Но было не всегда всё гладко. Где-то и платить было нечем, а то и в дороге ушлые люди пытались обокрасть. Да не просто было совладать и ски-

нуть с крыши поезда крепкую бабу, которая кулаком валила с ног мужика. И в поле косила наравне с крепкими хлопцами, многих оставляя за спиной. А как-то зимой пришлось ей ехать, уцепившись на подножке. Застудила голову и ноги на всю жизнь. О таких и говорил Некрасов: «... коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт».

Каждая её такая поездка была опасной. Детей оставляла у добрых людей или у кого была на постое. Как-то приехала, а их нет. Соседи отправили в детдом, который находился в Ракитянке. Наревелась, развернулась снова в дорогу. Добралась, нашла, а дети отказались ехать обратно. Сыты, одеты, обуты и спят не на соломенных тюфяках. Благо понадобились в детдоме умелые руки и доброе сердце, да к тому же и рассказчица и певунья была гордая Анюта.

Приглянулась она Вильданову Николаю. Не был он ей ни опорой, ни подмогой, а вот сына Витьку она родила. Всё, что с нею от этой недолгой любви и осталось. И пришлось подросткам, работавшим подпасками, няньками, ещё и младшенького доглядать, пока она зарабатывала на жизнь. Всяко было. И горели не раз, и обворовывали, и не раз богатые бездетные семьи просили у неё, чтоб отдала красивого большеглазого, кудрявого малыша, гарантируя ему добротные условия и образование в жизни. Да как же ей было оторвать от себя своё кровное? Так потихоньку и подняла всех на ноги, вывела в люди. Не хуже других: все работящие, умелые, весёлые и общительные. Чем и притягивали к себе людей, быстро находя верных друзей и умея выжить в любых условиях.

А бабушка потом ещё работала в детском садике нянечкой. Но руководству невольно пришлось её перевести в ночные сторожа, так как её украинский и ломаный русский языки плохо влияли на детей, готовящихся к учёбе. Сторожила она и в школе. Будучи ребёнком, я ходила с нею на работу, спала то на школьных столах, то на лавке, положив голову ей на бедро. Тогда она работала на руднике. Свет не включала, чтобы всё ей было хорошо видно из окна. Сидела и вязала носки. Всегда. Просто брала у людей пряжу или прядла сама шерсть или пух. Лишь бы не уснуть, ведь ночь долгая. Позвякивали у меня над головой торопливые спицы, иногда она что-то тихонько пела,

а то и разговаривала «с кем-то». Под утро тишину разрывал телефонный звонок. Бабушка хватала трубку и спешно докладывала: «Рудник. Охранник Копейкина». И потом, всегда я слышала одно и то же: «Пятый час. Бо я вже втору пятку довьязую». Звонившие, удивляясь, сверяли часы. Это так, по-доброму подтрунивая, у неё спрашивали: сколько времени. До сих пор и часов своих у неё не было. А вязала носки и варежки она в полной темноте, на ощупь. Этому тоже я всегда удивлялась, разглядывая и примеряя обновку. Это уже было традицией, бабушке надо было убедиться и примериться к тому размеру руки или ноги, для кого она на этой раз вязала.

И часто вспоминаю, как брала она меня с собой на Рудное поле, где был её клочок земли для посадки картофеля и тыквы. Это было размежёванное на полоски поле без заборов, где растили урожай все её сослуживцы, когда она работала в охране на аммональном складе. Кроме формы и значка у нее была длинная винтовка и два патрона, за которые она расписывалась перед дежурством и под роспись сдавала обратно принимающему смену у неё.

Тогда, на этом поле, далёко от города, где мы жили, в степи часто хотелось пить. Некуда было спрятаться ни от дождя, ни от палящего солнца. И горячий ветерок тоже не особо-то помогал. Бабушка отвлекала меня и угощала съедобной травой, рассказывая о ней, а то подкапывала луковки диких тюльпанов, называемых «куяны». Они да степной чеснок частенько выручали нас. А ещё вкусные ягоды паслёна по зарослям картошки. Его всегда бережно оставляли. У нас, в степном краю, эту ягоду почитают. На все случаи жизни, помню, всегда пироги с черёмухой, калиной и паслёном.

Когда я была уже взрослой, работала на металлургическом комбинате в горячем цехе на электромостовом кране, бабушка не раз просила меня проехать с нею по тем деревням, чтоб показать мне свои печки, познакомить с теми людьми. Но мне было некогда: заочная учёба в техникуме в другом городе, работа в три смены, комсомольские поручения, обязанность культмассовика цеха, вожатство в подшефной школе, написание писем в армию братьям. Да и просто некогда.

Всегда было некогда. Мне было всё интересно. И деревенскую жизнь, и природу я любила, но действительно было некогда. Как же я сейчас об этом жалею! Ей ведь так хотелось и меня показать, и мне показать, передать информацию о той её жизни, вернее – выживании. Да и ждали в тех домах её, как родную. А больше ей ехать было не к кому. Родне она стала не нужна, когда осталась одна с детьми бедовать. Забыли, как мясо тушками им таскала, да помогала, чем могла.

Прожила бабушка до семидесяти девяти лет. И ещё б жила, если б не тот злополучный мешок картошки. А получилось так, что пришлось ей рвануть его одной рукой, перегнувшись через высокую загородь в подполе. Привыкшая это делать, она уверенно рванула тяжесть и на этот раз, но резкая боль в боку ослабила её. От рывка и сильного нажима на доску загородки, не выдержала селезёнка. Потом, прибежав к ней в больницу, я услышала её виноватый рассказ:

– Ой, Танча, як шось унутри оборвалось у мэнэ. Так резануло, аж у глазах потемнило. Як я вылезла наружу? – сама себе удивлялась она.

Чуть ей стало полегче после операции, не допуская больше к себе врачей, переругалась с ними и настояла на выписке. В чём ей, конечно, не было отказано. Потом у неё признали рак.

Но всю жизнь она умудрялась обходиться без врачей. Только по крайним случаям. Спасала сила крепкого организма. А к врачам у неё никогда не было доверия. Да и болеть не перед кем было. Надеяться-то не на кого.

Спасало её три лекарства: нашатырь, китайская «звёздочка» да проверенный первачок, который она сама умела делать. Гнала она его сногшибательный, высокопрочный. Не скупердяйничала, как она выражалась, не вытягивала из него все остатки до последней капельки.

Прошли годы. У меня уже внуки. Но нет дня, чтобы я как-то да не вспомнила бабушку, не заговорила с нею мысленно, а то и вслух, представляя и чувствуя её рядом, пока никто не слышит «нас».

В этих раздумьях написались новые строки для неё:

Там, где сердца стук неровный,
где нахлынувшая грусть,
человек мой славный кровный,
я к тебе опять вернусь
только лишь в воспоминаньях,
или иногда во сне.
Лет далёких, прежних давних
память воскресит во мне,
как отчаянно старалась
вразумить надменных нас
от беды спасти пыталась.
Было это. И не раз.

Сейчас поговорила о многом бы я с нею о схожести судеб. Повинилась в том, в чём была неправа, поблагодарила бы её за науку. И за здоровье, за наследственную лёгкость в ногах, за выносливость, за неприязнительность и радость жизни, за её незабываемую доброту и заботу, когда она заменила мне мамочку, рано ушедшую из жизни. И когда мне трудно и когда я нагружена сумками, я, вспоминаю её, как она меня учила своей мудрости, подглядевшей в детстве:

– Як лошадь бэрэ воз с места? – напряглась, пиджалась – и пи-шла и пи-шла, – образно показывала она...

И в самом деле. Поджимаюсь, беру ношу и пошла. И пошла. И подбадриваю себя: «Танча, не отставай!»

ПАШКОВ
Виктор Алексеевич

Родился 7 апреля 1952 года на станции Петрушенко г. Омск. Образование: Омский авиационный техникум имени Н.Е. Жуковского, Курганский машиностроительный институт, Московский финансово-экономический институт. Печатался в журнале «Сибирский край» и альманахе «Тобол». Издал три книги стихов и прозы.

КЛАССНЫЙ ЖУРНАЛ “11Б”

Утро ненавязчиво, с достоинством природного совершенства, овладевало городом областного значения. Между тем ничего особенного в природе не происходило: прошло часа два, как из-за горизонта вкрадчиво, но целеустремлённо поднималось осеннее солнце, поторапливая жителей пускаться в повседневную суету в поисках, на их взгляд, лучшего. Так происходит со всем живым на земле каждое мгновение, каждый день, и мало в их действиях различия, так как цель в конечном итоге одна – выжить. Такая же суета происходила вокруг и внутри обычной средней школы города: молодёжь пыталась научиться навыкам суеты, а люди постарше помогали им освоить знания, возможности и приёмы.

К восьми часам движение в школах прекратилось: как всегда, в одно и то же время прозвенел звонок на первый урок. Всё ещё тёплое солнце настойчиво, но осторожно, не мешая напряжённой тишине на уроке, заглядывало в класс математики на втором этаже. В окна первого заглянуть не удавалось: рано, девятый час. Школьники, которых ранние лучи касались, не столько слушали учителя, сколько наслаждались мягкими, тёплыми прикосновениями природы – лучами сол-

нца. Блаженная улыбка многих подсказывала, что мысли их где-то очень далеко и витают вне времени. Вспоминали лето, каникулы: кто море, кто дачу, кто встречи с друзьями. Другими словами кто что, но то, что их внимание не воспринимало очередную сложную тему с простым названием «Исследование функций», – факт. Одиннадцатый «А» к концу урока пытался усвоить новую тему, толком не поняв предыдущей.

– Ты чего-нибудь поняла из её объяснений? – чуть слышно спросил рядом сидящую девушку Кирилл, пытаясь коснуться её оголённой руки выше локтя.

– А чего там понимать, дома откроешь учебник и разберёшься, – тёплым, грудным и нежным, похожим на звук флейты, голосом ответила Катя, ловким естественным движением откинув косу тёмно-каштановых волос за спину, одновременно отстранив его попытку прикоснуться к себе. Коса не успела улечься, как стены услышали сердитый окрик Светланы Николаевны:

– Будете разговаривать – ничего не поймёте, завтра отвечать вызову!

Но слова услышали разве что стены: зазвенел звонок, и напряжение тишины взорвалось суматошным шумом засуетившихся учеников.

– Ребята, спокойно, – учительница резким, но с приятной тембровой окраской, голосом остановила беспорядок, – запишите задание на дом: параграф 11, пункты 1, 2, 4, 5 на страницах 47, 48, 49, 50, и можете быть свободны.

– Светлана Николаевна, если будет что-то непонятно, где найти разбор темы? – спросил Кирилл, перекрывая глухим сильным тенором галдёж потянувшихся к выходу ребят.

– Блинов, ты же знаешь где, в интернете, где ещё, не мне же будешь звонить. Хотя, знаешь, если не найдёшь – звони, но не позже одиннадцати. Телефон ты знаешь. Ребята, вы все знаете мой телефон? Звоните, если что непонятно, – уже обращаясь к классу, закончила фразу учительница, а сама подумала: «Как же им трудно, бедным: столько материала, а тут ещё это безумное ЕГЭ. Всё же в наше время было

проще, да и человечнее, а времени прошло всего ничего».

– Хорошо! Спасибо! – крепкий коренастый парень, устремив пронзительный взгляд серых глаз со светлого, не загорелого лица в сторону входной двери, словно стреляя из арбалета по движущимся целям, прошёл мимо учительского стола и, уверенно раздвинув в стороны ребят, втиснулся в толпу, застрявшую в дверном проёме.

Прошло минут пять. Учительница хорошо понимала: надо срочно нести классный журнал в кабинет завучей, а там взять другой, одиннадцатого «Б». Но журнал одиннадцатого «А» не был готов к передаче, не оформлен до конца: не выставлены отметки, не записана тема, которую только что объяснила.

Светлана Николаевна принялась аккуратно заносить оценки сегодняшних ответов ребят на страницу журнала, – их было пять – это всё, что удалось успеть за урок. Остальное время ушло на объяснение новой, не простой для одиннадцатиклассников, темы. Заполняя журнал, она с тяжёлым чувством предстоящей, хорошо знакомой усталости, думала о том, что вечером, к завтрашним урокам, надо будет проверить контрольные работы трёх классов, а это около сотни тетрадей. «Боже мой, это точно часов до трёх ночи... Когда спать? Какая голова будет утром?!» – жалела себя Светлана, работая с журналом.

Действительно, когда спать, а главное, как выйти замуж: где и когда знакомиться с молодыми людьми этой красивой, доброй и молодой женщине? А ведь внешним видом Бог не обидел: утончённая фигура – последствия многолетних занятий художественной гимнастикой, небольшой рост, полная грудь привлекательной формы, круглое милостивое лицо с неглубокими ямочками на щеках, двадцать пять лет, рожать надо: скоро двадцать шесть – максимум самого благоприятного возраста, а семьи нет. Чего-то всё время не хватало или, наоборот, было в избытке, но чего?

– Светлана Николаевна, а скажите, зачем Кирилл всё названивает Вам, якобы чего-то не понимает? Он, что, каждый вечер Вам звонит?! – спросила та самая Катя, что сидела рядом с Кириллом.

Она встала из-за своего стола и уверенными шагами подошла почти вплотную к столу, за которым сидела учительница. Голос немно-

го подрагивал, казалось: говорил человек, быстро спускающийся по лестнице коридора. Взгляд широких, умных, серых глаз грубо, но беззащитно, по-детски, «резал» сидящую женщину сверху вниз. Стройная фигурка девушки, казалось, пританцовывала.

– Катенька, дорогуша, что с тобой? Нет, он ни разу не звонил, видимо, и сам разбирается, – немного опешила от прямой бесцеремонности женщина.

– Нет, мне он говорит, что с Вами разговаривает каждый вечер! Вроде, как многое не понимает в материале, хотя там нечего понимать! – девочка положила сумку на стол, чуть припухшие пальцы с заметным сложным маникюром дрожали.

– Да, нет же, Катюша, Кирилл так шутит: ты ведь видишь, как он смотрит на тебя: оторваться не может, а ты что в ответ делаешь? Зачем отталкиваешь мальчика? Он хороший парень, добрый, ну немного ленивый, как все спортсмены, так вы все такие сейчас, пока возможность есть. Нет, не звонит. Успокойся. Всё хорошо.

– До свидания! – Катя резко повернулась и направилась к двери, восклицая уже про себя: «Ага, не звонит... Уверена, что звонит. Шутит он... Нет, «дорогуша», совсем не шутит!»

Вскочив, именно вскочив, – времени практически не оставалось для замены журнала, – молодая учительница почти побежала в сторону кабинета завучей. Со стороны бег был больше похож на стремительные, чёткие, но грациозные движения, что не было странным: давало о себе знать некоторое время занятий танцами, да и бежать в полную силу ей, видимо, казалось неудобным: всё же учитель математики. Пробежав, нет, всё же пройдя метров тридцать, и, вспомнив, что двери класса остались незапертыми, вернулась закрыть дверь на замок. Вернуться получилось быстрее: уже не так мешали высокие каблукки, видимо, ноги немного привыкли к движению после долгого сидения за письменным столом.

«Чёртовы каблукки, зачем только жизнь заставляет так одеваться! Надо было купить те туфли, что вчера в магазине понравились, с небольшими и плоскими, – так стоят пол-зарплаты», – думала она, подбегая к новой, только что установленной железной двери в «предбан-

ник», – так учителя называли небольшую промежуточную комнату перед кабинетом завучей, в котором находились классные журналы. Она попыталась сходу проскочить в открытый проём двери, у которой, в створе, стояли, разговаривая, Кирилл и Катерина.

Пара, видя скорость приближения и понимая, что может быть с ними, если вовремя не сработают тормоза у живой надвигающейся фигуры, посторонились, пропуская Светлану Николаевну между собой. На то, что произошло дальше, фантазии ребят не хватило, не могли представить, не было жизненного опыта, да к тому же на то, что произошло дальше, хватило нескольких секунд.

Тело Светланы мгновенно оказалось внутри, за порогом, а ноги, зацепившись каблуками за новый высокий, непривычный ещё порог, остались в коридоре. Левая рука лихорадочно пыталась ухватиться за выступающие края на дверном полотне, но они оказались острыми, как бритва. Железо, прочное и жёсткое, сыграло роль только что не убийцы: оно могло стать и клинком, и мечом, и гильотиной. Края не подались, не согнулись, а резанули, словно скальпелем, по тыльной, полной сухожилий, стороне руки. Бедная жертва не вынесенного судом, но исполненного непродуманностью конструкции дешёвой двери, приговора растянулась прямо посередине помещения. Левая рука вытянулась в судороге вперёд, – кровь, медленно расплываясь в стороны, потекла под ножку рядом стоящего стула. Вскрикнув, пока ещё не от боли, а от шока и страха, упавшая подняться не решалась, да и не смогла бы самостоятельно: мешал журнал и раненая рука.

Кирилл, увидев из коридора случившееся, резко шагнул через гордо выступающий порог и, легко подняв Светлану на руки, как штангу небольшого, «разогревающего» веса на тренировке, замер, ещё не понимая, зачем поднял раненую на руки, а главное не зная, что делать дальше. Кровь из раны на руке потекла сильнее, но теперь не на пол, а на белую рубашку парня, и только потом, стекая вниз, скапливалась на полу чуть в стороне от ножки того же стула, около которого только что лежала рука. Не сказать, что бы кровь текла сильно, но вид небольшого красного пятна на полу быстро стал заметным для взгляда со стороны, делая место скопления жидкости тревожно по-

блёскивающим и скользким.

Учителя пришли в себя.

– Аптечку, аптечку, – кричали одни.

– “Скорую” вызывайте, “скорую”, – кричали другие.

Но все вместе стояли, не шелохнувшись и оцепенев.

Кирилл уверенно шагнул к столу, пытаясь посадить женщину, но неожиданно для всех и в первую очередь, для себя, скользнув подошвой на красном пятне растёкшейся крови, упал вместе с учительницей на пол. Катя, видя, как упал Кирилл, опустилась на колени, пытается помочь ему, но не удержалась и уселась рядом.

На шум из соседнего кабинета вышла директор школы – Мария Ильинична. Миловидное, немного полноватое лицо с тонкими строгими губами побелело мгновенно, слившись цветом с сединой на висках и оттенив острый взгляд карих глаз. Зайдя в комнату, она открыла шкаф, взяла аптечку, извлекла стерильный бинт и, присев на корточки рядом с тремя несчастными, проворно перевязала рану.

– “Скорую” не вызывайте! Где наш фельдшер?! Быстро за ним! – чётко и уверенно проговорила она.

Со стороны могло показаться: идут учения гражданской обороны.

– Светлана Николаевна, поднимайтесь. Кирилл, отпусти человека. А ты, Катерина, чего уселась – встань.

Первой поднялась Катя и, заплакав, тихо вышла из комнаты. Постояв несколько секунд, бессмысленно глядя на окружающих, нетвёрдой походкой пошла в сторону класса.

Звонка никто не слышал, но он прозвенел, – минуты две назад.

Когда поднялась Светлана Николаевна, освободился Кирилл и уже без ноши на руках, выйдя из «предбанника», уверенно направился вслед за Катей в класс.

В глубине дверного проёма показалась объёмная фигура в белом халате – внутрь забежала медсестра. Быстро осмотрев рану и уверенно обработав и перебинтовав, спокойно сообщила, что ничего страшного, «до свадьбы заживёт», но потерпевшую надо бы отправить домой. Сообщить-то сообщила, а сама подумала: «Как бы сухожилия не испортила, бедная, а то ведь точно пальцы останутся без движе-

ния или исковерканными, – вот беда-то будет».

Мария Ильинична, всё ещё бледная, как последний весенний снег, выпавший рано утром и не успевший растаять, поглядела на раненую и глухим, осевшим, голосом произнесла:

– Идите домой, Светлана Николаевна. Уроки пусть пропадают: не до них, а на завтра и послезавтра изменим расписание. Выздоровляйте. О технике безопасности поговорим позже.

– Нет, Мария Ильинична, как это домой, не могу я домой: меня класс ждёт! Да и ничего страшного, поболит-поболит, да и перестанет. Нет, не пойду! Мне потом материал не догнать, а им сдавать экзамены в этом году. А завтра ещё надо выдать контрольные после проверки трём классам. Обойдётся, заживёт: свадьба ещё не скоро у меня, не до неё.

Директор пристально глядела на молодую учительницу: глаза наливались не то слезами, не то молчаливой благодарностью, не то уважением к её бережному отношению к неблагодарной учительской профессии, а сама думала: «Да, девочка, правильно, некогда. Вот и мне всё время было некогда, а теперь одна, вот уже тридцать лет, как одна. Но зато дети со мной. Вот их сколько, вся школа. Да что школа, полгорода мои ученики, – здороваться не успеваю, когда иду по улице».

Мария Ильинична, опрятно и просто одетая, уже не молодая, но милая и приятная женщина, молча, с замедленным движением, словно в задумчивости, подошла к Светлане, показавшейся, когда они оказались рядом, совсем юной, маленькой и беззащитной. Обняла её и, успев шепнуть «спасибо, милая», резко, с выражением внутренней накопившейся боли на лице, вышла из комнаты. Слез её никто не заметил. А они были, много, но это уже за дверью кабинета.

Женщины, стоявшие до сих пор в комнате, несмотря на прозвучавший звонок, молчали. Утро за окном продолжалось. На подоконнике стояли живые орхидеи, – несмотря на осень, на удивление и на радость, они цвели роскошной гроздью белого цвета.

За окном виднелась высокая осанистая рябина. Красные ягоды горели в солнечных лучах, освещающих дерево с правой стороны. Свет

в окно не попадал, но в помещении было светло и торжественно: видимо, спелые плоды осени, невольно заглядывая в учительский «предбанник», придавали тишине не совсем обычное редкое состояние значительности события.

Светлана взяла классный журнал 11 «Б» и быстро, не оглядываясь, вышла в большой, тёмный, с огромными пластиковыми окнами коридор, похожий непредсказуемостью поворотов и углов на жизнь человека, и направилась в класс.

11 «Б» знал, что произошло: в школе ЧП с учителями узнают почти мгновенно, видимо, существует тесная связь между Вселенными, сосредоточенными в головах детей, – вот она то и сообщила о неудачном падении учителя математики. Когда Светлана Николаевна вошла в класс, ребята предупредительно, что обычно бывает редко, встали, приветствуя её. Учительница прошла к столу, положила журнал на стол и немного взволнованно, так послышалось ей самой, произнесла:

– Здравствуйте, ребята! Садитесь. На прошлом уроке... – начала она, но её тут же перебил громкий шёпот.

– Кровь! Кровь капает!

Она с недоумением посмотрела на учеников, затем на перебинтованную руку. Кровь действительно текла: бинт набух с тыльной узкой стороны руки, – казалось не одна рука пряталась под повязкой, а полторы.

– Ребята, успокойтесь, идёт урок! – тихо произнесла женщина, побледнев. Она вынула из ящика стола полиэтиленовый пакет и сунула руку внутрь.

– Светлана Николаевна, Вам к врачу надо, а урок мы тихо посидим, – послышался голос с предпоследнего стола одного из учеников.

– Ничего, пройдёт. Новая тема... Вы её не усвоите, времени не хватит объяснить без этого урока. Давайте заниматься! Итак, мои дорогие, на прошлом уроке мы с вами разобрали часть общей темы «Исследование функций», сегодня продолжим.

В классе было на удивление тихо. Говорить было легко, но со стороны было видно, что Светлану Николаевну беспокоит рука. Боль

усилилась, руку подёргивало и кололо, словно кто-то изнутри кусал острыми крепкими зубами, кровь скапливалась на дне мешка, в котором пряталась рана.

– Светлана Николаевна, – немного грубоватым голосом обратился Алексей Добров, – разрешите выйти?!

– Пожалуйста, – проговорила «на автомате», не задумываясь, учительница.

Алексей, коренастый, с уверенным взглядом карих глаз, парень мягким шагом тигра прошёл мимо преподавательского стола и вышел, прикрыв за собой дверь. Прошло минут пять. Алексей вернулся. Прошло ещё минут двадцать. В дверь класса постучали.

– Светлана Николаевна, простите, – вошла Мария Ильинична, ученики встали, приветствуя директора школы, – пожалуйста, заканчивайте урок. Вас ждут за дверью люди, а я доведу урок до перемены.

Светлана, не говоря ни слова, мельком взглянула влажными глазами на директора, осторожно, чтобы не нарушить конструкцию на раненой руке, прошла мимо неё с правой стороны и вышла в коридор.

– Ну, что же Вы, милая, не пришли к нам сразу, это ведь серьёзная штука – рана руки со стороны сухожилий, – посетовала пожилая медичка в не очень опрятном белом халате, – давайте-ка, быстренько в машину и к нам!

– Мешочек снять? – раненая протянула руку перед собой.

– Нет, не надо: кровь, – зачем? Так поедем, – тут же ответила приехавшая по вызову врач и незаметно улыбнулась огромными серыми глазами в обрамлении роя приятных взгляду морщинок, похожих на часть слоистых облаков в тёплом безветренном июле.

– Мы надолго? – Светлана вопросительно посмотрела на врача.

– Не знаю, Дорогая, не знаю. Пойдём к хирургу, он определится.

Пока шли, в коридоре никого не было: шёл урок. На выходе из здания сидели вахтёр и охранник. Ничего не сказав, они проводили взглядами выходящих женщин, но когда закрылась за ними дверь, слышно было, как оживлённо заговорили, даже со стороны понятно, о чём и о ком. До больницы доехали быстро. Сирену не включали: движение было небольшое, да и машины вокруг попятливо сторонились «ско-

рой помощи», интуитивно понимая необходимость этого.

В кабинет хирурга «сидела» большая очередь. Врач “скорой помощи”, не останавливаясь у двери, завела пострадавшую в кабинет. Очередь заволновалась, пошли волны скрытого возмущения, – это как перед землетрясением, – но сидящие и ожидающие, видя странную, наполненную кровью конструкцию на руке, промолчали.

Хирург, молодой мужчина с худым серым лицом юноши, встал из-за стола и негромко, но чётко произнёс:

– В операционную! Наташа, – продолжил он, обращаясь к молодой девушке, хирургической медсестре, – займитесь. Аккуратно!

Наташа осторожно добралась до открытого участка руки. Промыла рану. Кровь текла, казалось, что кровотечение усилилось.

– Так, и как Вас угораздило? Да ещё с тыльной стороны?! – успокаивающе проговорил хирург.

– Случайно, совершенно случайно. А скажите, это надолго?

– Что надолго?

– Повязка, операция.

– Как заживёт. Наташа, готовь инструмент, будем шить!

– А что, шить – это обязательно? – голос Светланы дрожал.

– Обязательно. У Вас сухожилие задето. Но оно вряд ли срастётся, если рука не будет в покое. Мы сейчас всё сделаем аккуратноенько, а Вы берегите руку, иначе мышцы будет сильно тянуть, а в конечном итоге может руку перекосить, – продолжал успокаивать, считающий себя мудрым, мужчина, – старайтесь, короче. Больничный выпишем, – закончил он.

– Не надо больничный. Я работаю в школе, преподаю математику, мне нельзя пропускать занятия.

– Ну что Вы говорите! Обязательно покой, обязательно, если хотите добра своему телу и здоровью, и внешнему виду, – добавил он, ещё раз окинув взглядом жертву несчастного случая.

– Ладно, делайте, что считаете нужным, – а сама подумала: «Не нужен мне больничный: кто за меня подготовит к сдаче экзаменов. Буду ходить на работу, да и все дела». В этот день, Светлана Николаевна в школу не пошла. Вечером руку начало неприятно «дёргать»,

но крови на поверхности повязки не было. «Значит всё в порядке», – так думала молодая женщина, проверяя тетради одиннадцатиклассников.

Утро следующего дня оказалось пасмурным. Шёл небольшой дождь. Разноцветные зонтики прикрывали пешеходов от серых назойливых струй осеннего дождя и, отчасти, скрывали от взглядов друг на друга. По огромным, не успевающим высохнуть лужам неуютных дорог неслись автомобили, их крыши берегли хозяев лучше зонтиков. А то, что большая часть машин куплена в кредит – по-русски не важно, важно, что чувствуешь себя господином в современной эпохе. Прохожие, те, что не считали себя господами, сторонились края дорог, но не все помнили об опасности летящих до середины тротуара грязных брызг, а потому иногда улица взвизгивала эхом очередной нерасторопной жертвы.

Упрямая и стремительная походка Светланы подчёркивала желание учительницы оказаться как можно скорее в родной школе. Держать сумку с тетрадями и зонтик одной рукой было неудобно, но она, на удивление самой себе, умудрялась справляться и с тем, и с другим, словно тренировалась всю предыдущую жизнь. А главному препятствию, сеющему мелкий дождь, даже немного радовалась: чуть заметная улыбка не сходила с её утреннего свежего сияющего лица.

Радость человека мало кого удивляла. Да и кто видит, что происходит и как реагируют под зонтиком: тяжело справляться с несправедливым отношением к одному человеку, а природа, если и несправедлива, то ко всем одинаково, а это уже нечто иное, скорее всего общий фон Земли, основа которого – люди.

**ПЕРМЯКОВА
Екатерина Викторовна**

В 2006 г закончила технологический факультет Курганского госуниверситета по специальности «инженер по стандартизации, сертификации и метрологии». Работает инженером в ООО «Курганский кабельный завод» по специальности.

Публикуется впервые.

ВЕЛИКИМ ТРУЖЕНИКАМ

Не ищут громких фраз и ликований,
Хвалебных песен и речей пустых
Те люди, что без клятв и обещаний,
Трудясь, не разгибают спин своих.

Они не ждут похвал, лукавой лести,
Их совесть пред собой всегда чиста,
Работа – отраженье знаний, чести,
Старание – опора мастерства.

Ни слава правит мыслями, идеей,
А время, что ценнее и нужней.
Сил не жалея, двигаются к цели,
Чтоб край родной богаче был, сильней.

Из года в год, работая с отдачей,
Берут крупницы собственной души,
Для них невыполнимой нет задачи,
Для них не существуют рубежи.

И, скромно пряча на руках мозоли,
Не просят благодарности в ответ,
За заводским станком, на стройке, в поле –
Для молодых их труд – приоритет.

С упорством в жилах, с преданностью в сердце
И с крепкой волей, собранной в кулак,
Они в своем уменьи самодержцы,
Они – любой стратегии костяк.

Так пусть в зарубках памяти зардеют
Их важные, великие дела,
И в доблестном почете, не редя,
Идет по жизни Человек Труда!

ПОНАМАРЕНКО
Надежда Васильевна

Пишет стихи и прозу. Свои стихи печатает на страницах газеты «Знамя». Является членом литературно-художественного клуба «Катайск» при редакции газеты «Знамя». В 2016 году вышел сборник ее стихов «Дорога жизни». В 2018 году издается сборник «Они приближали победу».

НАШ ДОКТОР НОВИКОВ

В середине пятидесятих годов прошлого века меня привезли в больницу на велосипеде с опухшей ногой. Приветливый, внимательный доктор прооперировал меня. Это было первое знакомство с катайским хирургом Новиковым Анатолием Иосифовичем.

В Катайске лечились больные из Курганской, Свердловской, Челябинской области, из Казахстана и других мест. Как правило, это были пациенты, которые уже лечились в других городах, в серьезных клиниках. Не добившись улучшения, они ехали в Катайск и здесь, в большинстве своем, излечивались. Трудолюбие А.И. Новикова, большой запас знаний, использования своевременных методов лечения и желание помогать людям, избавляя их от мучений. Все это показало, что хирургическая служба Катайской районной больницы стала одной из сильнейших в области.

Наши хирурги и, в первую очередь, сам Анатолий Иосифович, владели широким диапазоном оперативных вмешательств. В больнице оперировались онкологические больные, проводилась кожная пластика при ожогах. После специализации в Москве Анатолий Иосифович начал заниматься сосудистой хирургией, а Катайская централь-

ная районная больница стала своеобразным центром медицины Зауралья. Для своих коллег А.И. Новиков был не только врачом, но и учителем. Его школу прошли десятки врачей. Он был врачом энциклопедических знаний. Знал все новинки, применял их на практике. Читал о новейших разработках в хирургии. Помимо хирургии и травматологии, которые он знал в совершенстве, он хорошо разбирался в акушерстве и гинекологии.

Однажды на прием к нему привезли женщину. Она корчилась от боли и жаловалась на живот. Доктор внимательно осмотрел пациентку, расспросил и поставил диагноз – острый аппендицит и беременность 4 месяца. Ее срочно отправили в стационар. Была сделана операция по удалению аппендицита, а ребенок родился в положенное время. Это была девочка, которая стала моей пятой сестрой.

Консультации его были уроками мастерства. Но он учил не только мастерству. Его главный урок – это отношение к больным, его человечность. Общий медицинский стаж его составлял свыше 60 лет. Это пример самоотверженного служения своей профессии.

А.И. Новикову присвоено звание Почетный гражданин Катайского района и города Катайска; он был Почетный член объединения хирургов и травматологов-ортопедов Курганской области; как участник Великой Отечественной войны имел орден Отечественной войны II степени, медаль «За Победу над Германией», медаль «Жукова» и многие юбилейные медали.

На доме, где жил Новиков А.И. висит мемориальная доска, как талантливому хирургу.

Как повезло людям нашего города рядом жить и работать с таким человеком. В Катайском районе об Анатолии Иосифовиче знает стар и мал. Это был хирург от Бога.

РЫЖОВА
Ольга Викторовна

27 лет работает оператором в здравоохранении Курганской области. Выпустила два сборника стихов. В 2014 году окончила филологический факультет кафедры «Журналистика» Курганского государственного университета по специальности «журналист». Специалист по связям с общественностью. Сотрудничает с библиотеками, СМИ г. Кургана, пишет заметки о культурной жизни города.

МАЛЕНЬКИЙ СТУЛЬЧИК БОЛЬШОГО ЧЕЛОВЕКА
(папе посвящается)

Ну, не может творческий человек без дела сидеть! В его голове всё мысли колобродят, возникают, пропадают, заплетают, уносят... И уж если какая попала, задела, засела, то обязательно замучит: ночью бессонницу позовёт, и днём ни есть, ни пить не даст...

В тёмном и пыльном углу старенькой кладовки стоял да стоял, никому не мешал, маленький стульчик. Ладно, был бы он простым старым стулом (у многих в квартирах ещё остались такие), а то ведь он был самодельным, и, как оказалось, художественным творением одного доброго художника (художник давно умер, а стульчик-то остался).

В советские времена не достать было художнику маленького складного стульчика, а ведь он ему был ох как нужен (и на пленэре посидеть, если нужно, и с натурой поработать, а краски размешивать, а вообще творить?). И решил художник сделать такой нужный стульчик сам: две крепких доски небольших размеров, брезент в несколько слоёв, гвозди, железные крепежи и тяжёлый молоток. И пусть стуль-

чик не складывался, как сейчас продают, но верой и правдой несколько десятилетий служил он своему хозяину.

Комната, где всегда жил маленький стульчик, была волшебная! Ку-сочки алюминия вмиг превращались в руках художника в оригинальную чеканку, а из старого холста и почти высохших остатков краски за один вечер рождалась картина, украшенная рамкой с рукотворной резьбой по дереву самого автора. В комнатке всегда горел свет с утра до утра и неизвестно, когда спал и когда ел художник, поэтому и маленький стульчик не спал...

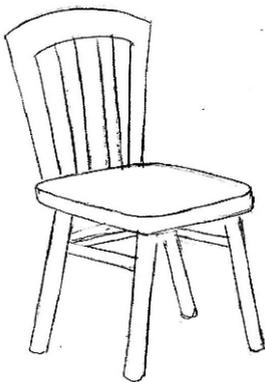
Чего только не видел маленький стульчик! Вот часы на стене остановились... Садится художник на стульчик и чинит ходики, а потом и красит их так, как ему нравится, добавляя придуманные и сделанные им самим украшения. Марки решил посмотреть хозяин (альбомов у него много, он же филателист), берёт большую лупу и под стук часов тихо-тихо листает альбом и так... до утра.

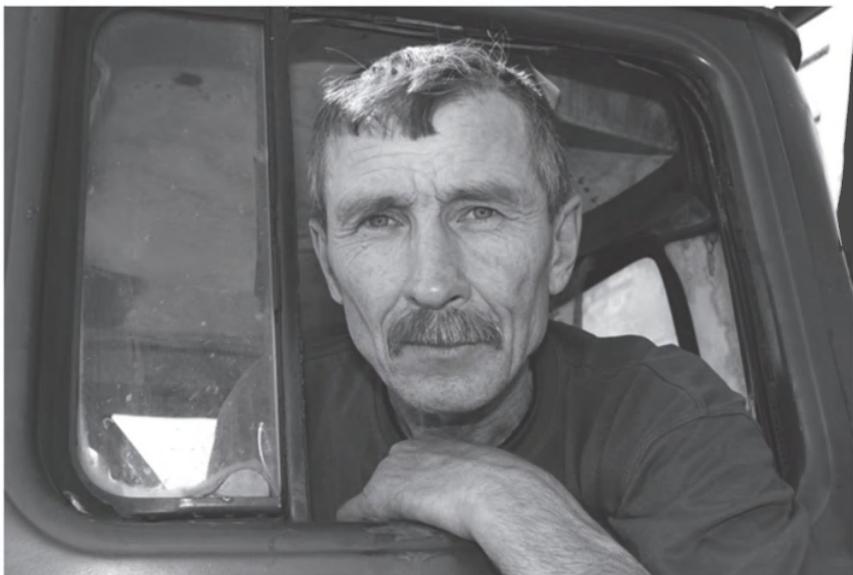
А тут вдруг решил художник сшить дочери модную куртку-ветровку (материал есть и руки есть, и машинка подольская вздыхает и ждёт). И нет, чтобы за стол сесть да на стул большой, так художник всё делает на своём маленьком стульчике и только на нём получает вдохновение! Да и внук бежит к дедушке, просит игрушку починить, а дедушка сидит на стульчике и из старых ненужных планшетов сколачивает внуку огромный деревянный ящик для игрушек, или шьёт чехол на коляску из парусины, сам шьёт, а потом аппликацией украшает. Ни у кого такой коляски в городе не было, только у его внука!

Конечно, и всевозможные немислимые запахи, запахи творчества вдыхал наш стульчик: масляные краски пахли шикарно, жирно и стойко, гуашь тоже не подводила, но казеиновый клей не нравился стульчику. Но что поделаешь, тогда другого клея у художника не было. Хозяин любил делать мебель, используя этот клей. Казалось, казеин подходил ко всему – от бумаги до дерева и металла, не верите? Приходите в гости, сами убедитесь. А какое панно появилось на стене гостиной! Художник работал быстро, с любовью. Особенно снизу было тяжело рисовать (ноги то у художника были большие), на коленях вроде бы неудобно, а на стульчике в самый раз.

Конечно, и годы бегут, и люди растут и уходят... Так и стульчик со временем стал никому не нужен до тех пор, пока его не обнаружила в кладовке дочь художника. И знаете, какая закономерность случилась? Маленький, крепкий, пыльный стульчик вдруг стал ей нужен! После принятия водных процедур и высыхания на солнечном балконе из него не выпал ни один гвоздик, да и брезент немного посветлел. Хозяйка не стала убирать его в кладовку. Теперь стульчик помогает ей в хозяйстве: она встаёт на него (знает, что он ни сломается), когда развешивает бельё на балконе (высоко натянуты верёвки, не дотянуться). А самое главное: ей очень удобно на этом маленьком стульчике делать всё, что она хочет, ей удобно ТВОРИТЬ! И старый добрый художник никуда не уходил, он здесь, дома, вместе со своим маленьким стульчиком. А почему?

Да потому, что это маленький стульчик большого человека!

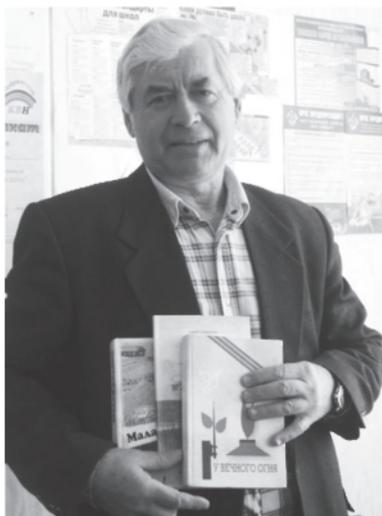

Шофер

Сергей СУРАЕВ

Тракторист

САФРОНОВ
Юрий Александрович

Учитель русского языка и литературы, рабочий стаж более 40 лет. С 1987 года живет и работает в селе Воскресенском. Автор семи сборников прозы, поэзии и публицистики. Член Союза профессиональных литераторов, руководитель литературного объединения «Половинские родники». Сейчас на пенсии.

БРИГАДИР

В Сумках я давно не был, и помню этот поселок по старой, ещё советской памяти...

В те времена совхоз «Комсомольский» славился в районе и области своим мощным животноводческим комплексом, удоями и урожаями, своими замечательными тружениками. И сегодня, в Ильин день, я еду сюда с единственной целью – узнать побольше о замечательном человеке, фронтовике, бригадире тракторной бригады, Герое Социалистического Труда Филимоне Мелентьевиче Половникове.

Мелькают за стеклом знакомые березовые перелески, поселки, желтеют тугими боками на сенокосах свежие рулоны сена. Не спит крестьянин – пора сенокосная. Да святой Илья чуток «напакостил» с ночи, намочил поля и веси, и блестят на асфальте и по обочинам зеркальные лужицы, как напоминание о близкой осени. А хлеба лишь тучнеют от божьей влаги, тянутся вверх к солнцу ядреным колосом. Радует душа хлебороба: быть нынче хорошему урожаю.

Вот и Сумки, сворачиваю у первого свертка налево и выезжаю на

улицу Ленинскую, качу берегом озерка и поворачиваю на улицу Красивую. Не ошиблись сумчане, назвав так эту улицу. Чистенькая, зелёнькая, с ухоженными домами и палисадами, радуется она глаз. Видно, заботливые люди живут здесь.

Тронула она своей красотой и сердце местного поэта Сергея Шохирева:

*... Возвращаюсь я и чутко слышу
Шелест тополей над каждой крышей,
И, конечно, вовсе не случайно
Ждет рябина, у ворот встречая...*

Так пишет он в стихотворении «Улица моя Красивая».

За школой поворачиваю направо – и вот я у дома Трофимовой Лукерьи Мелентьевны.

Лукерья Мелентьевна, как вы догадались, младшая сестра Филимона Мелентьевича Половникова. За калиткой скромного крестьянского двора встретил меня черный щенок, обтоптал и облизал мне туфли, пытаюсь ухватить острым зубком мою штанину. Пока я разговаривал с лопоухим, пытаюсь определить его породу и имя, с огорода вышла его хозяйка. Я представился, и мы входим в дом. Лукерья Мелентьевна усадила меня к столу, предложила чаю, и вот что она мне поведала:

– Семья наша жила в деревне Золотое. Филимон родился 6 февраля 1924 года, а я на два года младше. Нас, детей, в семье было четверо: Ульяна, Филимон, Лукерья и Александр.

Жили мы бедно, коровка была да куры. Отец наш, Мелентий Иванович, работал в колхозе, в 1937 году он сторожил технику. Осенью его арестовали и увезли, а куда, я и не знаю. Кто-то донёс на него из наших, деревенских, якобы он вредительством занимается.

Позже мама, Анна Ивановна, получала несколько писем из Архангельской области. Но отец так и не вернулся, сгинул где-то на севере. Из наших восьмерых золотинцев, забранных в тот год, только один и пришел уже после войны. Осталось нас у мамы четверо да ещё пятым жил с нами сродный брат отца, Калистрат Афанасьевич Полов-

ников. Его позже на фронт забрали, как и Филимона, только он погиб.

Трудно жилось нам в предвоенные годы. Ульяна с Филимоном в школу ходили, но закончить школу им не пришлось. В январе 1941 года умерла мама Анна. Она дояркой работала в колхозе и возвращалась с вечерней дойки поздно. Однажды вечером на улице на неё напала огромная черная собака соседа Петра Шаткусова. Мама сильно напугалась, едва до дома добралась, а через день умерла.

Вот тогда-то и хлебнули мы горюшка в полную меру. Зерна до весны нам не хватило. Толкли мякину с сухой картофельной ботвой, лепёшки стряпали. Коровушка наша только и выручала – молочко давала исправно. В зиму перед самой войной Филимон и бросил учебу, обувки не было, а босым по снегу в школу не пошел. До весны мы кое-как дотянули на этих лепёшках и молоке, а весной Филимона в бригаду к себе взял тот самый Шаткусов, он возглавлял тракторный отряд. Видно, совесть его заела за нашу маму. Там-то брат и научился тракторному делу, сам «колёсник» уже водил.

В 1942 году, летом, вручили Филимону повестку в армию. Плакали горько мы с младшим Сашей, провожая нашего кормильца на фронт. А брат держался молодцом, улыбался нам на прощанье, обещал писать. Он уже тогда крепкий характером был. Уж как мы эту проклятую войну пережили, один Бог знает...

Лукерья Мелентьевна умолкла, скорбно утирая платочком глаза. Полуденные лучи солнца сквозь листву сирени падали на стол и яркими зайчиками прыгали по стене и полу. Я рассматриваю фотографию апреля 1945 года, где **Филимон справа**. До Победы ещё месяц, но уже видно по уверенным ли-

цам солдат-мальчишек, что добьют они войну-волчицу в её логове. Да все ли эти мальчишки дожили до Победы? – вертелся в голове моей вопрос.

– А с войны брат письма нам писал, правда, не часто, – продолжила свой рассказ хозяйка дома. Рассказывал, как живут, как воюют, интересовался, как мы тут проживаем, особенно беспокоился за младшего Сашу. Писал, что ранен был несильно, о наградах боевых писал, писем тех фронтовых у меня, жаль, не сохранилось, да кто знал... А как мы его ждали после Победы, да не дождались, вернулся братец только в 1947 году. Рассказывал после, как они на Украине за бандеровцами гонялись днём, а ночью бандеровцы за ними. Говорил, вспоминая: “Ну, Луша, страху я там натерпелся больше, чем за всю войну. На войне всё понятно – вот фронт, вот враг, и с тыла тебя никто не обидит. А там, в житомирских и львовских лесах, всё по-другому. Мы днем хутор прочедем, всё обыщем – нет никого, а они нам ночью гранату в окно или мину на дорогу. Сколько ребят наших положили”.

Да Бог пожалел Филимона. Вернулся он домой молодцом, с медалями и орденами. Но все его награды по музеям розданы.

Я листал материалы Половинского районного музея, любезно представленные мне Раисой Ивановной Васильевой, и видел, что не робкого десятка был на фронте сержант Половников: две медали «За отвагу», орден «Славы III степени», медаль «За взятие Берлина», «За Победу над Германией». Даже Берлин штурмовал Филимон в составе своего полка, у рейхстага побывал, возможно, и роспись его на стене осталась. Вполне возможно!

– Когда Филимон вернулся, – продолжала Лукерья Мелентьевна, – мы с братом Сашей уже в Сумках жили у дяди по матери Лавренова Савина Ивановича. Обрадовались мы возвращению брата, поплакали на радости. Сразу после прихода брат на работу устроился трактористом в Патраковскую МТС, а в 1948 году назначили его бригадиром тракторной бригады в Марае. Днями и ночами пропадал Филимон в бригаде, все о тракторах да о трактористах расстраивался. Я ему говорю как-то, Моня, мы так в детстве его звали, ты бы хоть женился, твой-то годки уже все переженились. А он мне: “Некогда, Луша,

работать надо да Сашу выучить”. Женился он почти в тридцать лет. Жену себе приглядел в Марае. И правду сказать, не промахнулся Филимон. Всем хороша была Ксения Ивановна, под стать бригадиру. Жили мы все вместе: я, брат Саша и Филимон с Ксеньей. Сноха сначала на тракторе работала, а после родов сына Сергея перешла в совхоз «Комсомольский» в огородницы, а после на заправку. Трудолюбивая, спокойная, всё у неё получалось, и жили мы с ней душа в душу. Тесновато было нам в избушке, и Филимон купил в Варгашах деревянный дом. Перевезли дом сюда, поставили. Филимон с семьей ушел в новый, а я осталась в избушке. Брат Саша семь классов закончил и в город уехал профессию получать. Помогал мне Филимон во всем: и делом, и деньгами. Не важничал и нос перед другими не задирали, скромный был в жизни брат. Бывало, сено в бригаде всем развезет, а себе последнему. Позже и я сама замуж вышла, семьей обзавелась. Сын мой в Кургане обжился, а доченька здесь осталась, в школе работает.

Лукерья Мелентьевна замолчала, скорбно опустил глаза. Крестьянские узловатые пальцы её теребили кончик скатерти и вздрагивали от волнения. Разбередил я, видно, душу старой женщины своими вопросами.

– Жалко мне Моню, добрый был, отзывчивый, любому поможет. Попроси – рубаху снимет и отдаст. Всё к сердцу близко принимал. Вот помню, продали ему в совхозе списанный, старенький тракторишко, махонький такой, Т-25, так он под ним сидел и лежал по выходным и праздникам. Любил в технике копаться. Ксения Ивановна ему и говорит:

– Филимон, не надоело тебе в бригаде с тракторами возиться, так ты ещё и домой «игрушку» привез.

Наладил он тот тракторок, ездил на нем с тележкой по дрова и сено подкашивал. Да кому-то из сельчан это не понравилось. Донос на него написали в область, что он технику социалистическую в свою собственность превратил. Приехали, разбирались долго. А Филимон принципиальный, не стал доказывать и ругаться. Завел спокойно тракторок и отогнал на совхозный машдвор. Но я то знаю, как он пережи-

вал всё это. В себе держал, виду не показывал, что больно ему. Вот сердце-то и надорвал.

Я молча слушаю старушку, перебираю старые фотографии, где неизвестным любителем засняты счастливые моменты жизни семьи Половниковых. Вот Филимон в поле с товарищами по работе, а вот дома с маленьким внуком, а тут на встрече со школьниками. Простое, русское лицо, улыбка счастливого человека-труженика. Эх, время, почему ты уносишь всё, оставляя только память?

Узкой асфальтовой дорожкой едем мы с Лукерьей Мелентьевной на кладбище к могиле брата. Сумкинское кладбище ухоженное, чистенькое, в березовом светлом колючке. Мы стоим у могилы Героя Социалистического Труда Филимона Мелентьевича Половникова, рядом успокоилась супруга его, Ксения Ивановна. Лукерья Мелентьевна утирает платочком нахлынувшие слёзы, крестясь и причитая, я молчу. И только летний ветер играет в вершинах берёз, да молодые юркие синицы перепархивают с могилки на могилку, радуясь лету и солнцу. Доставив Лукерью Мелентьевну домой, я подъезжаю к дому Сергея Филимоновича Половникова по улице Красивой, 27.

Время обеденное, и вижу, что Сергей торопится на работу: машины подошли, асфальт надо срочно отгружать, время не ждет. Жена Нина торопливо накрывает на стол, приглашая и меня. Мы обедаем, и Сергей рассказывает об отце:

– С детских лет я равнялся на отца, подражал ему, хотел, как и он, стать механизатором. Помню, мне лет двенадцать было, мы сено осенью по снегу на волокуше домой привозили. Отец стог в огород затащил, отцепил от трактора и говорит мне:

– Сынок, отгони трактор на стоянку да воду не забудь, слей. У меня душа ликовала от такого доверия. Сделал всё, как он сказал. С тех пор и «прикипел» к механизмам. Сергей улыбнулся, в светлых глазах его замелькали детские искорки, он окунулся в воспоминания об отце.

– Семья у нас была небольшая, но дружная. Мать с отцом, сколько я помню, никогда не ругались. Помню его весёлым и общительным, меня с сестрой вырастил и выучил, помог на ноги встать.

– У нас со свёкром и свекровью полное понимание было, мы пол-

**Герой Социалистического Труда
Половников
Филимон Мелентьевич**

года после свадьбы с ними жили, – дополняет из кухни Нина. И дом вот этот, и машину они нам помогли купить.

– Помню, когда отцу звезду Героя Социалистического Труда вручали в нашем клубе, он очень волновался, – продолжал Сергей. Костюма черного у него не было, и галстуки носить, особенно завязывать, он не любил и не привык. Мама ему галстук на резинке одела, а он всё щупал его рукой, не сбился ли. Сколько лет уж прошло, как родителей нет, а так иногда хочется посидеть, поговорить с родным, близким человеком, посоветоваться. Внуки вот без него уж выросли, из села уехали. Да и как им здесь жить молодым: ни работы, ни жилья. Это мы по привычке с хозяйством возимся, зацепились за землю, скот и птицу. Да и куда нам ехать, кто нас ждет? Он улыбнулся, глядя на меня. – Так что дело отца мы с женой продолжаем, только на собственном дворе и огороде.

Я смотрю на часы: нам пора заканчивать беседу. Благодарю хозяев за хлеб-соль, и мы с Сергеем Филимоновичем выходим во двор. Через огород идем к старому дому родителей. Крепкий ещё пятистенник глядит в огород раскрытыми глазами окон. Живут в нём другие люди, но принадлежит он наследнику-сыну как память о родителях.

Я делаю несколько снимков и прощаюсь с Сергеем Филимоновичем. Путь мой лежит к другому сумчанину, старожилу и фронтовику, много лет проработавшему бок о бок с Ф.М. Половниковым. А вот и Ленинская, 71, и живет здесь Иванов Георгий Васильевич, бывший главный инженер совхоза «Комсомольский». Во дворе под высоченным кустом черной черемухи, обильно усыпанной спелой ягодой, мы и встретились. Я представляюсь, и мы проходим в просторный дом

его. В одной из комнат он усаживает меня за стол у окна, садится рядом, и я слушаю пространный рассказ этого веселого, жизнерадостного человека.

– С Филимоном мы родственники, но дело не в этом. Под моим, так сказать, руководством находился он с 1962 года, с того самого момента, как я стал работать главным инженером совхоза «Комсомольский». Отделений в совхозе было много, а Филимон бригадирил на первом. Мужик он, скажу я Вам, был замечательный. Есть в жизни люди, которым природа определила свою судьбу, свою долю. Так вот и Филимону она определила быть бригадиром, землю обрабатывать, хлеб растить. Всю жизнь свою отдал он делу и людям. И жизни своей без этого не представлял. Я, правда, один год забирал его заведующим машинным двором. Думал, забот будет ему поменьше, он вроде согласился. Зиму проработал, а весной как-то приходит ко мне и говорит:

– Васильич! Не могу больше, отпусти. Слышишь, как тракторы в поле гудят, а земля как пахнет! Отпусти ты меня в поле, в бригаду, ведь я там родился и вырос. Посмеялся я тогда над ним, но отпустил, не лежала душа Филимона к сидячей работе. А ответственность на нем висела большая. Земли в бригаде его было шесть тысяч га, а техники, мужиков сколько?!

Георгий Васильевич покрутил пальцем седой ус, задумчиво взглянул на меня голубым глазом и вымолвил:

– Стоп! Я сейчас точно скажу, сколько техники у него в бригаде было, – он поспешно встает и роется в ящике шкафа. – А вот она, моя записная книжка, так-так, – нацепив очки, бормочет он, листая странички, написанные фиолетовыми чернилами. – Вот, нашел, первое отделение: тракторов разных марок от Т-25 до К-700 у Филимона было ..., – он шепчет, считая про себя и загибая пальцы, – сорок пять единиц. Комбайнов – «Сибиряки», «Нивы», «Енисеи» – пятнадцать. Плюс уйма всяких прицепных сельхозорудий. Это же ответственность, какая! А Филимон ответственный был, если что не так, он ночевать в бригаде будет, но сделает, на первом месте у него работа была. А люди, с ним, какие трудились, любо-дорого посмотреть! Найданов Васи-

лий Федорович и Андреев Анатолий Сергеевич, кавалеры ордена Трудового Красного Знамени. Филиппов Юрий Александрович, кавалер ордена Трудовой Славы III степени. Ефимов Афанасий Логинович, Алексей Назарович Сафронов, Турковский Владимир ... Да разве всех перечтешь. Какие мужики, трудяги, хлеборобы были, многих уж нет!

Георгий Васильевич умолк, печально глядя в окно.

– А Филимон со всеми ладил, ни на кого не накричит, не оскорбит, не было у него привычки орать и пилить без дела. Уважал он человека! И в бригаде его ценили, в обиду не давали. Приняли мы как-то в бригаду сварщика, приезжий, молодой парень с норовом. Напартачил он что-то в работе, а Филимон ему замечание сделал и переделывать предложил. Тот и вспылил, обругал бригадира, подальше послал. Ребята-трактористы послушали-послушали, да и морду сварщику набили за такие дела. Он жаловаться не стал, уволился и уехал. Пригуны и шабашники в бригаде не приживались.

И землю Филимон любил, обрабатывал на совесть, бывало, влагу все закрывают в два следа, а он в четыре. Все солонцы и вымочки разработает, засеет, огрехов на его полях не найдешь. Помню, Шабалинский увал засевали да припозднились из-за погоды, после первого июня уже засевали. Приехали мы с агрономом к нему, а агроном то ли в шутку, то ли всерьез и говорит:

– Мелентьич, а ведь овсюг задавит пшеницу, раньше взойдет.

Филимон взял линейку, и метров двадцать на коленях полз по полюсе, рыл, овсюг искал и измерял, на какой он глубине остался. Потом подходит и говорит:

– Не задавит, мы его так зарыли, что не взойдет.

И прав оказался, хорошая пшеница уродилась в тот год на Шабалинском увале.

Знал хорошо свое дело Филимон, отсюда и результаты. Урожайность с гектара в его бригаде была постоянно выше на 3-5 центнеров среднесовхозной. Орден Трудового Красного Знамени он получил в 1957 году, без меня, а вот наградные документы на орден «Знак Почета» и «Героя Социалистического Труда» мне тоже пришлось подпи-

сывать. И есть за что, достоин Филимон Мелентьевич высокой награды. Сегодня нет таких мужиков. Все под себя гребут, на рублях помешались. Да и на сельчан сверху плюнули. Такое хозяйство развалить – это преступление!

Георгий Васильевич огорченно замолчал, я смотрю на седину фронтовика – матроса Тихоокеанской флотилии торпедных катеров, успевшего «нюхнуть» пороха войны, возводившего здание социалистического хозяйства страны. И мне понятны его мысли и огорчения. Эх, время, как безжалостно и необратимо меняешь ты жизнь! Прощаясь на крыльце с хозяином дома, я жму его еще крепкую руку, благодарю за беседу и иду к калитке двором, щедро усыпанным спелой черемухой.

Мой следующий визит на улицу имени Ф.М. Половникова в скромный двухквартирный домик. В нем живет бывший агроном первого отделения, кавалер ордена Трудового Красного Знамени, Иванова Анна Иосифовна. Дочь Анны Иосифовны провожает меня до крыльца, удерживая злого пса-ворчуна за цепь. Я представляюсь, прохожу по приглашению в комнату и присаживаюсь на диванчик напротив хозяйки. Подоконники и стол заложены сохнувшими травами, в комнате витает пряный запах, видно, Анна Иосифовна, знает в них толк.

– Я коренная сумчанка, родилась здесь в 1930 году. Училась в Сумкинской школе, а после окончила Куртамышский сельскохозяйственный техникум, отделение агрономии, в 1957 году, – так начала рассказ Анна Иосифовна о своей жизни и работе. – Да и зачем обо мне еще писать, и так хорошо написали в книге «Школа остается молодой», выпущенной к 100-летию Сумкинской школы. Всех нас там отметили, молодцы учителя, постарались, всех вспомнили. Она немного помолчала, обдумывая мой вопрос. – С Филимоном Мелентьевичем мы работали вместе с самого начала организации совхоза «Комсомольский». Хороший был человек, к механизаторам относился как к родным, ценил и уважал каждого. И, главное, – землю любил. Работали мы с ним долго и слаженно. Урожай у нас на первом отделении были повыше, чем на других, а было в совхозе восемь отделений. По полям я ездила сначала на лошади в ходке, а потом Фи-

лимон научил меня трактором управлять, был такой небольшой с кузовком, Т-16, и права получить помог. Простой был Филимон, рубаха-парень, вроде, член КПСС, орденоносец и Герой, а никогда не кичился этим. Когда надо, сам за рычаги садился и пахал и молотил, и ремонтировал. И семья у них была трудолюбивая, дружная.

Мы по праздникам семьями собирались, всей бригадой к озеру выезжали, отдыхали, рыбу ловили, уху варили. Обычно после посевной и уборочной, песни под гармошку пели, танцевали. Общительный, веселый был он и в компании. Жаль, умер рано, все о нем сожалели.

Анна Иосифовна умолкла, печально глядя в окно.

– Вот и мне уж девятые десятки пошли, ноги отказывать стали, ходить не могу. А молодая-то по полям бегом бегала.

Она рассказывает о своей жизни, о маленьких радостях, что случаются иногда в жизни сегодняшних пенсионеров. Я слушаю её и размышляю про себя. Ушло в историю могучее племя ударников и героев социалистического труда. Да и сам труд и человек труда потеряли свою значимость.

И в Конституции страны даже статья есть, позволяющая законно тунеядствовать. И думается мне, задача следующих поколений – не дать погаснуть Звездам героев-хлеборобов.

Как тут ещё раз не вспомнить благородный почин Петра Павловича Ивахненко, учредившего в ЗАО «Степное» премию Героя Социалистического Труда Е.И. Родионовой.

А найдется ли в Сумках такой же смелый хозяин-хлебороб, который поддержит инициативу степновцев?

За вами слово, сумчане!

ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ

Человек дорожит лишь тем, во что он вложил частичку своей души, своего сердца.

В. Сухомлинский

Эту стройную, привлекательную брюнетку с пышной прической я знаю давно. С тех самых пор, когда стал работать в системе образования района, ещё со времен СССР.

В те молодые годы мужчины, и я в том числе, сворачивали шеи и долго провожали взглядом стройную фигуру девушки с обжигающим взором угольно-тёмных глаз и гордо поднятой головой. Сегодня, она Заслуженный учитель РФ, директор школы. Жизнь развела нас по разным школам района, но встречаясь на конференциях и совещаниях, я по-прежнему наблюдал за ней, всегда подтянутой, яркой, и вздыхал в глубине души ... ах, какая женщина...

Но время не останавливается и делает необратимо своё дело: белеют волосы, сутулятся плечи, меняется походка, меняются и лица. Да разве только людей меняет время?

Но её я узнал в толпе сразу. Мы встретились случайно в «Монетке», где я закупал по списку жены необходимые продукты. Время словно пощадило её: та же фигура, походка, глаза и причёска.

– Здравствуйте, Галина Кирилловна, – выдохнул я, когда мы столкнулись у полок с кондитерскими товарами.

– Здравствуйте! – удивленно подняла она на меня ничуть не тронутые временем глаза.

Мы разговорились, перебросившись «дежурными» фразами. Она всё ещё работала, тянула «школьный воз». Мне захотелось написать о ней, о её работе и жизни.

И я напросился на встречу.

И вот в начале декабря, наконец, в рабочем графике Галины Кирилловны нашлось «окно» для нашей беседы. В назначенное время я уже парковал свой автомобиль у ворот школы. Да, за эти годы сильно изменился вид Половинской средней школы, как внешний, так и внутренний. Пешеходная дорожка, огражденная от проезжей части по-

ручнями, обезопасила движение школьников. Металлическая ограда школы, евроокна этажей, современная входная группа – всё приятно удивляет. И внутри школа похорошела: бежевые, кремовые, белые тона и никаких синих и зеленых панелей. Теплые туалеты, есть даже спецтуалет для детей-инвалидов. Из фойе по широкой лестнице поднимаюсь на второй этаж, в кабинет директора. Время обеда – из школьной столовой разносится дразнящий аромат блюд, потоком туда и обратно шумно спешат ребяташки.

Тепло, уютно, спокойно – так и должно быть в образовательном учреждении.

Дверь в кабинет директора открыта, и я стучу в косяк и вхожу. В тесной комнатке у стола сидит Галина Кирилловна и что-то пишет. Я здороваюсь и прохожу к стулу, присаживаюсь.

В кабинете темновато – вот почему открыта дверь. Включатели и розетки опечатаны бдительным энергонадзором.

– Вот дожили, электричество отключили за долги, – вздыхает хозяйка.

– И у нас в школе такая же картина, – поддакиваю я, доставая очки и блокнот.

– Галина Кирилловна, Вы у нас в районе, извините за слово, старейший действующий работник просвещения. Вы прошли все ступени карьерного роста, здесь мы оба смеёмся, и недалёк тот день, когда район отметит полувековой юбилей Вашей плодотворной деятельности. Как Вам это удалось?

– Очень просто, – улыбается она. Уже своим рождением была предназначена я для школы. Я родилась 1 сентября 1947 года, между прочим, в вашей Воскресенке, – сверкает угольными глазами Галина Кирилловна.

– Да! – удивляюсь я, – а можно подробнее?

– Мой папа, Зимин Кирилл Елизарович, после демобилизации из армии в 1946 году был направлен на работу в Воскресенскую школу директором. Там же, в Воскресенском детском доме, работала и моя мама, Зинаида Емельяновна. Мама – украинка, учитель украинского языка, эвакуированная во время войны за Урал. В Воскресенском

родители и познакомились, поженились, а потом и я родилась. Через год родители переехали в село Башкирское, папу перевели в МТС агрономом, он ведь по специальности агроном.

Там я и в школу пошла. Помню, я училась уже в третьем классе, папу снова перевели на работу в сельхозотдел при РК КПСС. И семья переехала в Половинное. Среднюю школу я закончила в Половинном. Даже одиннадцатый профкласс сумела закончить и получила права тракториста 3 класса. Галина Кирилловна рассмеялась, – трактористка я в запасе.

Помню в совхозе «Степном» практику проходили мы – несколько девочек – в ремонте тракторов принимали участие. Конечно же, взрослые мужики ремонтировали, а мы ключи им подавали. Так вот, если не тот ключ подавали – доставалось нам крепких слов в назидание.

Мы снова смеёмся.

– В 1965 году закончила я школу с серебряной медалью, по русскому четверка была. И это справедливо, ведь я любила точные науки: математику, физику. Эх, школьные годы, вернуться бы туда хоть на денек! – Галина Кирилловна озорно блеснула глазами. – Ведь я в школьной самодеятельности жила и пропадала. В доме творчества танцевала в группе «Танцы народов мира». А какие замечательные были у нас учителя в начальной и средней школе: Шевцова Мария Андрияновна, Иваницкая Августа Степановна. А наши предметники в средней, грешно не вспомнить: замечательный математик – Коваленко Зинаида Дементьевна, химик – Цурова Ирма Александровна, физика и астрономия – Гуштин Николай Иванович. Это они нас выводили в большую жизнь. Но, скажу откровенно, я не собиралась в педагогический. В тот год в Кургане открылся новый институт – машиностроительный. Вот мы с одноклассниками и решили туда поступать, хотя родители склоняли меня идти в медицинский. Но как же отстать от друзей по школе?! Медалисты экзамены сдавали на пять дней раньше основного потока. Профильный экзамен – математика. Сдали, а когда я получила экзаменационный лист, он был пуст, и меня передвинули в общий поток. Как потом выяснилось, съехала я на ин-

тегральных вычислениях. Для меня, скажу честно, это был сильнейший удар. Звоню маме, всё объясняю. Она приехала, и на другой день мы пошли за документами. Но документы нам не отдали, а предложили решить контрольную работу, но я отказалась, «запылила».

А мужчина, член экзаменационной комиссии, Жернаков Федор Павлович, неожиданно предложил мне поступать в педагогический на физмат (он сам там работал). Он написал записку и отправил меня в пединститут без документов. Экзамены в педагогический я сдала на отлично. Удивило то, что из сдававших девчонок раз-два и обчелся, одни парни.

Так и оказалась я по воле судьбы в педагогическом институте в группе физиков.

Что сказать про студенческие годы? Училась я хорошо, часто с агитбригадой выезжали в села области, особенно в посевную и уборку. Группа на курсе у нас подобралась дружная, сильная. Дружинин Виктор Иванович, Андрейченко Владимир Васильевич – это мои однокурсники. Мы до сих пор встречаемся, перезваниваемся, общаемся. – Галина Кирилловна сделала паузу, вздохнула. – Вот так началась моя педагогическая стезя. В 1969 году, после окончания института, я вернулась в родной район, хотя остаться в городе по распределению возможность была.

Но родина позвала, потянула, да и родители здесь жили. Словом, возвратилась подготовленным специалистом. Прошла всю «карьерную лестницу» сельского педагога, если можно так выразиться, от учителя физики и классного руководителя до директора школы в одном учреждении!

Это предложение Галина Кирилловна произнесла с особой выразительностью, даже гордостью. Я хорошо понимал эту женщину, сильную духом, целеустремленную. Ей есть чем гордиться за эти без малого полвека, отданных Половинской школе.

– 10 июля 2016 года исполнится 30 лет моего директорства. Что могу сказать, как говорят, подытожить. Особенно трудными были 90-ые годы. Годы развала, смуты, безденежья. Месяцами сидели без зарплаты, учителя разбегались, уезжали в другие отрасли и регионы.

ЗИМИНА
Галина Кирилловна

Казалось, всё – тупик, нет выхода. Но выстояли, выжили, не сломались.

И я помнил те «лихие девяностые», когда покойный Н.И. Тарасов в день зарплаты выдал мне по ведомости 3 рубля 66 копеек. Как рассказывал он о тяжелейшем положении учителей в Половинской школе, и коллектив Воскресенской основной собрал маленький «гуманитарный обоз» сельхозпродуктов, и мы отпра-

вили его братьям по классу.

А Галина Кирилловна, принимая всё по списку, благодарно пожимала наши руки.

– Как сон, тяжелый и кошмарный, помнится то время, – продолжала она. – Сегодня худо-бедно, но мы живем и работаем, всё пока стабильно и терпимо, – смеётся директор.

– Не прибедняйтесь, Галина Кирилловна, на сегодняшний день ваша школа – лучшая в районе по всем параметрам, – возражаю я.

– А как Вы хотели? Мы – самая большая школа района. Мы – центр методической и воспитательной работы. На базе нашей школы проводятся все районные и областные методические и практические семинары. Мы просто обязаны быть лучшими. И я всей своей жизнью доказывала, что мы особенные и по методическим приемам, и по ёмкости знаний наших учеников.

Всю свою жизнь от самого начала, я дело, порученное мне, выполняла хорошо. На это меня нацеливали родители, учителя, партия, совесть, наконец. И я не могу делать это иначе. Сегодня я руководитель этого чудесного организма – школы. В моем подчинении более полутысячи человек, больших и маленьких. И как я могу не оправдать их

доверие, скажите?! И я стараюсь, и буду стараться, пока хватит моих сил.

– Господи! Если бы все руководители в нашем государстве прониклись такой же ответственностью за порученное дело. Как бы зажила и расцвела Россия! – вздыхаю я про себя. – Но ведь финансирование школ района мизерное, как вам удаётся проводить все эти дорогие ремонты? – вопрошаю я снова собеседницу.

– Скажу откровенно, одной бы ничего не сделать. Помогают наши замечательные добрые люди: родители, меценаты, ученики и учителя, работающие с полной отдачей в каникулы.

Я не сижу на достигнутом, хожу, прошу, стараюсь попасть в областные и федеральные программы. И, как видите, кое-что удаётся сделать. Но знаете, как угнетает отказ в просьбе. Просишь не для себя – для детей, но всё равно унижительно. Но перешагиваю и через это, ведь это дело всей моей жизни.

Я очень признательна П.П. Ивахненко, А.А. Аристову, Н.А. Шалмину, они много сделали и делают для нашей школы. Конечно же, и Ермолаев Ю.Н. помогал всегда и словом и делом.

Она замолчала, обернувшись на стук. В дверях стоял молодой человек в спортивной форме.

– Галина Кирилловна, мы уже начали, играем, Вас ждем, – проговорил он торопливо.

– Скоро буду, видишь у меня человек, мы заняты, – проговорила она, обернувшись к парню, и он исчез в коридоре.

– В школе сегодня день здоровья. Ученики играют с учителями в баскетбол. Сейчас будут играть девчонки, надо бы посмотреть, поддержать своих, – улыбнулась Галина Кирилловна. – Знаете, мне иногда мои сверстники и знакомые задают вопрос: – А ты всё ещё работаешь, не надоело? Вот и напишите им всем, домоседам. Не надоело! А кому я отдам дело всей моей жизни? Только человеку, в которого верю, что он достойно его продолжит. Надо подготовить замену, и я работаю в этом направлении.

– А? ... - вязну я со своим вопросом.

– А это другой разговор, – парирует твердо мой вопрос Галина Ки-

рилловна. Я извиняюсь и спрашиваю об её увлечениях в свободное время.

– Свободного времени у меня мало, рабочий график дня очень насыщен. В моём распоряжении только ночь и выходные. Скажу так: люблю читать и вышивать крестиком, люблю собирать грибы, играть в волейбол, люблю встречаться с друзьями и хорошими людьми, люблю жизнь во всех её проявлениях.

Очередной стук в косяк прерывает наш разговор. В проёме двери стоял незнакомый мужчина с папкой в руке.

– Здравствуйте, – здоровается с ним Галина Кирилловна. – Подождите, через минуту-две я Вас приму. Это наши подрядчики по ремонту крыши спортзала, надо документы подписать, – поясняет она ситуацию.

Я благодарю её за беседу и выхожу в коридор, спускаюсь на первый этаж. Из коридора, ведущего в спортзал, выходят раскрасневшиеся ребята-старшеклассники.

По разговору их понимаю – «продули» парни своим преподавателям. Заинтересованный, я спешу в спортзал посмотреть и поболеть за коллег. В спортзалелюдно и шумно. Сборная женщин-учителей и сборная девчонок-старшеклассниц только-только начали игру.

Я присаживаюсь на скамейку с Яковом Художидковым – наставником команды преподавателей. Яков Яковлевич мой “годок”, и когда в молодости мы не раз встречались с ним на волейбольных площадках. Ярый сторонник спорта, он и сегодня не сдаёт позиций. Страсти на баскетбольной площадке накаляются. Сперва молодые ведут, но постепенно команда учителей догоняет и обходит своих юных соперниц. После финального свистка зал ревет в восторге, приветствуя игроков.

И я, позабыв обо всем, отчаянно бью в ладоши. В толпе болельщиков вижу и Галину Кирилловну.

Успехов Вам, мастер большого дела!

САФРОНОВА
Маргарита Валентиновна

Поэзией увлеклась в раннем возрасте, лет в 5 уже пыталась рифмовать строки. Автор двух сборников стихов. Готовит к изданию отдельный сборник стихов для детей. Публиковалась в литературных журналах «Невский альманах» (Санкт-Петербург), «Тобол», «Сибирский край» (Курган), «Град Тобольск», газетах «Вечерняя Москва», «Новый мир», «Православная газета», «Огни Зауралья» и многих других.

УЧИТЕЛЬНИЦА

Учительница младших классов –
Призвания важнее нет.
В глазах детей, наивных, ясных,
Горит всё ярче знаний свет.
Тыходишь в класс всегда с улыбкой,
А строгость в голосе звучит –
В ответах каждую ошибку
Тебе исправить надлежит.
Но детства радостные годы
Любую строгость победят—
Концерты, конкурсы, походы
Весёлой чередой летят!
И ты, с учениками вместе,
Во всех затеях озорных;
Играя, доброте и чести
Научишь незаметно их.
Учительница младших классов –
Призвания важнее нет.
В глазах детей, наивных, ясных,
Горит всё ярче знаний свет.

СЕРГЕЕВА
Лена Геннадьевна

Образование среднее-специальное. Окончила библиотечное отделение культпросветучилища в 1985 году и вот уже более 30 лет работает в Столбовской сельской библиотеке Шумихинского района.

ТРУЖЕННИКАМ СЕЛА – ЧЕСТЬ И ХВАЛА

Герои... Под этим словом мы всегда подразумеваем людей, совершивших подвиг во время войны, в какой-то экстремальной ситуации – при спасении утопающего например, словом человека, совершившего что-то необыкновенное. А разве мало обыкновенных людей, которые своим трудом совершают подвиги!

Вот об одном из таких героев труда мне хотелось рассказать. Гнеушев Иван Павлович всю свою жизнь живет в селе Столбово. Здесь он родился и вырос, как говорится, где родился – там и пригодился. Судьба у нашего ветерана непростая. Рано остался без отца, в самом начале Великой Отечественной войны Павла Егоровича направили работать на тракторный завод в Челябинск, а затем он ушел на фронт и домой уже не вернулся. Ивану тогда было всего 2 года, поэтому своего папу он совсем не помнит. Жили с мамой, Елизаветой Леонтьевной и с братом Николаем, в небольшой избе у дороги, причем дом никогда не закрывали на замок, воровства в деревне не было. Держали корову, подростка-теленка и три овечки, больше тогда не разрешали. Мама трудилась в колхозе на разных работах – во время убороч-

ной страды возила зерно на бичке-телеге, запряженной лошастью, с поля на склад, который находился в то время в церкви, и в колхозные амбары; потом долгое время была заведующей свинофермой. Рано Ваня, как и все мальчишки того времени, начал работать в колхозе. Еще учась в школе, помогал на сенозаготовке: возил «волочаги».

Вот как описывает свои первые трудовые дни Иван Павлович: «Ведешь лошадку под уздцы, вдоль рядка скошенной и высушенной травы... Кто совсем маленький, тот едет верхом на лошади. Ребята постарше и взрослые закидывают сено на «волочагу» – это две длинные жерди, в которые впрягается лошадь, как в оглобли: концы их волочатся, а посередине, на вязках, плетеный кузов, для перевозки сена». Работали ребята добровольно, захватив утром из дома краюху хлеба, но зато в обед кушали бесплатно суп или кашу, а иной раз председатель конфет привозил, так это вообще был праздник! Мать во время уборочной страды не видел почти, ведь в поле работали от темна и до темна.

Вот так и прошло детство деревенского паренька Вани Гнеушева, в колхозе работал по мере сил, дома маме помогал. Окончил школу, начал самостоятельно трудиться в родном селе, жить стало полегче, но случилась беда: после тяжелой болезни в 1957 году ушла из жизни мама. Принял Ивана в свой дом, в свою семью брат Николай, который был его старше на 9 лет, от него и в армию уходил. Призвали тогда из нашего села сразу 4 парней – Сергеева Александра, Столбова Геннадия, Афанасьева Владимира и Гнеушева Ивана. На Красноярском пересылочном пункте их разделили: Сергеева А.М. и Столбова Г.М. направили в «запретку», а Гнеушева И.П. и Афанасьева В.Т. – в сапёры. Служил Иван Павлович 3 года, вернулся из армии 1 декабря 1961 года, немного позднее своих друзей, те уже уехали учиться в Чумляк на механизаторов. Иван тоже, как и большинство сельских мальчишек, мечтал с детства сесть за руль трактора или автомобиля. Поехал следом за друзьями и, несмотря на задержку, его приняли в училище. Жили с односельчанами в одной комнате общежития, выдали форму – гимнастерку и бушлат, в училищной столовой кормили бесплатно 3 раза в день, что в то, голодное время, было большой

**Гнеушев Иван Павлович,
солдат, тракторист, шофер,
орденоносец, ветеран труда**

подмогой для деревенских парней. В течение года изучали сельскохозяйственную технику, разбирали и собирали различные детали и механизмы от тракторов. На практику приезжали в родной колхоз на посевную, уборку и работали со старшими наставниками. Выпускные экзамены в училище Иван сдал на «хорошо» и «отлично». Первый трактор, на котором самостоятельно начал работать был ДТ-54, потом Т-75 /оба гусеничные/, а позднее перешел на К-700 и К-701. Пахал зябь и пары, поднимал дорогу на Шумиху. На период уборочной кампании переходил на комбайн. До сих пор помнит все нюансы эксплуатации тракторов и комбайнов, какие поломки были, как ремонтировать ездили в Лебяжье свои «Кировцы».

«Работали в советское время на совесть, бывало агроном приедет и скажет, чтоб отдохнули немного, но нет, мы работали без перерывов, кроме обеда. И сеяли допоздна, и зерно молотили, пока роса не упадет», – говорит ветеран. Если вспомнить лозунги тех лет, то сразу возникают слова: «Битва за урожай». Уборка хлеба была действительно сродни военным будням. Когда уборку в родном колхозе, а назывался он «Имени 22-го партсъезда» заканчивали, то помогали на своей технике соседям убирать урожай. За качеством уборки тщательно следили – в нашем колхозе была создана комиссия из пенсионеров, которая проверяла в поле после комбайна обмолоченные валки – нет ли в половине зерна. И если находили, то лишали звездочки, а за каждую звездочку получал комбайнер премию, а за выполненную норму на посевной учетчик прямо в поле привозил и выдавал

премию – 5 рублей. В то время, в 60-70-х годах прошлого века, передовиков производства особо отмечали. Так, Иван Павлович за 2-е место в районе на уборке урожая в 1976 году получил право внеочередной покупки мотоцикла, был также награжден бесплатными путевками в санатории и туристической поездкой по городам-героям России, от которой осталось много приятных впечатлений и фотографий.

В 70-е годы в нашем селе все желающие могли пройти учебу на шофера – Тетерюк Л.Е. преподавал теорию, а экзамены сдавали в ДОСАФе в Шумихе. Так получили «шоферские» права многие односельчане, в том числе и герой нашего рассказа, сдав с первого раза экзамен. Позднее отучился в Кургане на категорию «С» и много лет трудился на колхозном автобусе.

Но, конечно не только работой жив человек – как не уставали, а вернувшись домой с колхозной работы, немного отдохнув, шли парни и девчата в клуб смотреть кино и на танцы. Народу тогда было много в деревне, порой кино приходилось смотреть в окна, набивалось «битком» и всем желающим не хватало места в зале.

Село Столбово расположено вокруг трех озер, в каждом краю были свои компании и обязательно качели, где собирались парни с девушками на посиделки, пели песни и частушки под гармошку. В их «Голубковском» краю были свои гармонисты – Павел Голубков и Пётр Лаврентьев. Вот там, на вечерках, наш герой и приглядел свою будущую жену Анну, да и сыграли свадьбу в 1962 году. Стали жить, обзаводиться хозяйством, детки появились в семье Гнеушевых: два сына и две дочери. Сейчас уже богаты внуками. У Ивана Павловича с Анной Константиновной их восемь и уже девять правнуков! Отработав положенные годы вышел на заслуженный отдых в 1999 году.

За свой многолетний труд награжден наш ветеран орденом Трудовой славы 3-й степени, медалью «За доблестный труд», «Ветеран труда» и многочисленными почетными грамотами. Работал Иван Павлович всегда добросовестно и очень переживает за то, как сейчас обрабатывают пашню в ускоренном варианте.

«Землю путём надо обрабатывать. Ведь раньше зябь начинали па-

хоть уже в августе, после уборки озимой ржи. Влагу задерживали весной по 2 раза, лушили, боронили и только потом сеяли. После окончания посевной переходили на пары – пахали и боронили, готовили поле для будущих хороших урожаев. Земля на парах должна быть черной, без сорняков, а сейчас там хоть сено коси! Не дело это, какие будут урожаи, если сеют по стерне. За техникой хорошо надо следить и профилактику делать, и ремонтировать вовремя, а не ждать, когда что-то отвалится», – вот такие наказы нынешним земледельцам дает ветеран труда.

А о современной политической жизни говорит так: «Раньше, в советское время, был порядок. Я как вступил в КПСС в 1972 году, так и до 1991 года в ней состоял, до развала Союза». В партийном билете у Ивана Павловича последняя отметка в мае 1991 года – взносы “9 руб, 37 коп”. Документ отличном состоянии, как новенький, видимо он очень дорог ветерану, потому что в душе он так и остался коммунистом.

Мне хочется от имени всех сказать: «Спасибо Вам, Иван Павлович. Спасибо вам всем, люди труда старшего поколения, за то, что вы учите на своем примере молодёжь, как надо жить и работать!»

Ведь не зря говорят: «Та земля хороша, которая мясо да хлеб родит, но без человеческого труда и плодородная земля скудеет»!

СКРИПОВ
Лев Васильевич

Работал учителем, завучем, директором. В 1972 году направлен на службу в милицию. В 1988 году вышел в отставку. За добросовестную службу награжден знаком «Почетный ветеран МВД» и медалями. Пишет очерки. Печатался в районной и в областных газетах. Четырежды лауреат литературного конкурса УМВД РФ по Курганской области «Служим закону - служим народу».

ЖИВИ, ГДЕ ПРИГОДИЛСЯ!

Бывая на полях Кетовского района, начальник отдела сельского хозяйства П.П. Штефан все явственнее стал ощущать в последние годы возросший потенциал агропромышленного комплекса. Увеличились посевные площади, возросла урожайность овощей и зерновых культур, начало развиваться, пошедшее было на убыль, животноводство, обновляется парк сельскохозяйственной техники, расширяет свое производство перерабатывающая промышленность. Порой даже хочется воскликнуть запомнившимися словами одного из дикторов центрального телевидения: «Добро пожаловать в наш мир – мир высокого неба и безграничных просторов, чистой воды и плодородной почвы, где природа испытывает нас на прочность и создает поколения людей, которые верны своим традициям и готовы к поиску новых идей. Добро пожаловать в страну, где нет невозможного и каждый способен создавать продукты высокого качества!»

В 90-е годы 20-го века у Пиуса была возможность переселиться на историческую родину – Германию. Его предки (это было, когда Русью правил еще «царь-батюшка») откликнулись на приглашение

председателя совета министров Российской империи П.А. Столыпина принять участие в осуществлении аграрной реформы, социальный смысл которой состоял в том, чтобы создать широкий слой мелких буржуазных собственников, являющихся основным фактором политической и экономической стабильности общества. Еще при жизни Столыпина и во время Советской власти его аграрная реформа критиковалась. И только сегодня действия реформатора названы правильными.

Летом 1907 года семьи Штефана и Габриель покинули родной край (Штефаны из Одесского округа, где их предки жили еще со времен Екатерины Великой, а Габриэль из земель Прибалтики) и перебрались на нетронутые земли Северного Казахстана. Там они породнились. В поисках своей судьбы и лучшей доли ехали на необжитые места Зауралья, Сибири и Казахстана русские, украинцы, белорусы, немцы, латыши, эстонцы. Селились общинами, сохраняя национальные обычаи и традиции.

Мой герой родился в марте 1957 года в Келлеровке Кокчетавской области Казахской ССР в семье сельских тружеников. Отец, Пиус Матвеевич, работал механизатором, а мать, Екатерина Людвиговна, дояркой в колхозе им. 22-го съезда партии. По воспоминаниям родителей, дед по материнской линии слыл неплохим специалистом по мельничным делам и нужды не испытывал, но в период Великой Отечественной войны, будучи председателем колхоза, допустил оплошность – потерю зерна с тока (несколько колхозников пошли домой, забыв вытряхнуть из сапог попавшее за период работы зерно), за что попал на несколько лет в сталинские лагеря.

Семья деда по отцовской линии жила бедно и, чтобы свести концы с концами, родители с детьми подолгу месили в яме навоз с соломой, изготавливая для продажи кизяк. В период образования семьи Штефанов колхоз окреп и считался зажиточным. В большом камышитовом доме бывших переселенцев с пятью комнатами, просторной кухней и верандой росло пятеро детей. Кроме старшего сына, названного в честь отца, тишину нарушали детские голоса еще двух мальчишек и двух девочек. Во дворе под одной крышей располагались: дровяник, сеноклад, колодец, хлев и другие постройки. Семнадцать соток от-

водилось под картофель и овощи. Общая площадь усадьбы составляла сорок пять соток. К 1964-му году эта крестьянская микрофермерская семья держала 2 коровы, 2 теленка, 5-6 свиней, выращивали 50 гусей, 50 уток и 50 бройлеров. Излишки производства сдавались в колхоз – взамен получали зерно, сено, силос. Образцовый порядок поддерживался благодаря семейным традициям: послушание, трудолюбие, настойчивость. Эти качества особо ценились и поощрялись. Не обобщая в философский постулат, Штефаны жили принципом «не можешь прокормить сам себя – грош тебе цена». Зачем тогда вообще жить!? Не в пример нынешнему мнению господ, занявших высокие кресла и оградивших (угрозой уголовной ответственности) детей от физического труда, приобщение к труду они считали, как считают до сих пор миллионы простых тружеников, необходимым в воспитании подрастающего поколения.

Пиус почувствовал свою значимость, как главного помощника родителей, уже с шести лет. «Остаешься за хозяина», – говаривал отец, уходя рано утром на работу. Слово «хозяин» означало – быть ответственным за все: жизнь и здоровье братьев и сестер, распределение обязанностей по хозяйству, чистоту и порядок дома.

Прошел не один десяток лет с того времени, но Пиус Пиусович до сих пор не может до конца понять, почему же все родные уехали на историческую Родину, в Германию, а он, самый старший из детей, остался в России, помня завещание отца: «Никуда не уезжай – живи там, где родился и пригодился». Тем более, бывая в гостях у родителей, пока они были живы, а потом у сестер и брата, убедился, что живут все в достатке, хорошо. Построили себе дома, кстати, тем самым испытанным временем способом, каким воздвигали в Казахстане, – все вместе, общиной, называя этот метод русским словом – субботниками. Дружно, одной семьей. Вместе строили, вместе праздновали, радовались жизни.

И все же, приезжая в Германию, Пиус нутром чувствовал, что каждый раз попадает в страну совершенно другого менталитета. Это сказывалось даже в мелочах. Однажды, находясь в гостях, попал в больницу. Серьезно простудился. В палате проходили курс лечения еще

два коренных немца. Уже в первый день в глаза бросился мелкий штрих – увлечение соседей телепередачей «Вкусная пища». Вначале подумал: «Гурманы, видимо». А через три дня, вновь не увидев во время приема пищи ни супа, ни борща, затосковал. Со временем узнал, что современные немцы не любят готовить, может быть, считают это пустой тратой времени и обходятся, главным образом, бутербродами. Между прочим, нередко заходят в «русский» магазин и покупают российские продукты, к которым привыкли приехавшие из России «русские немцы», как их называют в Германии. Как-то двух местных фрау угостили русскими пельменями. Угощение очень понравилось. Они попросили рецепт изготовления, но так и не воспользовались им – слишком много времени для приготовления требовала вкусная пища.

Валяясь на больничной койке, наш больной нередко вспоминал прошедшие детские годы. Жили тихо и мирно. Летом помогали родителям мсолить и сушить грибы, собирали ягоды для варенья, осенью мариновали огурчики и помидоры, на зиму коптили окорочка, на пасху красили яйца и ели с удовольствием куличи. Все было по-людски: просто и ясно. Но самое главное – учились ценить простые радости бытия. Бывало, в жару, когда он пас с братьями скотину, когда тучи, испугавшись разгневанного, раскаленного солнца убегали на всех парусах ближе к Северу, а птицы, боясь получить солнечный удар, прятались в небольших колках-рощицах, где их уже поджидал быстрый ветер, ему, наслаждавшемуся первозданной тишиной, в голову приходила мысль, что он попал в сказочный уголок планеты с прозрачно-голубым небосклоном и бескрайней степью. Его не пугала ни жара, ни холод, ни хмурая погода в сопровождении моросящего или проливного дождя. Сын степей принимал мир таким, каким тот был, со всеми проявлениями и противоречиями. Но когда выглядывало солнышко, душа светлела и наполнялась от дуновения ветерка сладким ароматом полевых цветов. Особым благовонием наполнялись лёгкие вблизи рощицы, на полянках, где людей встречали радужным цветом васильки, колокольчики, зверобой, тысячелистник, первоцвет, душица. К этому нельзя было не привыкнуть...

А рос Пиус так же, как и большинство советских детей: «Октябрята – дружные ребята!», «Пионер – всем ребятам пример!», «Комсомольцы – беспокойные сердца!» Это были те самые лозунги, которые не мешали зимой играть в хоккей, бегать на лыжах и коньках, а летом ловить рыбу, гонять футбольный мяч и гасить волейбол, учили добру, скромности, честности, дружелюбию, прививали любовь к Родине, готовность к подвигу во имя высоких идеалов.

И все это делалось не навязчиво, а естественным образом: захотелось ребятам на рыбалку – с вечера приготовили удочки, накопили червей, отрезали кусочек от приготовленного для пирогов теста (тоже для наживки), и вот уже раным-рано мчится на велосипедах тройка закадычных друзей в степную даль под свист ветерка. А какой пацан не любит быстрой езды!?

Через пять километров у первой рощицы остановка. Оставив на обочине дороги своих «скакунов», ребята заходят в лесок, чтобы наполнить грудь новой силой и бодростью. Стоит удивительная тишина, изредка нарушаемая проснувшимся кузнечиком или трелью одинокой птицы. Не в таких ли местах человек попадает иногда на узловую станцию параллельных миров? Возможно, так и есть, если ты онемел от восхищения и восторга.

Отдохнув и насладившись запахом лесных трав, рыбаки-путешественники продолжают путь, но теперь уже не через море степи, а по волнам океана пшеницы. И чем глубже погружаются, тем острее чувствуют вкус свежеспеченного хлеба. Он постепенно исчезает с приближением к конечной цели – к котловану. Здесь царствует водная гладь – тишина и благодать, которые все же нарушались нередко на радость гостям «смачными» всплесками крупной рыбы. Начиналась жизнь, о которой впоследствии только мечталось.

Это было время, когда завершилось восстановление разрушенного за время Великой Отечественной войны народного хозяйства, возникали новые стройки коммунизма, осваивались целинные и залежные земли, научные достижения человека достигли космических высот, прогресс продвигался семимильными шагами далеко и высоко вперед. Молодые люди, очень похожие друг на друга, как и Пиус Ште-

фан, с завидным упорством «грызли гранит наук», стремясь познать как можно больше и глубже, чтобы найти «свою колею» в жизни, активно и бескорыстно выполняли общественные поручения. Не сбиться с ритма времени – таков был негласный порыв души. Не обходилось, конечно, без мелких досадных ошибок, но работа над ними закаляла и формировала характер.

Закончив на хорошо и отлично среднюю школу, мой герой, успешно сдав вступительные экзамены, с группой одноклассников поступил в Омский политехнический институт, но однажды, побывав на экскурсии в литейном цехе, забрал документы и уехал домой. Нет! Не струсил – не захотелось сыну степей заключить себя добровольно в непривычную замкнутую оболочку искусственной цивилизации, не пахнувшей степным простором.

Отец, рассердившись, устроил сына садчиком на кирпичный завод – обжигай кирпичи! Вскоре призвали в армию, служил в войсках стратегического назначения, от сверхсрочной службы отказался. Вернулся старшим сержантом и сразу отдал документы для поступления в Курганский сельхозинститут. С тех пор и связала судьба юношу с зауральской землей, чем-то схожей с казахстанской, только более богатой.

Учился с желанием, потому что понял – попал в свою колею. Был активным комсомольцем, членом институтского комитета комсомола. После второго курса женился. А где чаще всего встретишь родственную душу, как ни в студенческом коллективе, объединенном общими целями, надеждами и даже корнями (любимая девушка, Лариса Васильевна, стройная и стойкая, как степной ковыль, тоже была уроженкой Казахстана). И вот молодой специалист, зооинженер, выпускник Курганского сельскохозяйственного института, со свободным красным дипломом в кармане, на перекрестке жизненного пути. Шел 1983-год.

На поверхности не очень прозрачного котлована российской политики царили, как и на казахстанском водоеме, (в пору юности) тишь и благодать, реденько нарушаемые легким бризом. Но на глубине уже началось все возрастающее столкновение могучих разноголосых те-

чений, переросшее в 90-е годы в разрушительный шторм...

Первым наставником Пиуса на трудовом фронте стал директор племсовхоза «Меньшиковский» Николай Емельянович Яхно. Человек высоко эрудированный, энергичный и целеустремленный, он вызывал невольное уважение. «Настоящий хозяин», – подумал молодой специалист. Это слово было для него высшей оценкой деловых качеств руководителя.

Кстати, если забежать немного вперед, можно отметить, что разруха в стране после распада СССР, так он думал впоследствии, началась из-за отсутствия в России настоящего хозяина. Массовый грабеж народного достояния без стыда и совести начали те, кто близко стоял к государственной кормушке. Жадные и нахрапистые особи, потрясая плакатом: «Мы идем к вам все с приветом – с утюгом и пистолетом», стали разрушать деревню, промышленные предприятия и заводы. Простые люди были брошены на произвол судьбы – на выживание. Американские политики, наподобие некого Хорварда, успокаивали: «Люди не должны жить одинаково хорошо, это естественно. У каждого есть цена – его общественная польза, отдача, на которые он способен. Всё остальное – гуманитарные сопли». Хуже того: когда общечеловеческие ценности, как: честь и совесть, честность и порядочность – стали исчезать, а на их место шагнули в обнимку хамство и шарлатанство, жить стало жутко.

Однако эти страшные события будут позже, а пока будущему начальнику агропромышленного комплекса Кетовского района повезло: он встретил руководителя хозяйства, с которого можно было брать пример: учиться у него деловой хватке, уменью ценить крестьянский труд, а главное – огромной работоспособности, которая может преодолеть всё, создавая общественные ценности.

Пиус хорошо помнит начало своей деятельности в племсовхозе: «Однажды меня вызвали к директору, в кабинете находилась секретарь райкома КПСС К.И. Ермакова, которая стала «сватать» меня главным зоотехником в колхоз им. Красина. Николай Емельянович, выслушав мой не очень вразумительный ответ, четко спросил: «Ты готов стать главным?» «Нет!» – теперь уже четко ответил я. «Вот и работай

здесь с нами». Через несколько дней на планёрке слушаю приказ директора: «Назначить П.П.Штефана главным зоотехником Менциковского племсовхоза»

Такой неожиданный поворот в судьбе нельзя было не оправдать. Уже в первые годы правления Н.Е. Яхно фермы, находившиеся в плачевном состоянии, были отремонтированы, построено три новых коровника, повысилась продуктивность животноводства. С 1983 года будущий заслуженный работник сельского хозяйства России Николай Емельянович Яхно начинает работать над созданием маслопрессового завода, который был введен в эксплуатацию в феврале 1993 года и мог выпускать методом двукратного прессования до 40 тонн подсолнечного масла в сутки, сохраняя все природные ферменты и витамины.

Вопреки ожиданиям недругов, когда в 90-е годы правительство ускоренно создавало с помощью зарубежных «друзей» новый класс капиталистов, а средства массовой информации упорно навязывали нам новый «облик морале», люди отгораживались друг от друга железными дверями и решетками, свалки пополнялись бездомными, а улицы детьми-попрошайками, наша деревня не растеряла настоящих хозяев земли.

Да, наш Кетовский район за период «лихих» 90-х утратил многие социально-экономические позиции, но осталось немало руководителей, которые быстро освоились в новых рыночных условиях, возобновили работу предприятий и даже обеспечили рост производства. Кроме кавалера ордена «Знак Почета» Н.Е.Яхно, в памяти Пиуса Пиусовича сразу же возникли образы лауреата Мальцевской премии Александра Даниловича Немирова, руководителя ЗАО «Картофель», одного из крупнейших предприятий в России; заслуженного работника сельского хозяйства РФ, долгое время возглавлявшего СПК «Племсовхоз «Разлив» – Алексея Ефимовича Ткачука; главы СХК имени Красина Василия Ивановича Евтуховича, хозяйство которого в 2012 году награждено Почетной грамотой Курганской областной Думы; заслуженного фермера России, дважды лауреата Мальцевской премии Анатолия Федоровича Невзорова; кавалера ордена Лени-

на, Почётного гражданина Кетовского района Валерия Георгиевича Спирина, возглавлявшего в перестроечное время ЗАО «Агрофирму «Боровская», и многих других патриотов, не сдавших свою малую Родину новоявленным разрушителям страны. Каждый из этих названных и не названных «вслух» личностей лозунг главы государства: «Берите демократии, сколько можно!», понял не как призыв к анархии и беспределу, а наоборот: Александр Данилович, например, коренной земледелец, выходец из многодетной семьи, рано познавший тяготы крестьянского труда и ставший руководителем крепкого колхоза «Дружба», в период перестройки не растерялся и, когда коллектив под напором власти распался, выбрал самое сложное направление – производство картофеля. Так возникло общество «Картофель», ставшее впоследствии крупнейшим предприятием в России. Обладая неиссякаемой энергией и организаторским талантом, А.Д. Немиров сплотил крепкий, работоспособный коллектив и, используя лучшие отечественные и мировые технологии в производстве сельхозпродукции, внедряя высокопродуктивные сорта, полностью механизировал трудоемкие процессы и добился высокого урожая. Его коллектив до сих пор радуется людей труда своими успехами на картофельной ниве, а также на хлебной и овощной.

Следует сказать большое спасибо кавалеру ордена «Знак Почета» Алексею Ефимовичу Ткачуку, сумевшему убыточное хозяйство превратить в стабильно рентабельное и сохранить до конца статус племенного. В настоящее время СПК «Племзавод «Разлив» возглавляет С.Н. Остапенко, и мы, кетовчане, продолжаем по-прежнему потреблять с удовольствием падеринское молоко, кефир, сливки.

Заслуживает огромного уважения Анатолий Федорович Невзоров, подхвативший эстафету отца и возглавивший одноименное фермерское хозяйство. Он мастер на все руки: машинист и тракторист, краповщик и строитель. КФХ «Невзоров» – самый крупный производитель зерна в районе, занимается лесопереработкой и рыбозабоем. Главной задачей считает дальнейшее повышение рентабельности производства.

А как не скажешь доброе слово о Спириной Валерии Георгиевиче!

Он не только успешно руководил Боровской птицефабрикой, но и построил среднюю школу, детский сад, расширил жилищный фонд рабочих, улучшил состояние дорог.

Благодаря таким людям, настоящим хозяевам земли русской, кто заботится о благосостоянии трудового народа, бьёт в набат в смутные для Отечества годы, чтобы сплотиться и отразить нашествие внутреннего и внешнего супостата, жила и будет жить Русь!

П.П. Штефана радовал и тот факт, что на смену закаленным в борьбе с трудностями ветеранам приходит на смену сильное и здоровое молодое поколение, рождаются династии. Мне, благодаря приглашению моего героя, удалось побывать на полях ООО «Курганское». Уборочная страда была близка к завершению, работа шла в ускоренном темпе. Молодой руководитель хозяйства Вячеслав Александрович Немиров, показывая работу новых комбайнов на уборке пшеницы сорта «Икар», которая на отдельных полях давала 42,5 центнера с гектара, рассказывал: «Мы убрали ячмень, заканчиваем молотить пшеницу, рапс. Техники у нас достаточно, по большей части она новая. Зерно хорошее, сухое – ждет очистки, прогоним его через сортировальные машины. Технология производства зерна требует больших затрат. Мы уходим сейчас от зяблевой вспашки, безотвальная обработка почвы обеспечивает надежную защиту от ветровой эрозии, сохранение питательных веществ, влаги, но требует увеличения расходов на борьбу с сорняками, болезнями и вредителями. Структура сельскохозяйственных культур у нас разнообразная, занимаемся еще и масляничным льном, и гречихой. Ясно, что в нынешних экономических условиях любое сельскохозяйственное предприятие успешно развивается лишь с применением современных методов и средств: без модернизации производства, без применения научных достижений конкурировать на продовольственном рынке невозможно».

Покидая поселок Ясные Поляны. Пиус Пиусович, продолжив разговор об ООО «Курганское», добавил: «Вячеслав Александрович защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата сельскохозяйственных наук, хозяйство у него многопрофильное: имеется свиноводческий комплекс, разводит овец. Построен комбикормовый

завод, убойный цех и цех по переработке мяса. Обладая обширными посевными площадями и собирая хороший урожай зерновых, считает целесообразным обзавестись элеватором, уже заложен фундамент для строительства с ёмкостью на 10 тысяч тонн. Генеральный директор ООО «Курганское» – хозяин дальновидный и отлично понимает, что надо не только подбирать лучших специалистов, но и растить свои кадры. На центральной усадьбе – в п.Светлые Поляны – предприятие отремонтировало и обустроило административное здание, где весь первый этаж отдан под гостиницу для работников, построен продовольственный магазин, в котором можно купить продукцию местного сельхозпредприятия, работает столовая. С уверенностью могу заявить: где есть такие руководители – а их в Кетовском районе немало – в будущее можно смотреть с оптимизмом».

Кстати сказать, именно такие настоящие хозяева земли формировали П.П.Штефана, как руководителя районного масштаба.

С искренней теплотой и завидной точностью охарактеризовал его бывший глава района Сергей Аркадьевич Кокорин: «С Пиусом Пиусовичем мне пришлось поработать десять лет и могу сказать, что его, как специалиста, отличает большой опыт работы, инициативность, умение находить выход из непростых ситуаций в сочетании с дисциплиной и исполнительностью. Это человек, хорошо понимающий стратегическую цель. Когда в 2005 году администрацией Кетовского района было принято принципиальное решение об участии в областных и федеральных программах развития по всем направлениям, где приоритетом была выбрана газификация района, как энергетическая основа развития экономики, Пиус Пиусович немедленно приступил к организации газификации сельского хозяйства. Он умеет работать в команде. Всегда может высказать свое мнение руководству, если считает, что прав. Вместе с тем, если решение уже принято, он приложит все силы, чтобы его выполнить и сработать на конкретный результат.

Если появляется проблема, Штефан не бежит к главе района сразу же рассказывать о возникших трудностях, а продумает варианты решения, примет превентивные меры, а потом уже будет докладывать о

проблемах и возможных путях решения. Умеет найти контакт, как с руководителями, так и с подчиненными. Именно в сельхозотделе у нас была самая низкая текучка кадров. Привычка семь раз отмерить, компетентность, порядочность и надежность отличают его как специалиста и как человека. В наш век дилетантов и малообразованных «эффективных менеджеров» это дорогого стоит. С ним можно идти в разведку».

У каждого времени определяющими являются свои общечеловеческие ценности: или честь и совесть, честность и порядочность, или рабское поклонение золотому тельцу, с помощью которого можно наплевать на вышеуказанные достоинства. При социализме, который, хотя и не был идеалом совершенства, но всё же имел свои преимущества: люди были гораздо приветливее, умели искренне смеяться и плакать, сердечное сочувствие преобладало над политкорректностью, им в голову не приходило, что бесстыдство, наглость и жадность могут позволить начальнику делать зарплату в тысячи раз больше, чем трудовому народу, что в местах, не столь отдаленных, за какие-то заслуги можно, не работая, жить за счет государства, а маньяк-убийца будет поставлен на пожизненное бесплатное довольствие.

Но у моего героя свой мир – среди честных и скромных людей, среди девственно чистой, изумительной природы, где живительный аромат злаков и полевых цветов, где дела реальны, а помыслы человеческие ближе к Творцу!

ТОМИЛОВ
Андрей Андреевич

Уроженец Шумихинского района. Окончил Иркутский сельскохозяйственный институт. Охотовед-биолог. Работал в Хабаровском крае, на Камчатке, в Иркутской области. Автор нескольких интереснейших книг прозы.

ВОДИЛА

Я водила. Шофер. Исколесил половину страны. Вообще, мне моя работа нравится, сам себе начальник, катишь и катишь, по сторонам поглядываешь, жизнью любишь, наслаждаешься природой. В кабине тепло, музыка тихонько плавится из колонок. Главное, чтобы техника не подводила, особенно зимой, когда из кабины вылезать не хочется. Но это уж сам должен заботиться, перед рейсом пару дней из гаража не вылезай, зато потом, в дороге, никаких проблем. Хотя бывают случаи, когда от тебя может и не зависеть ситуация, это мы, шофера, говорим: железяка есть железяка, взяла и отломилась. Бывает. Но очень нежелательно.

Последние годы я на «фуре» гоняю. Концы дальние. Несколько раз уже приходилось до самой Москвы баранку крутить. В эту сторону Магадан, а туда, на север, по всей Якутии, по зимникам. В такую даль хорошо, когда с напарником. Но с напарником только и пришлось пару раз съездить, ни мне, ни ему не выгодно. Что заработали, приходится делить пополам, а когда один, то и заработок твой, весь до копеечки.

Конечно, вроде бы заработок не самое главное в жизни, но учитывая, что живу я черт-те где, на самой что ни на есть Чукотке, то сразу становится понятно, что без денежек в этом краю плоховато. Яблоки у нас не растут, мандарины тоже. Ой, да что там мандарины, картошка и та не может. Я пробовал, сажил несколько штук, ботва вылезла, чахлая какая-то, и сразу упала. Думал, нальется пара картофелин, – где там. Ни одна не выросла. Женщины соседки, следили за моим экспериментом, говорят, что ей земного тепла не хватает. Конечно, какое же там тепло, когда мерзлота рядом.

А у меня жена и доча малая. Им не только мандаринку, им еще и на море хочется искупаться. Вот и кручу баранку, заколачиваю копейчку, чтобы семейство жило в полном достатке, чтобы не чувствовало себя в ущербности на этом диком, диком севере.

Конечно, можно было по молодости-то дурака не валять, выучиться, хорошее образование получить и в бизнесмены, или в депутаты. Там тоже зарплата хорошая, говорят, но не всем же в депутаты, да и не по мне это, целыми днями на одном месте сидеть, бумажки перебирать, умное лицо строить. Нет, у меня работа лучше, интереснее.

Но рассказать я хочу о другом. Вернее, об этом же, о шоферском, но об отдельном случае, об экстриме, как теперь принято говорить.

Видимо, вы уже поняли, что живу я в какой-то тыще километров от Магадана, на север. По нашим меркам это не особо дальний конец, если без происшествий, да по хорошей погоде, так утром выехал, к ночи дома. Трасса называется «Колыма». Здесь многое, что называется “колымой”: магазины, кафешки, рестораны, даже автобусная остановка есть с таким названием. Но мне ближе всего, конечно, трасса. В принципе, трасса неплохая, в том плане, что полотно поддерживается в хорошем состоянии. Конечно, погодные катаклизмы влияют здорово, но дорожные службы свое дело знают, поддерживают порядок. И необходимо отметить, что сама по себе трасса очень сложная, хотя бы в том плане, что очень много крутых подъемов и спусков, а значит, и сложных поворотов. Но загруженности, как, например, на «Байкале», – нет. Встретится машина, на тридцать-сорок километров, так это хорошо. Особенно в зимнее время. А уж когда морозы

стоят, и того меньше. Так вот, морозы. У меня есть пикап, с дизельным движком. Купили мы его, когда еще дочка не родилась, купили по случаю, малость побитым и прилично потасканным. Я вокруг него все лето топтался, ни разу не выезжал из гаража. Перебрал все, что только поддавалось разборке и обратной сборке. Да еще новых запчастей набрал, наверное, на две зарплаты.

Зато ездить он у меня стал, просто залюбуешься: резина шуршит, движок шепчет, двери закрываются, как у “мерса”, со щелчком и звуком короткого поцелуя. В общем, сам себе сделал машину и катался в радость, год под капот не заглядывал.

Катишь себе, наслаждаешься, думки разные думаешь. Я тогда о сыне все мечтал. Думал, вот родится пацан, буду его с собой в рейсы брать, обучу всяким жизненным премудростям. Хотя, если честно, я и сам-то, пока еще, не очень этим премудростям обучен. Но перед сыном-то хочется показаться умным, даже мудрым, всё знающим.

Вот, сын будет. Что там еще надо? Да, дерево посадить. Ну, это не особая премудрость, ямку ковырнул... Блин, а там лед. Ладно, по-другому поступим. Гоняю же я в дальние рейсы. Остановлюсь где-нибудь, возле той же Читы, к примеру, там местами такие степи, что глаз упереть не во что. Вот и остановлюсь, выкопаю ямку, посажу дерево, только не забыть саженец выкопать, пока по тайге ехать буду. В другой раз поеду, – вот, мое дерево растет, и сыну расскажу, что это мое дерево, я посадил, я поливал, когда мимо ехал, ворон отгонял, чтобы сучья не обламывали. Да, красиво получается.

А еще дом надо построить. Как же его построить-то? У нас в поселке все дома на сваях, – мерзлота же. Это что получается, что и свой дом тоже на сваях ставить? Как-то не очень красиво будет, да и не строит никто из наших свой дом. Надо обдумать этот вопрос.

Родилась дочка. Такая лапочка, такая милашка, мне всегда улыбается, даже когда болеет, через силу, а улыбается. Дерево пока не посадил, да и с домом что-то не решается, по большому счету, он нам и не нужен. У нас квартира нормальная, вода есть, отопление есть, котельная рядом, тепло всегда. Может и не заморачиваться с этим домом?

Случай, о котором хочу рассказать, произошел в конце февраля. По большому счету, это уже перезимовали, – почти весна! Я как раз в отпуске был. На диване валяться надоело, решил сгонять в Магадан, проветриться, сестру попроведать. Тем более, как уже сказал, почти весна. А там в это время как раз корюшку начинают ловить, вот и рыбки свежей привезу, полезное, с приятным совмещу.

Без проблем маханул до города и там жил почти неделю. Дней пять держит погода минус 30. Но к такой-то температуре мы привыкшие, даже в голову не берем.

Загрузил подарки разные, городские, распрощался с родственниками и, по утраюне, как говорится, по холодку, покатил до дому. По мере удаления от моря, температура падает. Уже на рассвете, который пришелся на какую-то сотню от города, температура упала до -38. Ну, думаю, на рассвете всегда прижимает, вот ободняет, и отпустит, но уже вскоре заметил, что и -40 вылезло, а потом и -43. Остановился в одном месте, на минуточку, так даже сквозь шум работающего мотора слышно, как в тайге лопаются и стреляют деревья. Лиственницы стоят по обочинам, как изваяния, уперлись вершинами в небо и не шелохнутся. Немного как-то не по себе стало. Но унывать и придумывать разные истории не стал, двинулся дальше.

Это была уже вторая половина дня, а мороз и не думал отпускатъ, и не думал поворачивать на весну. Машина несколько задубела, на выбоинах дороги не реагировала амортизаторами, а просто колотилась. И скорость движения снизилась невольно.

Сусуман, прославившийся тем, что о нем пел Розенбаум, проехал, глянул, а за бортом -55 (!), это уже серьезно. Как в драматических пьесах отмечают: «Смеркалось». Да, день пролетел в каком-то напряжении, не скажу, что напряжение то было диким, но оно было. Где-то в пояснице иногда накатывала нервная дрожь, но быстро затихала, не верилось, что все так плохо. По крайней мере, я старался гнать из головы дурные мысли, хотя, они снова и снова возвращались, напоминали, сколько человек погибло на этой трассе в прошлую зиму, да и в эту тоже.

Ну, думаю, главное, Колымо-Индибирский перевал проскочить. С

той-то стороны по любому должно быть теплее. И точно, наверху уже только -50. Я даже воспрял духом, хоть и не очень, песенки дурацкие выключил, – слушаю машину. Понимаю, что мороз, что всякое может в дороге случиться, – но не со мной же! Я же крутой водила! И машину всю знаю наощупь. И она меня знает...

С перевала повеселее покатил, думал, что все неприятности остались позади. Внизу -58, – вот это отеплило! По спине, под теплой меховой курткой, какая-то зябкая дрожь, понимаю, что это нервное. Трасса полностью погрузилась в ночь. Ночь.

Даже в свете фар, даже на крутом повороте, не видно уже стоящих близко к обочине лиственниц. Лишь позднее понимаю, почему не видно: это стекло затянуло льдом, оставив лишь середину, чтобы видно было ленту дороги.

На трассе пусто. Не потому, что такой мороз, а просто пусто, вообще пусто! Ни одной машины. Приходит понимание, что на триста километров в любую сторону нет ни единой живой души. Ни единой во всей округе! От такого понимания подкатила какая-то голодная тошнота.

Дизель начинает троить и чихать. Эти звуки болезненно отдаются в животе, будто это мне не хватает солярки, и я ощущаю это физически.

А как ему, дизелю, не чихать и не троить? Соляра, хоть и высшего качества, – «арктика», но и она, в трубопроводе от бака, до движка начинает крепко остывать при такой-то температуре, начинает загустевать. И уже не течет, а медленно тянется, как размягченный пластилин. Подогрев, конечно, есть, но он же под капотом, а до него еще надо как-то добежать.

Мороз крепчает. Резинки на дверях задубели и скукожились, двери начали греметь, будто они и не закрыты вовсе. Боковые стекла замерзли толстым слоем льда, без единого просвета. С лобового стекла на “торпеду”, а потом и дальше в салон катит густым слоем туман, или холодный пар, как в каком-то фильме ужасов. Дорогу видно лишь в маленькие сферы, куда усиленно дует печка.

Скорость совсем упала, и временами я теряю себя в пространстве,

не понимаю, где я еду, и в какую сторону. Уже глубокая ночь, – три часа. Трасса пустая, так и не встретилась ни одна машина. Двигатель начинает подвывать, – ему не хватает воздуха и топлива. И сам я начинаю подвывать тоже. Понимаю, что если сдохнет дизель, то через полчаса и сам я сдохну, ни что мне не поможет, ни какое чудо. Это состояние сложно передать для понимания. Кажется, что душа стынет и замирает, замирает не от мороза, а чисто от страха. Страх накатывает и становится просто ощутимым, он рядом, он уже переполняет меня. Он уже перерастает в какую-то панику, в оцепенение от нахлынувшего ужаса, от неизбежности трагического финала. Хочется кричать, но и кричать не можется, дышать-то полной грудью, и то не можется.

Пытаюсь отвлечь себя от дурных мыслей каким-то анализом узлов и агрегатов машины. Но легче не становится, еще более отчетливо начинаю понимать, с каким трудом движется машина. Тормозуха в шлангах замерзла. Один раз нажал на педаль тормоза и она так и осталась в нижнем положении.

Со сцеплением такая же история. Его просто нет. Скорость как была включена на третью, при подъеме в гору, так и стоит, уже ни выключить, ни включить какую-то другую передачу невозможно. Педаль газа нужно с усилием держать, вдавливая в пол. Только чуть даешь слабинку, машина резко тормозится, словно кто-то огромный прихватывает сзади и держит очень усердно.

Слышу как жалобно и безысходно воют мост и раздатка. Понимаю и представляю, как там масло раскидало по стенкам, и оно загустело, замерзло и не стекает, – трансмиссия работает на сухую, и воет до гусиной кожи на спине.

В таком состоянии, на грани полного отчаяния, еду почти час. Впрочем, это уже не имеет большого значения, время вообще остановилось. Вижу, как дорогу, в свете фар, перебегают какие-то девчонки, в белых, развевающихся платьях, беззвучно смеются, оглядываясь на меня. Волосы развеваются на морозном ветру, а из раскрытых, смеющихся губ вылетают клубы пара. Пытаюсь затормозить, но понимаю, что это невозможно, да и не нужно, ведь девчата уже перебежа-

ли через дорогу и скрылись за обочиной, скрылись из виду. Какие они веселые и воздушные...

... Какие девки? Да еще и раздетые! За бортом -60! С усилием освобождаюсь от видения, стряхиваю его с себя. Понимаю, что это табунок оленей в ореоле взвешенного снега, инея, пара, вырывающегося из ноздрей.

Всматриваюсь в цифры на спидометре: до дома семьдесят километров. Снова лента дороги... Семьдесят! В добрые времена это каких-то двадцать минут. А теперь я с ужасом представляю этот отрезок пути и явственно осознаю, что мне его не осилить! Не дотянуть....

С надрывным треском лопается приводной агрегатный ремень и руль в ту же секунду встаёт колом, не проворачивается совершенно. Понимаю, что сдох гидросилитель. Лопнувший ремень намотался на шкив и стал колотить свободным концом по капоту, колотит так, словно там замуровано с десятков зомби, – это в каком-то кино видел, как они колотились в крышки гроба. Звук ударов ремня по капоту действительно жуткий, представил, как далеко он разносится по окрестной тайге и пугает попрятавшееся от мороза зверье.

Был бы бензиновый двигатель, заглох бы без зажигания, ведь аккумулятор-то на таком морозе моментально разряжается. А дизель тянет! Чихает, стреляет, задыхается, воеет по звериному, но пыхтит и тянет!

Движение замедляется с каждым километром, вой двигателя все жалобней, все прерывистей... Как доехал, и до сих пор не понимаю. Доехал! Вдруг в свете фар появились дома с темными окнами, высокие белые сугробы, не надутые ветром, а накиданные лопатами, появились приземистые, вросшие в снега гаражи. В кочегарке светится окно. Доехал... Доехал. Уже возле самого гаража чуть отпустил педаль газа и машина просто встала, словно уперлась в стену. Двигатель, еще пару раз утробно хлопнул обрывком ремня по капоту и стих. Как-то не хотелось думать, что он заглох, он именно затих, после того, как выполнил неимоверно трудную работу.

Из кочегарки выскочил на мороз Пашка, сосед. Качает головой, словно он знает, с какими трудностями я добрался до дома:

– Все-таки приехал? А я думал, что Галинка мне достанется. Хм, приехал...

– Мели, Емеля!

Дрожащими руками открываю гараж, и мы с трудом заталкиваем туда закостеневшую машину. Закрываю ворота и рассматриваю свою спасительницу, как какое-то чудо. Под гаражным освещением она и правда, выглядит, как неземной аппарат, кажется, я её такой никогда не видел. А еще машина кажется ужасно уставшей, даже состарившейся за эту дорогу.

В тепле гаража начала потрескивать и стрелять с мороза краска на крыше.

Спина гудит и руки трясутся, – не так это просто крутить баранку без гидроусилителя с замерзшим внутри маслом.

Надо было идти домой, успокоить Галину. Уже робко светилось, пробивалось сквозь дикий мороз скупое, северное утро, а я все торчал в гараже, не мог оторвать глаз от своей машины.

Хорошо, что я работаю шофером. Был бы я, каким-нибудь депутатом, ни за что не доехал бы.

ФИЛИМОНОВ
Владимир Иванович

Уроженец Мишкинского района. Автор нескольких сборников стихов. Составитель книг общественно-политической направленности. Член Союза писателей России.

ШКОЛЬНАЯ ТРОПИНКА ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

Вы бывали в 55-й школе? Ах, вы не бывали... А зря. Где еще есть такая, в коридорах которой бродят запахи близкого соснового бора, а в классах витает дыхание цветов и трав с местных огородов? Не может быть, скажите вы. И окажитесь неправы. Она здесь, рядышком, в Глинках, в пригороде Кургана. Именно сюда я был однажды приглашен учителем русского языка и литературы Тамарой Сергеевной Бирюковой на встречу с ее учениками. И не пожалел о проведенном часу, на котором звучали стихи зауральских поэтов. Потом я бывал там снова и снова, и не переставал удивляться мастерству преподавателя: четкие планы, подготовленные выступления любопытных и пытливых мальчишек и девчонок – настоящие уроки человеколюбия, поэтического волшебства, заинтересованности.

Вся жизнь Тамары Сергеевны связана с образованием, с профессией учителя. После окончания пединститута – работа в Лесниковской средней школе, в Сумках, в Байдарах.. Это все знакомые, дорогие и близкие мне места. Особенно – Сумки. А как без них? Ведь именно здесь прошли и мои школьные годы...

Но не буду отвлекаться от темы повествования.

Сама судьба определила Тамаре путь по имени “учитель”. С раннего детства даже папа называл ее не иначе, как уменьшительно-ласково “наша тамарочка сергеевна”, как бы подчеркивая будущую значимость и предначертание этого имени. А если вспомнить, что и бабушка ценила и уважала труд учителя, то становится ясно, что иного пути для юной Тамары просто не существовало. Так и повелось: сельский учитель, классный руководитель, директор школы... 40 лет педагогического стажа! Это результат, и результат более чем весомый.

“В душе человека есть одно чувство, которое своим присутствием или отсутствием делает человека счастливым или несчастным в его жизни: это чувство необходимости, своей нужности народу”, – писал когда-то военный журналист, поэт Константин Симонов.

Такой же нужной для своих учеников стала и Тамара Сергеевна, не мыслящая себя без школы ни поступками, ни помыслами. Именно в ней она видела смысл своего бытия и предназначения.

Ее путь в образовательную систему по большому счету был весьма интересен: начинала с няни в детском саду, продолжила воспитателем, стала студенткой... И остановилась лишь совсем недавно, пройдя все стадии развития и самосовершенствования. Она несла в себе учительское “море света”, то качество, о необходимости которого так призывал всех педагогов великий Сухомлинский. Она впитала это “море” от своих наставников – преподавателей Целиноградского пединститута, от наставников Головина Дмитрия Фроловича, от методиста Курдюмовой Тамары Федоровна, других преподавателей и библиотечарей инновационно-методического центра и института повышения квалификации (ИРОСТ) города Кургана.

Тамара Сергеевна училась всю жизнь. Не ошибусь, если скажу: как и каждый уважающий и себя, и своих учеников, преподаватель. Ей было с чем идти к детям. Она не подбирала их по разуму или росту, а учила всех, как она говорит – кого Бог послал, работала по принципу, который определил теоретик педагогического искусства Ян Коменский: “...”Куда не влекут способности – туда не толкай. Пусть каждый ученик идет вперед в том, к чему его влечет скрытый инстинкт”.

Поэтому основным постулатом работы учителя Бирюковой был именно этот принцип.

Помнила она и наказ Дмитрия Лихачева: “Человека создает средняя школа...” Поэтому главной своей целью она ставила воспитание человека, личности. Не соглашалась с тем, чтобы “втолкать” в учеников как можно больше знаний, зная, что при таком подходе возникает острейший дефицит духовной и национальной культур. Поэтому постоянными гостями на ее уроках были именитые хлеборобы, работники культуры, писатели, артисты, знатные рабочие. Так воспитывался в юных душах будущий Человек Труда.

Не останавливаясь на простых уроках, она создавала и вела кружки “Вокруг тебя - мир”, “Основы нравственной культуры”, “Уроки Лихачева”, “Литература родного края”. Она любила и любит всех своих учеников и прошлых лет, и сегодняшнего дня. Рада и гордится, что среди них есть одаренные дети, настоящие труженики. А самое главное – что из них вырастают хорошие люди.

Взяв во главу угла самое главное – индивидуальность каждого ученика – на мой взгляд Тамара Сергеевна достигла высшей характеристики деятельности педагога: ее труд превратился из обычной деятельности учителя в труд творческий. Недаром поощрена Почетной грамотой Министерства образования и науки России!

Постоянно ищущая новые формы работы, активный участник “Потанинских чтений”, автор достаточного количества статей по педагогическому обмену опытом работы, Тамара Бирюкова ушла на пенсию, но свой талант педагога обратила на воспитание внуков. Их у нее двое, первоклассница Екатерина и двухлетний карапуз Лев. И я уверен, что с помощью бабушки из них вырастут настоящие граждане нашего Отечества!

КУЗНЕЦ

У запруды за оврагом
Кузня сельская видна,
Сажа вьется черным флагом
Из раскрытого окна.

За версту углем печеным
Пахнет раскаленный труд,
А по щелям прокопченным
Тараканы не живут

Травкой чахлою, седую
Кузницы зарос венец.
Говорят, что бороною
Неспроста трясет кузнец:

Может с луком шматик сала
Быстро с хлебушком умять,
Меч переварить в орало
И назад перековать;

Водит дружбу он с чертями,
Из болота ждет вестей
И плетет, плетет ночами
Нити колдовских сетей.

Мол, не зря огнем вздыхает
Допоздна сипящий мех...
И бежит молва лихая
Глупым – в мысли, умным – в смех.

Кузнеца боятся девки
С каждой улицы села.
Ну, а он поет припевки
Про железные дела.

ПАСТУХ

Утро новое настало,
Тише зазвенел ручей,
В травах росных заблистала
Сказка солнечных лучей.
В буераках, по болотам
Лег туман, как мокрый пух...
Первым на селе дремотном
Просыпается пастух.
Про запас куснули кони
Стог хрустящий за бока.
На дворе запел подоюник
Под струёю молока.
Щелкнул кнут, как сочный выстрел,
Пыль встревожив на кустах:
“Эй, хозяйки, ну-ка, быстро
Отворайте ворота!
Выгоняйте-ка коровок,
Мы пойдем за дальний плёс,
Ведь в работе очень ловок
Мой лохматый, верный пес.
Кто даст пышку, кто - яички,
Кто - парного молока,
А в полях займу водички
У Кривого родника”.
Солнце жжет, рукав залатан,
В грозы долго ль до беды,
Невеликая оплата
За великие труды.
Стадо взял. И будто не был.
Исчезает ночь вдали.
Знать, пастух ее по небу
Гонит до конца земли.

ПАМЯТИ

*Ольги Алексеевны Макаренко, воспитательницы детского сада
села Сумки в 50-х годах прошлого века*

Ольга Алексеевна
Сединой усеяна,
Ольга Алексеевна-а-а! –
Провода звенят,
Тучная и звучная,
Вечно человечная.
Ольга Алексеевна,
Помните меня ?

Вспомните “морозливо “
Детский сад у озера:
Чуть не между грядками
Плещется приборь,
Как сильны традиции –
Небо часто снится нам,
Ведь забор вокруг садика
Сплошь был голубой.

Что нам детство давнее
В памяти оставило?
Песенку под елкою
Да сосальный лед,

Беготню за мячиком,
Пряники от зайчика,
За больным на озеро
Севший самолет...

Ольга Алексеевна,
Песенка та первая
Самую хрустальнойю
Кажется теперь,
Если плохо станет мне
На людском экзамене,
Вы откройте, встретивши,
В детство ту же дверь.

По траве и лесенке
Ходят ваши крестники,
Вспоминают изредка
Крепость детских снов,
Розовую краскою
Плещутся рассказы их,
И ведут в детсадики
Собственных сынов.

ПАМЯТИ

*Антоновой Александры Яковлевны,
жившей в деревне Коровье Мишкинского района*

Есть в России селенье Коровье,
(Для страны села – килевый брус),
Там живет моя тетка по крови,
Я племянником ей прихожусь.

И когда я туда приезжаю
На минуты из длинных годов,
То всегда и во всем поражаюсь
Многопудью крестьянских трудов:

Огород, поросята, корова,
Пчелы, дойка, утята, зарод,
Солнце встанет, и с утречка снова –
Куры, боров, семья, огород.

На домашней, колхозной работке
Дел не сробишь семь раз не взопрев,
Не с того ли и пальцы у тетки
Так похожи на корни дерев.

ФРОНТОВОЙ ХИРУРГ

Я спать хочу сейчас.
И только спать.
Не более, не менее того.
Но вынужден я встать, и снова встать,
чтобы отнять у смерти торжество
над плотью человеческой.

Един
Господь наш
над всем сущим и велик.
но ныне я и Бог, и господин.

Сержанту – спирта!
Пусть повеселится,
вот этому, с размолотой ногой.
Не хочет резать? Резать!
Но другой
он долго будет топтать по землице.

С вершины хирургического трона
пришлось мне опускаться много раз:
и скальпели точить(!), а для тампонов
использовать раздерганный матрац.

Пусть проклятым
мое завянет имя,
когда в косяк
не стукнет головой
обрубок тела.
Но живой, живой!

Вернитесь все домой хотя б такими...

УКРАИНЦЕВ
Александр Михайлович

В 1978 г. закончил Курганский пединститут по специальности история-обществознание-английский язык. Преподавал в сельской и городской школах, в Курганской государственной сельскохозяйственной академии им. Т.С. Мальцева. Начинающий автор. Публиковался в местных газетах. Работает над рассказами и киносценариями.

ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ

Автобус пылил по удивительно красивой местности: за окном чередовались берёзовые колки, овраги, озёра, поля и луга. Лес становился выше, превращаясь в тёмный сосновый бор. Потом он снова стал светлее и, внезапно расступившись, открыл за своими кулисами круглое лесное озеро и старое село в несколько улиц на своих берегах. Серебряные крыши, осыпанные золотистой листвой, скрывались в берёзовой роще за озером.

Школа уже была закрыта, и его проводили к дому директора школы, оказавшегося добродушным лысоватым дяденькой, который уже знал по звонку из райцентра о прибытии нового учителя.

Поселили его у бабы Варвары, хозяйки высокого крестового дома с большими крепкими воротами и обширным огородом. В переднем дворе, поросшем конотопкой, было несколько поленищ дров. На границе между двором и огородом стоял на одной ноге журавль колодца в берёзовом срубе.

На следующий день на педсовете он был представлен коллективу как учитель истории. Историю полагалось вести во всех классах, тем

не менее, до ставки не хватало восьми часов, и поэтому молодого учителя «догрузили» уроками труда. Эти уроки сразу стали камнем преткновения, ибо провести их в соответствии с программой было невозможно: не хватало материального обеспечения, после всяческой теории и техники безопасности наступил «кризис жанра». И тогда, по предложению молодого учителя и с согласия директора, на уроках труда стали заниматься авиамоделированием.

Срочно из разных источников и разными путями в школу были доставлены коробки с чертежами и материалами для строительства моделей планеров и самолётов. Доска в кабинете труда теперь была испещрена чертежами фюзеляжей, крыльев и хвостов. Словарный запас учеников теперь изобилдовал экзотическими для деревенского уха словами: нервюры, лонжероны, консоли, иллюминаторы и шасси. На последних страницах тетрадей карикатурные портреты уступили своё место изображениям истребителей и ракет.

– Нужно ли сельскому школьнику детально изучать бомбардировщик? Может быть, полезнее для него научиться делать табурет? – высказала свое мнение Евгения Николаевна, учительница русского языка, на одной из планёрок.

– Или подставки под цветочные горшки новые бы сделали, – поддакнула учительница биологии.

– Главное, что они теперь сверлят, строгают, клеят и разбираются в чертежах, – вымолвил своё веское слово Елисей Петрович, – а придёт время, они вам и табурет сделают... С пропеллером!

Первый урок истории он провёл в четвёртом классе. Это был вводный урок «Рассказов по истории СССР». Учитель понимал всю важность своей задачи: вызвать интерес к образу жизни своего народа в далёком прошлом, к его героической борьбе с внешними врагами и природными стихиями. И вначале было видно, что ребятишкам интересно было внимать рассказу нового учителя, но он вскоре заметил усталость юных слушателей и понял, что проявленный интерес, скорее, был направлен на него, нежели на предмет изучения. И тогда, по какому-то наитию, он, скомкав план, начал задавать вопросы детям об истории их села.

Как он понял позже, уже дома, готовясь к следующему уроку, особенно удачным был первый вопрос, именно он подтолкнул ребятшек к активному диалогу: это был вопрос о церкви, расположенной на противоположном от школы берегу. На провокационный вопрос, не ходят ли юные пионеры в церковь, от одного ученика он услышал: «Не-а. Пионерам нельзя. Да нам и ни к чему – двоедане мы. Так моя бабушка сказала».

– Да, и «третья сторона» тоже в церковь не ходит.

На следующий день, когда директор поинтересовался успехами молодого коллеги (директор тоже был историком), тот рассказал об эпизоде с церковью и признался, что сам недопонимает этот период церковной истории.

– Да, вот он пример, как история проходит через семьи, которые разными её потоками были занесены в одно и то же село. Его основали старообрядцы, они же двоедане, последователи протопопа Аввакума. Ушли они подальше от преследовавших их сторонников патриарха Никона, реформатора старых церковных традиций. Так староверы выразили свой протест не только против реформ церковного уклада, но и против усилившегося гнёта, особенно в правление Петра. Позже, в середине девятнадцатого века, сюда были присланы казаки, для охраны южной границы, они расселились на «высоте», то есть на том берегу, отдельным селом. А в коллективизацию и в «целину» новые поселенцы своими постройками соединили «две стороны», сами превратившись в «третью». Вот такая история с географией.

Полученные знания он потом использовал в рассмотрении вопроса о церковном расколе в седьмом классе.

Сентябрь выдался по-летнему тёплым. На душе было светло, но в мыслях тревожно. Он осознал, что рушилась вся его прежняя жизнь, что впереди было что-то необычное и новое, новое в его личном времени, новое в его судьбе и в отношении к этому миру.

Выходя во двор, поросший конопкой, он любил подставлять лицо лучам тёплого сентябрьского солнца и, закрыв глаза, думать о самом себе: создал ли он сам те обстоятельства, в которых он сейчас находился, или они сами с неотвратимой неизбежностью надвигаясь на

него, вовлекали его в какие-то ещё не осмысленные им процессы. Кто его знает! А действительно, кто знает?

Его философствования прерывались бабой Варварой, вышедшей на крыльцо с огромной периной:

– Возьми, милоч, положи её на рось, я ещё другую вынесу сейчас.

И, выйдя с другой периной:

– Ты чего ж, кесарь мой, стоишь посреди двора и крутишься, как наш Полкан за своим хвостом?

– Да вот «нарось», соображаю, где.

– Где-где. Где прогрето солнышком, да где светло, там и рось у нас будет, да вот хотя бы на поленнице.

Новым для себя открытием решил поделиться с опытной учительницей русского языка, Евгенией Николаевной, дамой бальзаковского возраста.

– Да, слышала, говорят у нас такое, но я что-то не задумывалась...

А вот у Александры Станиславовны спросим, она только что институт закончила, память у неё свежая, знания широкие.

Слышавшая разговор с самого начала, Александра Станиславовна не стала отказываться, ссылаясь на короткую перемену:

– Надо подумать... – Скосив свои большие карие глаза в правый верхний угол, она проговорила как бы про себя:

– Россь-рось, – так: русь, роса, русский, русак (ну, заяц такой), рысь, хотя нет, – а почему нет? – она же бурая, кажется, то есть светлая, рыжая, ну вот, – рыжь, рысь то есть... что-то такое, я думаю.

Выдав свой такой блиц-анализ, добавила задумчиво:

– Хотя на занятиях нам говорили, что рось – это вода, река, так даже Волга называлась в древности. Но ведь бабушка имела в виду светлое место. Мне кажется... Хотя полисемия... – Здесь раздался звонок. – Не знаю, сударь, что ещё предложить, – задорно вскинув брови, она с журналом и тетрадками покинула учительскую.

– Интересно, но надо идти сеять. Вечное, разумное, доброе, – поднялась со своего места и Евгения Николаевна.

– Как будто это карамельки раздавать, – промолвил завуч Сергей Михайлович и тоже взял журнал.

Додумывал сам: что там сказала Александра Станиславовна? Русь – это река? Нет, не русь, а рось. Рось, русь – запутался. Так, так, так... Значит, рось – река, рось-русь, – русло, ну да, русло, – это то, в чём река, эта рось бежит, там ещё русалки водятся, то есть такие водяные девушки, они еще «на ветвях сидят». Кстати, водиться, наверное, тоже от воды. Ну и причём тут вообще вода, речь-то о чём шла? Хотя, в принципе, река тоже чаще всего светлой бывает, как и вода, вообще. Куда-то меня в сторону занесло: ведь бабушка сказала не русь, а рось – светлое, прогретое и высушенное солнцем место. А вот Россия, значит, вообще большое светлое пространство. Ага! Значит, Россия – это светлая страна! А русский народ – народ светлых (русых) людей.

Золотая синева сентября звенела моторным рокотом комбайнов на полях, стрёкотом веялок на колхозных токах и воем перегретых движков, пылящих по дороге на элеватор автомобилей. Дважды, по специальному графику, все учителя и ученики выпускного класса работали на току: урожай выдался отменный, а рабочих рук практически во всех цехах не хватало. Здесь, на току, бригадный характер труда требовал хорошего взаимодействия, и это предрасполагало к сближению людей, ранее знакомых только поверхностно. В перерывах, когда не было машин с зерном, сидя в пшеничном гурте, он разговорился с той самой молодой учительницей, выпускницей пединститута, которую звали Александра. Но ученики, он это слышал, называли её Акулой, ибо фамилия Александры была Акулова. Характер «Акулы» удивительно сочетал категоричность, а в чём-то и резкость суждений, с готовностью поделиться самым необходимым, взять на себя самые обременительные обязанности. Она была разговорчивой и откровенной в беседах, лёгкая ирония по отношению к себе и иногда к предмету разговора, отточенность фраз, подчеркивали её незаурядный ум и эрудированность. В её больших карих глазах пряталась тайна, которая притягивала и требовала разгадки.

– Саша, ты такая умная! Так смотреть на очевидные истины! Видеть их истинный смысл и значение!

– Да что вы, сударь, это критика умная, а ещё умнее наши преподаватели: они жизнь эту не по книжкам узнавали. Хотя, посмотрели

бы вы на наших парней – вот кто умницы. А я – так, воспроизвожу только.

– Нет, знать такое! Ведь потом и самому можно дальше двигаться...

– Конечно, но для этого надо приобретать жизненный опыт. «Надо интересно жить», – говорил наш профессор Караткевич.

Однажды, смыв с себя «пыль полей» в общественной бане, он решил пройтись не по центральной улице села, пыльной и шумной, а по околице, жившей, как он смог убедиться, своей, чуждой всяким заботам, жизнью. В гладь озера погружался уже неполный диск солнца, окрашивая и воду, и воздух в теплоту золотистых оттенков. В безмолвных камышах покрякивали утки, не ведая, что уже на утренней зорьке мирной утиной жизни наступит конец. А пока кузнечики, одурев от прилива последнего тепла, взахлёб стрекотали о своём счастье.

Он подумал, что ещё недавно в его жизни всего этого не было и всё было не так. Он вспомнил дядю Колю, Витьку, Светку, своих одноклассников. Память и воображение нарисовали ему обстановку родного дома – возникло чувство щемящего одиночества. Наверное, это было впервые в его жизни, раньше он просто скучал по дому. Интерес перед новым, что приходило в его жизни, с каждым днём увлекал его в непрерывную череду событий. Но вдруг он понял, откуда это тревожное чувство покинутости: завтра его день рождения, на который никто не обратит внимания, ибо никто не знает об этом «знаменательном» событии.

Он был приятно удивлён, когда утром, входя в учительскую, услышал аплодисменты – все учителя встречали его стоя. Отделившись от всех, учительница литературы (это была, конечно же, Акула), прочитав подобающее данному случаю четверостишие, преподнесла имениннику цветы. Была пятница, ничто не препятствовало коллективу отметить совершеннолетие прибывшегося к их стану коллеги. И откуда что взялось: деревенские разносолы вмиг украсили стол. Произнесли тост за здоровье именинника, за его светлое педагогическое будущее, пошли разговоры о погоде, о видах на урожай, об успеваемости, о лентях и «умничках», о деревенских и городских новостях.

Раньше других заторопился уйти Елисей Петрович. Прислонив разгорячённый лоб к окну, выходящему на озеро, он сказал, чтобы заканчивали без него, ибо у него заболела голова и вообще... – и, чтобы выразить это «вообще», он сделал рукой витиеватый пируэт вокруг своей головы:

– Будьте на высоте требований современных документов партии и правительства.

Удалился, как стало очевидно минут через пятнадцать, на то самое озеро, на которое выходило окно из учительской. У противоположного берега виднелась лодка, откуда велась стрельба по уткам – в лодке угадывалась грузная фигура Елисея Петровича. Открылась осенняя охота – охотники двинулись за своими трофеями. Двинулся и Елисей Петрович.

– Как ваша охота? – интересовалась назавтра общественность школы успехами своего директора.

– Как всегда, с середины на половинку.

– Елисей Петрович, расскажите о самом забавном случае на охоте.

– Ну, много было разных случаев, все сразу как-то не приходят на память. Тут важно что? Многие думают, что охотник – изувер, истребляющий всё живое. Да, и такие есть, дикарями я их называю, но большинство не такие. Умеют понимать и жалеть природу: ну, вот кто вычистил это озеро? Безвозмездно, вне рабочего времени, методом субботника? Да мы, охотники и рыболовы – чтобы рыба была и птица. А случаи... Сама жизнь – забавный случай. В середине января двадцать пятого года я появился на свет, рос крепким, забавным малышом, в четыре года уже был подпаском у брата, колхозного пастуха. Но это, конечно же, незабавно, забавное случилось позже, когда я, решив поторопить кобылу Чалку, ударил её хлыстиком по задним ногам: мир померк сразу. Забавно, что меня выходила деревенская знахарка, а на память о том «забавном» случае вот этот сплошной шрам вокруг правого глаза. Потом воевал, прошёл всю войну, и ведь – ни одной царапины. И уже десятого мая меня, возвращающегося с интендантского двора, настигла пуля, будем считать, шальная – вот

это забавно. Вот так, мои юные друзья. А на охоте... Ну что ж, и на охоте бывают забавные случаи...

В один из октябрьских деньков, туманных и безветренных, несколько учителей, в основном молодых, предприняли вылазку на природу. Мероприятие предполагало сбор грибов, пение песен у костра и шашлыки. Развели костёр, девушки занялись подготовкой «стола», желающие двинулись по грибы. Да, грибы были, это стало ясно, как только он достиг противоположной опушки леса. А сколько их должно быть в том лесу! Только вспаханное поле перейти.

Он пробирался сквозь такую чащобу, что дневной свет совсем не достигал утробы этого леса. Но это был лес рукотворный – так называемые, посадки, ели, поднявшиеся регулярными рядами, очень густо и цепко переплетённые ветвями-лапами. Наверное, уже тридцатилетние. Не очень трудно было бы идти между рядами этих елей, но идти надо было в другом направлении, и приходилось прорывать оборону сплотившихся во мраке деревьев, не желавших здесь ничего присутствия. Неожиданно для себя он пришёл в азарт от своеобразной борьбы с лесом, стал видеть отдельные прорехи в обороне противника, проходы и даже целые коридоры. Тогда он понял, что лес не противник, а может, даже друг, который укроет и защитит, если по его пятам будет гнаться враг. Вспомнил сказку об Иване-царевиче, который бросил через плечо гребешок, вставший на пути его преследователей непроходимым лесом. В его воображении возник образ того, былинного леса, с вековыми деревьями-великанами, с полянами, полными ягод, с топкими болотами, посреди которых, кособочась, стояли избушки на курьих ножках, и по незримым тропам которого продвигались его извечные обитатели.

К лагерю он вышел, когда все уже собрались домой и гадали, где искать заплутавшегося грибника.

Сентябрь облетел листьями отрывных календарей, октябрьские дожди сменились ноябрьскими снегопадами: подходила к концу первая четверть. К очередной, шестьдесят первой годовщине Октябрьской революции, праздновавшейся 7 ноября, школьная и сельская моло-

дѣжь готовила концерт. Все были привлечены к участию. Был привлечён и он, чему был рад.

Не тряхнуть ли стариной? Он вспомнил, что когда-то в пионерском лагере он пел в хоре и был даже солистом. И вот теперь ему снова предстояло выйти на сцену. На сцену сельского клуба. И десятки глаз будут всматриваться в его лицо и глаза, искать в них те чувства, которые были заложены авторами не только в музыку и слова, но и в исполнение. При выборе песен исходили из того аккомпанемента, который имелся в наличии. А в наличии имелись баян, аккордеон и гитара.

Акула весьма прилично владела гитарой, но с самого начала заартачилась, заявив, что в «монтажах» не участвует. Но потом, после уговоров, согласилась только аккомпанировать.

Концерт открывался «Левым маршем» Маяковского. Затем в дуэте исполнили песню о тревожной молодости, для исполнения это была непростая вещь, но девушка Настя, со звонким голосом деревенской куплетистки, достойно справилась со своей партией. Сказались репетиции, хотя именно на них он засомневался в успехе: Настя то ли преодолевая своё смущение перед напарником, то ли из простого озорства, всякий раз, когда в зал входил Андрей, высокий вихрастый блондин, недавно пришедший из армии, начинала куролесить: то залихватски выдавала частушку, соответствующую моменту, то, раскапризничавшись, начинала призывать к смене репертуара, баяниста и времени самих репетиций. Но внезапно, чаще всего, когда Андрюха выходил, всё вставало на свои места: прекрасный голос Насти звучал даже лучше, чем до её выкрутасов. Через два номера он исполнял «С чего начинается Родина», соло, – песня получилась, хотя полного размежевания с манерой Бернеса достичь не удалось.

– Пойдёт для сельской местности, – вынесла свой вердикт Акула.

Публика жаждалась чего-то лирического, эстрадного, и артисты, кстати, тоже. Потакая настроениям зрителей, были исполнены частушки на актуальные темы деревенской жизни, высмеивающие «разные проявления». Здесь, разумеется, блистала Настя. Затем были сценки из производственной жизни колхозной молодёжи – публике они

особенно нравились, и все очень смялись. Ещё одной вещью, исполненной им на этом концерте, была песня о тумане, который «окутал землю вновь», это была песня из кинофильма «Хроника пикирующего бомбардировщика». Аккомпанировала Саша.

*Далеко-далеко
За туманами любовь.
Долго нас невестам ждать
С чуждальной стороны.
Мы не все вернёмся из полёта,
Воздушные рабочие войны.*

Были спеты последние строчки песни, и после паузы зазвучали аплодисменты.

– Уф, вроде получилось, даже лучше, чем ожидалось.

– Сойдёт, – отозвалась Акула.

Он заметил, что ему нравятся все девчонки: и Настя, и Акула, и ещё вон та, которая, не отводя глаз, смотрит на него, когда он на сцене. Он понял, что страстно хочет влюбиться.

Расходились за полночь, ибо после концерта были танцы или, как их называл Елисей Петрович, свистопляски.

«Молодёжь, как молодёжь. Такие же, допустим, как и мои одноклассники или городские ребята», – подумалось ему. Поделился наблюдением с Акулой, та согласилась, но добавила:

– Хорошо уже то, что иллюзий у деревенских меньше, чем у городских.

– Не понял, причём тут иллюзии?

– Притом, что, как сказал один китайский поэт, чем уже горизонт иллюзий, тем короче дорога разочарований. Впрочем, если считать иллюзии идеалами, то важнейший из них – идеал светлого, счастливого будущего есть у каждого поколения.

– В чём же он состоит?

– Если говорить о нашем поколении, то в вере, что технический и общественный прогресс сделает каждого человека счастливым.

– Ну да, если хотите. Но нынешняя молодёжь состарится, и поколение наших детей выдвинет перед собою другие иллюзии, другие иде-

алы, провозгласив иллюзии своих отцов глупостью, выбросив их на свалку истории вместе с их сундуками, буфетами, картинами.

– Наши дети откажутся от достижений в космосе, в освоении атомной энергии – вы хотите сказать?

– Именно, если это не будет приносить реальной, повседневной пользы. Но я думаю, что и в будущем, в величественных дворцах, как мы сегодня в сельском клубе, наши дети будут читать поэмы о колосящихся полях и о своей Родине.

– Ага, и о нас с Вами, сэр.

Прощались в полной темноте, снег ещё не выпал, но ночной морозец уже щипал за уши. Остановились у калитки.

– Акула...

– Что?

– Ничего, просто хочется поцеловать тебя.

– За что?

– За то, что ты хорошая.

– А-а, ну за это можно, – и она подставила щёку.

– Нет, не так.

– Не так? А как?

– Вот так, – он заключил её голову между своих ладоней, прикоснулся губами к её губам и понял, что не знает, что делать дальше, ведь «вот так» он ещё не целовался. Но сразу почувствовал, что такое женская инициатива. Неподатливая, сопротивляющаяся эластичность чужих, непонятных, но таких желанных губ, запах женских волос и кожи, морозного воздуха и одежды, пахнувшей дамской парфюмерией – всё смешалось во взрыве чувств, нахлынувших на него в этой звёздной ночи.

«Господи! Что это?! Это то, что называется счастье, это любовь?! Или за этим есть что-то ещё?»

– Саша, Сашенька, Акула!

Она вдруг отрезвляюще и капризно:

– У тебя такие острые зубы!

– А у тебя... у тебя... вкусные губы.

– Ну, что ж, на сегодня обмен анатомическими особенностями друг

друга закончен.

- Саша, Санечка!
- Всё, всё, милый.

На следующий день, это было четвёртое ноября – официальное и традиционное окончание первой четверти. Завуч принимал отчеты по успеваемости, директор на общешкольной линейке говорил об общих итогах работы коллектива и о необходимости соблюдать правила безопасности в жизнедеятельности, и особенно на льду, в период осенних каникул. Потом классные руководители проводили классные часы. И хотя всем всё казалось ясным и простым, формальности заняли всю первую половину дня. Только после этого «городские» учителя поспешили на автобус, чтобы уехать на железнодорожную станцию, а оттуда на электричке – в город.

Всю дорогу он зачарованно смотрел в огромные карие глаза Акулы. Она загадочно улыбалась, словно догадывалась о чём-то таком, что могло открыться только ей. Внезапно в её взгляде мелькнуло удивлённое недоумение: кто это рядом, что ему надо? Она закрывала глаза, и вновь открыв их, смотрела на него уже с жадным любопытством: какой ты, что тебе надо, зачем это тебе?

Простились у девятиэтажки, где жили её родители. Она показала своё окно, пригласила зайти. Но оба понимали, что это только ритуал, – времени до его поезда оставалось лишь столько, сколько нужно было, чтобы добраться до вокзала: поцеловались долгим, нежным поцелуем:

- Увидимся!
- Конечно, пока.
- Пока!

Состав мчался на юг, в самую степную часть континента, колёса вагонов азартно выстукивали ритм вedomой только им песни: через два часа он будет дома. Ему, озябшему, обалдевшему от дороги, откроет мама, и, пока он будет умываться, она накроет на стол и расстелет постель. А потом будет рассматривать его, обжигаящегося горячим борщом, распознавая в нём своего сына.

Именно так и было. А наутро был ещё и сюрприз, хотя весьма и весьма ожидаемый.

– Сынок, я тебя на ночь не стала беспокоить... Ну, в общем, это тебе – повестка из военкомата...

...Поезд медленно тронулся. По перрону, совсем близко от окна, шла мама, улыбалась ему сквозь слёзы – он «уходил» в армию. Только через две зимы он снова увидит её. Чтобы снова уехать. Учиться на историка. И искать свою Акулу.

ХАРЛОВА
Наталья Алексеевна

Много лет работала директором Верхнеярского сельского Дома культуры. В 2011 году вышла на пенсию. Член литературного клуба "Исетский причал".

ИСТОРИЯ АННУШКИНОЙ НАГРАДЫ

Я расскажу историю о женщине одной,
Её судьбе нелегкой и жизни не простой.
Возможно, что кому-то придётся не впервой
Судьбу моей Анюты сверять с своей судьбой.

* * *

В Дубраве это было, в одной большой семье:
Григорий и Мария, их семеро детей,
Хоть очень трудно жили, но дружно, а не врозь.
«Где дружно, там не грузно, а вот поврозь – хоть брось».

Повалком на полатах, а то и на полу,
Зато при маме с тятьей, и весело в доме.
Родители жалели, детишек берегли,
К труду всех приобщали, учили, как могли.

Наказ давали: «Предков ценить и уважать,
Фамилию чтоб – Коневы – сумели оправдать.
Бывало говорили: «Он работяга, конь,
Он крепкий дюже, сильный. Ну, просто, Конь-Огонь!»

Но грамоте учились, уж сколь кому пришлось,
И всем четыре класса окончить довелось.
Четвёртая, Анюта, пытливая росла
И в будущем хотела учить детей она.

Но не случилось Ане учительницей стать.
Война... Трех братьев старших призвали воевать.
Всех мужиков в деревне забрали на войну
С фашистом крепко биться и защищать страну.

И некому в «Уральце» пахать и боронить.
На трактора решили девчонок посадить.
Ну, что тут, право, скажешь? В опасности страна,
Кормить солдата надо, а то сожрет война.

Всё – фронту! Всё для фронта! Иначе тут – никак,
Чтобы родную землю топтал, поганил враг?
Да не бывать такому! России не впервой
Держаться в обороне одной сплошной стеной.

И вся страна сплотилась на фронте и в тылу,
Собрав в кулак все силы, в единую броню.
Трёхмесячные курсы в совхозе начались,
На трактористок двадцать девчонок собрались.

Приказ: «День – всем учиться. Другой – дрова рубить,
Чтоб было в учреждениях, чем печи истопить,
Чтоб в яслях детям малым оладушек испечь
С картошечкой да травкой, всё – не голодным лечь.

В 42-м девчонки взялись за «Дальний стан»,
Пахали до потёмок, пока падёт туман,
Работали с усердием, как будто бы в бою,
Ползёт по полю трактор, чуть видно колею.

Их величали Аннами. На деревенский лад
Все звали просто – Нюрками. Так звал их стар и млад.
Шесть Нюрок-трактористок! Бригада «Не робей!»
Одна возила топливо на паре лошадей.

Прослушать сводку некогда. Пахать! Скорей пахать!
И больше хлеба фронту посеять и собрать.
Старалась вся бригада. Простаивать не смей.
И Конева старалась. Быстрей, быстрей, быстрей!

Дневную норму вспашки в два с половиной га,
Всегда перекрывала, до трёх вспахать могла.
И сев – при норме двадцать – за тридцать доходил,
Трудилась Нюра Конева из распоследних сил.

В большом совхозном доме – сплошь нары, топчаны,
С фуфайкой в изголовье девчатам снились сны.
Что снилось им, уставшим, в коротких три часа?
Любви ещё не знавшим, лишь девичья мечта?!

А чуть рассвет забрезжит – они уж на ногах,
Сиденье без кабины, как на семи ветрах.
Всё было... часто плакали, когда невольно,
И рукоятку трактора крутили на ветру.

И силы не хватало, чтоб трактор завести,
Тут бригадир Широков бежал девчат спасти.
И Павел Алексеевич кричал издалека:
“Ну, что? Не получается...! А, ну-ка – в пол-рывка!

– Устали, мои милые? Ни чё... Переживём!
Вот одолеем врага – как в сказке заживём!”

...И одолели врага. Закончилась она,
Чужая, ненавистная, проклятая война.
«Не все вернулись соколы, кто жив, а кто убит».
Никто в родной сторонешке не будет позабыт...

Однажды в сельском клубе погожим летним днём
Собрание собрали, чтобы о том, о сём
Поговорить всем миром, решить как делу быть...
И многие вопросы всем вместе обсудить.

Исчерпана повестка, но все ещё сидят,
А на столе награды в один блестящий ряд,
Гремят аплодисменты, фамилии звучат,
Вдруг: “Конева... Григорьевна!” И ахнул хор девчат.

И ноги ослабели, чуть сердце не зашло:
– Как я? Ведь о ту пору трудиться всем пришлось.
“Указом президиума Верховного Совета СССР
от 6 июня 1945 г. Вы награждаетесь медалью
“За доблестный труд в Великой Отечественной войне
1941-1945гг. № 295”.

Медаль к груди прижала, сама едва идёт,
Как будто что живое в своих руках несёт.
И столько в мире счастья, свободном от войны,
В людских глазах участия, заботы. И вины...

И многим им награды те были вручены
За доблесть, труд, отвагу и честь родной страны.
Прошли лихие годы, но также на поля
Водила Нюра Конева «железного коня».

И молодёжь учила ту технику любить,
Землюшку лелеять, хороший хлеб растить.
И вышла Нюра замуж. И выросла семья.
И детки народились. Всем разума дала.

Муж, Фёдор-свет-Иваныч, весёлый, заводной,
На праздниках он запросто был первым тамадой.,
В совхозе управляющим работал много лет,
Мог в трудной ситуации любому дать совет.

В быту вопросы разные он с легкостью решал,
Не унывал. Народ его за это уважал.
Любили жизнь Шулеповы. И так уж повелось:
Работалось, как пелось, а пелось, как жилось.

И дети, слава Богу, свою стезю нашли...
Все институт закончили и семьи обрели.
Теперь уже и правнуки к прабабушке летят,
Все, как всегда, с подарками... Весёлые... Галдят...

И вот уж девяностый в её календаре,
У глаз лежат морщинки, виски все в серебре,
Но всё она такая же, хоть жизнь и не игра,
Но часто снится трактор... Опять пахать пора.

Всю жизнь она в работе, в заботах. Говорит:
«А как же не работать? На этом свет стоит!»
За всё переживает. Другие времена...
Дервня умирает. Из старожил – одна.

Уж и земля не пашется, пустует всё вокруг...
“А как мы жили раньше-то... Как соберёмся в круг...” –
Сидит и улыбается, слезинки на щеках,
Как жаль, что возвращается к ней юность лишь во снах.

И хочется ей крепкого здоровья пожелать,
Чтоб огненные годы пореже вспоминать.
И верит, что вернётся всё на круги своя:
Деревню восстановят и оживут поля,

Гармошки заиграют, девочки запоют,
И всё опять поправит их благородный труд!
Пусть за окошком хмуро и голова бела,
Живи и здравствуй, Нюра, ты в жизни всё смогла!

**Эта поэма посвящается женщине-матери, труженице тыла
из деревни Дубрава Далматовского района
Анне Григорьевне Коневой-Шулеповой.**

**ЧЕРЕПАНОВА
Лариса Юрьевна**

Руководитель школьного музея, учитель мировой художественной культуры в средней школе села Кислянское Юргамышского района. Руководитель поэтической творческой мастерской «Радуга поэзии» при районной библиотеке, которая входит в Ассоциацию литобъединений области. Инициатор открытия мемориальной доски памяти видного военного деятеля генерал-лейтенанта Черепанова А.И. Автор четырех художественных сборников и двух краеведческих книг.

ПРИТЯЖЕНИЕ ЗЕМЛИ

1. Земля Кислянская

Задумчиво сменяет в этом году природа свои краски. Осень задержалась в наших краях, неохотно уступая зиме. И сейчас, рассматривая из окна незатейливый пейзаж, невольно размышляешь над смыслом человеческого бытия. Что же это за штука такая «судьба»?! Кто-то считает, что пути-дороги предначертаны с момента появления на свет, вписаны в линии ладони однажды и навсегда. Оптимисты напротив уверяют, что все в этой жизни можно изменить, успевай только, лови птицу счастья... Есть ли золотая середина?! Может быть, судьба оставляет выбор за нами? Только мы не всегда знаем, как поступить. И снова дороги ведут нас к извечным вопросам «кто виноват» и «что делать». И снова преодоление. Но, наверное, только в пути человек постигает себя и понимает свое предназначение.

Судьбу моей малой родины – села Кислянского Юргамышского района невозможно отделить от человеческих судеб. История старин-

ного села, раскинувшегося на северо-западе от областного центра, насчитывает немного немало триста тридцать лет. Воображение рисует сильных духом и крепких физически первопоселенцев, которые, отринув все, смело шли искать «счастливую и свободную жизнь». Приехали десять семей из Олонецкого края и Вологодской губернии около 1690 года. И сейчас еще можно проследить семейные древа, произрастающие своей кроной из далекого прошлого: Лазаря Черепанова, Луки Сафронова, Василия Сафронова, Ильи Постовалова, Ивана Михайлова, Петра Кузнецова, Ивана Ступина, Аники Выползова, Перфилия Батмасова, Петра Олонца.

Вскоре звонкий перестук топоров, окаяющий говорок соседок да веселые детские голоса возвестили округу, что новые хозяева дружно обживают свой родной край. И вот уже красивые избы, пахнущие «соснинкой», приосанились на крутом берегу, отражаясь в водах речки Окуневки. Ведь именно левая сторона реки была заселена первой.

Шли годы. Крестить новорожденных кислянцев, венчаться сначала ездили в Окуневскую церковь (Каргапольский район). Она и сейчас, полуразрушенная, поражает взгляд своим величием. В 1721 году на средства верующих построили свою церковь имени русского святого Кирилла Белозерского. На протяжении 200 лет село считалось духовным центром всей северной части Юргамышского района. 2006 год – начало возрождения нашей церкви, хочется верить, что мы сможем восстановить лицо Кислянки.

Родные просторы... Кажется, раскинулась Кислянка (народное название села) и близлежащие деревеньки за высокими соснами да кудрявыми березками, отгородившись ото всего мира. Да нет, проследив историю, отыщешь многое, что удивит и соединит малую родину со всей Россией-матушкой. В 1779 году Пётр Симон Паллас, крупнейший немецкий учёный-энциклопедист 18-го века, проезжал с экспедицией по Зауралью. Сколько воды утекло с тех пор, как П.С. Паллас отправил своих студентов Вальтера и Соколова для исследования реки Окуневки. Следующее историческое событие – весной 1837 года конный экипаж с будущим царем Александром II, вместе с наставником

В.А. Жуковским, совершил поездку по нашему краю. Проезжал он и по селу Кислянскому. Старики сказывали, что возле церкви для него даже ковровые дорожки расстелили. А дальше – загадка, по воспоминаниям земляка Нифантия Коковкина (сведения, которые еще предстоит уточнить кислянским краеведам) в селе некоторое время жил известный ученый, исследователь Севера, писатель К. Д. Носилов. Как видите, издавна притягивала наша сторона и ученый люд, и особ царских кровей, и творческие умы... И все случайное далеко неслучайно.

В 1860 году в Кислянском открыта церковно-приходская школа, в селе насчитывалось уже 167 дворов. Земледелие занимало главное место в жизни наших предков. Развивались ремесла и промыслы. Наши прядильщицы, вышивальщицы, ткачихи не уступали в умении и сноровке никому в округе! А мужчины могли изготовить все: от мебели до ложек и колес, катали такие валеночки – залюбуешься!

Шли годы, люди трудились, вместе переносили тяготы и лишения, вместе справляли свадьбы и православные праздники. Умело, со сметкой жил крестьянин, надеялся на землю-матушку и любовно обрабатывал ее, с поклоном да с добрым словом.

2. Пути-дороги

Каждый человек, пришедший на эту землю, начинает свой путь с самого первого шага. И сначала шаги эти зыбкие, неуверенные, но он еще и еще делает попытки, падает и встает, но главное, он верит, что сможет, чувствуя крепкую опору – притяжение родной земли. Пройдут годы, десятилетия, и человек шагает все увереннее, и вот уже пройденные им пути-дороги приносят свои плоды. И каждый шаг – это своя страница летописи.

История нашего хозяйства уходит в 1929 год, когда были образованы первые сельхозартели. Они-то и стали родоначальниками ЗАО «Путь к коммунизму». После расширения колхозного сектора на территории, насчитывающей пятнадцать населенных пунктов, сформировались несколько колхозов. К началу сороковых колхозы превра-

тились в крепкие хозяйства. Но последующие шаги показали, что небольшие хозяйства не дают возможности расширить производительность и развивать механизацию.

1959 – исторический год для нашего края. Все коллективные хозяйства объединены в одно с громким по тому времени названием «Путь к коммунизму». Сколько полей было засеяно, сколько караваев испечено из кислянского золотистого колоса, сколько молочных рек влилось в океан здоровья для нашей страны за это время!

На основании Постановления Правительства РФ от 1991 года колхоз реорганизован в ТОО (Товарищество с ограниченной ответственностью). Затем, в 1998 году – в Закрытое акционерное общество. Прошли годы, за это время многое изменилось. Но осталось главное: никакие внешние перемены не переменили отношение людей к своей земле. Любовь к малой родине и трудолюбие – ценности, на которые не влияют веяния времени. Вот только название нашего хозяйства сейчас многих смущает. Что ж, задумайтесь ведь иные и слова поменяют, и кричащую этикетку на видном месте намалюют, но все не поможет. Здесь ведь важно содержание, сама суть. Поразмышляйте, вспомнив лирику Заболоцкого, что здесь более значимо – сосуд или огонь в сосуде...

«Путь...» достойно выдержал все лексические «остолбенения» с честью. В родном крае уважают историю, помнят тех, кто своей жизнью писал страницы летописи хозяйства «Путь к коммунизму». Насчитывает наш «Путь...» уже восемь десятков лет. И сейчас шагает он по-хозяйски, потому и поступь твердая, уверенная. И сегодня мы смотрим вперед и строим планы на будущее. Уверенно шагая, «Путь к коммунизму» и многим «соседям» дал вторую жизнь, помог окрепнуть и снова встать на ноги. На сегодня в состав ЗАО входят с 1999 года товарищества «Победа» и «Авангард», с 2001 года «Малобеловский».

80 лет для хозяйства – достойный возраст с перспективой во всех сферах: будь то извечные отрасли зауральского крестьянина – земледелие и животноводство или социальные вопросы, без которых невозможен здоровый жизnekлимат человека. В «Пути...» не только

хлебом единым, но задумываются и о пище духовной. Но это я немного забегаю вперед. Сейчас, когда многие населённые пункты исчезли с лица земли (а ведь там кто-то жил), когда идёт развал хозяйств и закрыты объекты соцкультбыта – наше село не выживает, а живёт! ЗАО «Путь к коммунизму» широко известно своей работоспособностью и тем, что здесь нет чужих проблем. Сельский совет, дом культуры, медпункт, отделение связи, библиотека, детсады и школа – все мы как один сплочённый организм, как члены одной семьи, в которой хозяйство всегда подставит свое сильное плечо и поможет. Шагаем, чувствуя друг друга.

3. Главное богатство

Когда я прохожу по улочкам Кислянки, любуясь добротными домами, красотой родной природы, с замиранием смотрю на мимо проезжающую технику: новые сенокосилки, комбайны, трактора и авто, я ловлю себя на мысли, какие же мы все-таки счастливые люди! Колесо вертится, и жизнь кипит! (и не только в переносном, здесь и в прямом смысле).

И пусть сейчас скептически ухмыльнется обыватель, быть может, покрутит у виска пессимист, но я уверяю вас, моя мысль чистосердечна и искренняя! Представьте-ка такую картину (это из жизни одного из районов области): деревенька в несколько домов, ни клуба, ни чего-либо другого из социокультурной среды давно нет, организации все развалились – местным жителям попросту негде работать. Зима. Один-единственный тракторок с лопатой (или остался от «той» еще жизни, или невесть как оказался здесь), так вот едет тракторок, а мужики-горемыки всем скопищем идут за этой еще пока гудящей последней в их краях технике и отстать боятся. И я представляю, как в груди их боль вперемеш с ревом трактора душу рвет! И страшно в глаза им заглянуть. Господи, так и хочется крикнуть: «Почему?!» И опять в груди поднимается и вопрошает: «Кто виноват?». Как так случилось, что умирает эта деревня? И этот последний мазутный вздох трактора с мужской процессией может стать печальными проводами

Ольга Алексеевна Аскарова,
орденоносец, председатель
колхоза “Путь к коммунизму”
послевоенного времени

жизни. Винить кого-то или что-то всегда легче, а вот поставить себя во главе угла трудно, да и как показывает практика, не всем под силу. Все же главное богатство – это люди. Если есть человек-путеводитель, то и каждый на своем месте выполняет профессионально и ответственно общее дело, и весь механизм работает качественно и производитель-но.

Так вот, о судьбе. Хозяйство в нашем крае за время своего трудового пути шагает не спонтанно, а уверенно. Может, длань Господня наложена на родную землю, а может, и правда, фортуна, только повезло нашему хозяйству с путеводителями.

В далеком послевоенном 1948 году молодой специалист Ольга Алексеевна Аскарлова прибыла в наш колхоз в качестве главного агронома. Ольга Алексеевна сходу проявила свой серьезный настрой на работу, показала, что женщина в деле владеет ситуацией на все «сто»! Доверили земляки ей самое дорогое – землю-матушку, а через несколько лет избрали единогласно председателем. И не ошиблись. Профессионализм и мастерство, строгая дисциплина и полная самоотдача – только некоторые из качеств Ольги Алексеевны. Работает кормчий, трудится пловец и только тогда корабль идет полным ходом! И корабль шел: переливались спелые колосья хлебного моря, вставала в полый рост «южанка»-кукуруза, строились жилые дома, социально-культурные объекты. И как плодотворный итог – богатый урожай звезд – ордена, заслуженно украшающие грудь передовиков производства, поездки на ВДНХ и многие другие победы людей труда, ведомых

Председатель колхоза
“Путь к коммунизму”
**Владимир Тихонович
Остапенко**

яркой путеводной личностью, Ольгой Алексеевной Аскаровой. О культуре председатель тоже не забывала. Хор ветеранов при Доме культуры славился на всю область! «Ольга Алексеевна всегда поддерживала нас, всегда к культуре стояла лицом!», – вспоминает руководитель хора Фадюшина Мария Михайловна.

Через несколько лет после ухода «железной леди» на заслуженный отдых – снова провидение судьбы. В 1988 году на колхозном собрании руководить колхозом доверили Владимиру Тихоновичу Остапенко, поверили люди в его равнодушие и искренность, в его профессионализм и любовь к земле. И вновь хозяйство ощутило не зыбкую почву, а руку настоящего хозяина. И хоть время сейчас другое, и в вопросах производства приходится изыскивать уже иные пути, а в социуме необходимо находить новые способы жизнедеятельности, не кивает наш Владимир Тихонович в муниципальную сторону, оставляя ей все проблемы. И главное осталось прежним – земля и человек, их путь одной судьбы. Если ведущий неустанно идет вперед, не забывая пройденных дорог, опираясь на опыт праотцов, если это небезразличный к чужим бедам человек (а собственно, чужих бед у земляков не бывает), то отсюда и уверенность в завтрашнем дне, и надежда. И снова люди не ошиблись. Владимир Тихонович – талантливый руководитель. Профессиональный уровень и потенциал мастерства его настолько высок, что хочется гордиться за свою Кислянку, за то, что живут в ней такие настоящие люди!

Но не нужно сейчас громких слов. Я хотела бы поговорить о простом и понятном. Не о руководителе, а о человеке. Вот идет он по

земле, а вокруг спешат люди. И он спешит. Посмотришь ему в лицо, а там все заботы отразились. И все требуют решения, и на все вопросы срочно необходим правильный ответ. Порой задумаешься, как же так?! Кого-то свои мелкие домашние хлопоты придавили, а тут эвон какое хозяйство! Интересно, чем кроме забот о хозяйстве дышит Владимир Тихонович?!

Неяркие лучи осеннего неба скользят по тревожным облакам. Пойдет дождь или солнце прорвет осенний пейзаж?! Владимир Тихонович вместе с Валентиной Ивановной, дорогой и верной спутницей жизни ведут беседу. Не часто можно наблюдать такую картину, редко выпадают минуты отдыха у хозяина большого семейства. Мирно тикают часы на стене. Родители троих взрослых сыновей вспоминают, как совсем, кажется, недавно, вот на этом ковре посередине комнаты внуки Кирюша и Никита любили заниматься серьезным делом – вести стройку, пока из кубиков. Неустойчивые башни падали, но дед не вмешивался – воспитание самостоятельности. Маленький Дима доверчиво прижимался к родному плечу и внимательно наблюдал за игроками. Рядом в светлом платье важничала внучка Аленка, водружая последний аккорд строительства – шпиль. И башня с шумом разлеталась по ковра. Дед смеялся, пытаясь растормошить незадачливых строителей. Затем, в комнату вбегала старшенькая внучка

Владимир
Остапенко
с сыновьями
Андреем,
Константином,
Павлом

Даша, приглашая всех за стол. Куча-мала нехотя распадалась, и вот уже бабушка угощает любимых внучат вкусами.

Ах, как хорошо, когда вся семья собиралась за одним столом. И неважно, пойдет за окном дождь или будет до утра кружить холодный ветер. Главное – это погода в родительском доме, когда от общения становится тепло и уютно и детям, и внукам, и спокойно на душе у родителей. Вот и сейчас, внимательный взгляд отцовских глаз остановился на каждом сыне: Андрей, Костя, Павел. И спокойно на душе в это время Валентине Ивановне: своим материнским сердцем чувствует она, все в порядке у ее «мужчин». И дай Бог. Улыбнется: «Каждый из сыновей нашел свою судьбу. Вот и у нас сейчас дочки есть».

Вот такой наш Владимир Тихонович – достойный руководитель и достойный семьянин! И я уверенно повторяю снова фразу, которая стала традиционной в родном крае: «Главное богатство нашей земли – люди!»

4. Не хлебом единым...

Как красиво наше старинное село Кислянское! Также красивы и люди своим честным трудом, своей чистотой душевных помыслов!

Когда гости приезжают в Кислянское со стороны районного центра Юргамыш, то сразу, с пригорка, открывается вся прелесть сельского простора. Величаво стоит церковь Кирилла Белозерского, разноцветными пятнами палитры крыши домов радуют взор. А в ночное время суток кажется, что въезжаешь в дивный город. Настолько широко с запада на восток растекаются приветливые огоньки кислянских домов, а там и рукой подать – сливаются они с постоваловскими маяками теплых окон. А дальше расходятся дороги родного края в Окуловскую сторонку, в Шемелино, Токареву, Кулаш, Фадюшино и Плотникову.

Рядом с селом колосятся поля нашего родного предприятия ЗАО «Путь к коммунизму», справа фермы, любовно оформленные руками работающих здесь же мастериц-доярок. ЗАО – самое крупное предприятие не только на территории Кислянского с/совета, но и в райо-

не, и в области – одно из передовых!

Все эти годы были напряженными, но плодотворными. В сельском хозяйстве все взаимосвязано, мелочей нет. Стабильно прочная кормовая база, высококвалифицированный уход за животными дают возможность качественно увеличить надой молока. Для этого необходимо создать необходимые условия для получения высокой производительности труда. Опять же нива должна принести высокий урожай. Новые комбайны и другая техника, инвентарь – в умелых руках людей труда дают хорошие результаты. А были бы они, результаты, и все это без умелой руки руководителя?! Здесь многое зависит от рулевого, от его профессионализма и старания, стратегии и ума.

Сколько вопросов разного уровня и характера необходимо решить Владимиру Тихоновичу каждый день: обсудить с аппаратом специалистов насущные дела, отрегулировать сложившиеся рабочие проблемы, продумать и найти правильное решение социальным назревшим проблемам, встретиться с людьми... Большое хозяйство не ждет, не терпят отлагательств и дела областного депутата: проект «Свой дом – дом в селе», программы «Материнский капитал», «Молодая семья», «Социальное развитие села», «Ипотека», проблемы с детскими садами и больницей, ремонт спорткомплекса, газификация района...

«Газификация – социальный проект, который повлечет развитие бизнеса и социальных направлений, следовательно, будет работа», – это было сказано В.Т. Остапенко на одной из встреч со школьными журналистами еще задолго до того, как голубое топливо озарило семейный очаг кислянцев. Сегодня наша жизнь перешла на новый уровень, не нужно заготавливать дрова, а придя с работы зимой спешить топить печи. Но и здесь Владимир Тихонович не остановился, им разработан план комплексного развития села (региональная государственная программа «Устойчивое развитие сельских территорий»). Пятнадцать двухэтажных домов нового жилого комплекса уже возведены. Общим решением принято назвать новую улицу именем экспедитора колхоза Аскаровой О.А. Ведется реконструкция Кислянской средней общеобразовательной школы. Обновленный Дом куль-

туры не может не радовать наших глаз, а гости восхищенно заявляют, что в области, пожалуй, таких очагов культуры «... раз, два и обчелся». Возведен новый фельдшерско-акушерский пункт. На Дне депутата, который состоялся на территории Кислянского сельского совета в ноябре 2016 года, Владимир Тихонович высказал свое мнение: «Вот не будет ФАПа, не будет школы, не будет Дома культуры, и никогда никакого производства не будет. Кто заходил в ФАП, заметили, что тут и аптечный пункт, тут и кабинеты. Когда губернатор был, он приезжал, смотрел, говорит: «Это не ФАП. Это – маленькая больница»».

Но позвольте сказать несколько слов о быте и здоровом досуге нашего села.

Начну с вопроса. Что вы покупаете детям и внукам на праздники? А наши кислянцы часто покупают клюшки и хоккейную форму! Мы – за здоровый образ жизни!

Какие спортивные страсти кипят на льду каждую зиму! По улице Советской команда мальчишек ежезимно ведут настоящие хоккейные баталии. И взрослые мастера-хоккеисты вспоминают прошлое. Лед, как же он искрится под лезвием коньков! Шайба взмывает в ворота! Сколько радости юным хоккеистам и девчонкам, наконец-то научившимся скользить в новеньких коньках по ледовому полю, веселые искорки так и плещутся в их глазах! Прохожие, улыбаясь, смотрят на детей. Спокойно на душе у мамы, зная, что ребенок с пользой для здоровья проводит свое время. И не знают ребяташки, кто позаботился о том, чтобы появился здесь корт. Помнят только, что еще обещал Владимир Тихонович рядом построить раздевалку. И опять не отложил важное дело, сказал – сделал!

Идет человек, спешит на работу. Сколько дел ждет его здесь. Помимо руководства ЗАО депутат областной Думы, председатель агросоюза области В.Т. Остапенко мыслит масштабно, продолжая реализовывать комплексную программу развития села. Но в суете ежедневного круговорота не забывает он о пенсионерах и ветеранах, о малышах детского сада и школьных проблемах, о досуге молодежи, традициях и культуре. Кислянка и раньше была духовным и культурным

Крестный ход в селе Кислянском

центром всей северной части Юргамышского района. Ежегодно в нашем крае проходит праздник День села. Его по старинке так и называют «Кирилловская». На мероприятии, связанном с православным праздником, идет знакомство с историей нашего края, совершается крестный ход. Традиционно здесь чествуют старожилы, ветеранов войны и людей труда, приветствуют молодые семьи и новорожденных. В этом году труд земляков чествовали московские артисты! Район гудел, что опять кислянцы впереди всех! За добросовестный труд им москвичи низко кланяются и песни поют!

В этот день проходит много спортивных состязаний и конкурсов, где можно и себя показать, и на других посмотреть. И остается за кулисами для всех участников этого события, откуда изыскиваются средства на мероприятие такого размаха?! Львиная доля – из кассы ЗАО. Владимир Тихонович понимает, что культура и духовность также важны, как и труд. Спасибо людям труда нужно вовремя говорить.

Праздник Кирилловская берет начало еще в глубокой древности. Церковь имени православного святого Кирилла Белозерского, что стоит в центре села, с 2006 года начали реставрировать, кстати, по доброй инициативе О.А. Аскаровой и В.Т. Остапенко. Так что не только хозяйство и мастерство руководителя их объединяет. Духовное начало всегда было главным в человеке. А традиции сильны и поныне. И здесь уместно привести тезис из выступления президента В.В.Путина: «Село для России – это не только производство продук-

тов питания. Это свой, традиционный уклад и образ жизни».

Поддержка литературного творчества – еще одна славная стезя Владимира Тихоновича. Меценатство на Руси всегда считалось благороднейшим делом достойнейших людей. Люди пера обращаются за помощью и находят отклик. Сборники стихов и прозы помог выпустить Владимир Тихонович не только автору этих строк, но и другим зауральским поэтам и мемуаристам. Это снова и снова доказывает неравнодушные и высокое чувство гражданского долга героя моего рассказа.

Пусть читатель поймет меня правильно. Труд на земле, которую не оградишь от засухи и дождя, труд руководителя, когда люди доверяют и надеются – все это накладывает большую ответственность на человека, идущего впереди. Но, если от ветра времени сегодня кто-то склонился и упал, то мои земляки черпают силу в притяжении земли, чувствуют опору и верят в нашего Путеводителя – Генерального директора ЗАО «Путь к коммунизму» Юргамышского района, председателя комитета по аграрной политике и природным ресурсам Курганской областной Думы V и VI созыва, заслуженного работника сельского хозяйства Российской Федерации, Почётного гражданина Курганской области Владимира Тихоновича Остапенко.

Поздний вечер. Тихо в селе, а на душе «грустно и светло» – вспоминаю слова известного классика, я смотрю на воды родной и милой Окуневки. Сколько их утекло с тех пор, как пришли на эту землю первопоселенцы. Триста тридцать лет! Пришли они за свободной и счастливой жизнью. И сегодня все на круги своя, и колесо жизни вертится. И снова веришь в наш путь, и делаешь вывод: все же судьба дает нам право на выбор. И, дай Бог, осилит дорогу идущий.

ЧЕРНЫШОВ
Виталий Анатольевич

Окончил “лечебный” факультет Омского медицинского института. С первого курса ежегодно в стройотрядах. По окончании - врач на строительстве газопровода в Якутии, далее доверенный врач Якутского областного совета профсоюзов, с 1982 г. переехал на малую родину в село Шатрово, Курганской области, где проработал до пенсии участковым терапевтом. Издал несколько книг краеведческого характера:

2013 г. Черепанка, 18 стр.

2014 г. Выселок Пустынный, 62 стр.

2014 г. Лукина - история деревни, 58 стр.

2015 г. Память храним, продолжение 238 стр.

2015 г. Он подарил мне жизнь, 74 стр.

2018 г. Церковь на Исети, 216 стр.

Есть публикации в районной газете «Сельская новь». Участник литературного объединения “Шатровские зори”.

ЧЕРЕПАНКА

Синяя глина

Михаил Иванович Приданников, бывший бригадир колхоза «Знамя Ленина» в Духовке, энергичный, уравновешенный, авторитетный. Живет на улице Центральной, в доме зеленого цвета. Сейчас на пенсии, да и бригаду сократили. Раньше процветала здесь ферма с коровами, пахали, сеяли, убирали. Духовский народ-то работающий. Со временем работать стало некому, и бригаду закрыли, коров всех увезли, какая техника имелась – забрали.

В прошлые годы, еще до колхозов и коллективизации, в деревне жили одиночно. Процветало горшечное производство. Видимо, поэтому здесь и организовалась артель горшечников. Располагалась она по левой стороне небольшой речушки одноименной Духовке, по обеим сторонам дороги в сторону бывшей Бархатовой, в Светлаковском краю. Название края, вероятно, как-то связано со Светлаковыми. Там Светлаковых дом стоял.

– Дедушки Сергея дочь вышла за Светлакова, они в Тюмени в последнее время жили, – пояснил Михаил Иванович.

Мы ехали посмотреть на синюю глину. Михаил Иванович, оказывается, прекрасно помнит место добычи горшечной синей глины на Исети в районе бывшей деревни Бархатовой, чуть выше места, где в прошлом стоял старый мост, водяная мельница. Как раз напротив креста, установленного в память о деревне на высоком берегу. Он и сопровождал нас до берега Исети. Это случилось осенью 2012 года, в пору достаточно еще яркой желтизны листьев, теплой и солнечной погоды и хороших проселочных дорог.

Дул нехолодный ветерок, вяло шевеля зелень травы. Мы легко добрались до места уже после обеда, как и договаривались. Нас интересовало все вокруг. Деревня располагалась на высоком правом берегу, пересеченная оврагом к реке. Выше ее – сосновый бор. Вдали хорошо просматривались Мостовское, Мамонтово, Ключи, частично Турушево. Одно из красивейших мест Шатровского района. Берег высокий, метров 5-6. Водой не заливается. Максимальные уровни весеннего половодья за последние 10 лет – 3 метра, наибольший наблюдался в 1914 г. – 4,46 метра.

Домов здесь уже давно нет, остались одни старые ямы да свежие квадратные ямки кладоискателей, размером на штык лопаты. Как память о прошлом живут заросли кустов сирени, торчат тополя. Михаил предложил свернуть направо, и мы покатали по бывшей центральной улице к высокому, обрывистому берегу излучины Исети. Далеко внизу, сквозь кусты с облетевшей листвой просматривалось оголенное дно реки. Коса, может, метров 10 шириной и 20-30 длиной, усыпанная каменными плитками, целыми и расколотыми временем го-

ПРИДАННИКОВ
Михаил Иванович

бывший бригадир колхоза
“Знамя Ленина”

лышами разных размеров,
песчаной галькой.

– Это с тысячелетиями во-
дой прикатило по дну сюда, –
заметил Владимир. – Еще

отец мне об этом говорил. – Михаил предположил, что, возможно, валуны из глины намыло, сильно много их, или остались от плотины. – Вот раньше старики Исеть прудили тут, пруд был, а вот там, на той стороне, за темя кустами, мельница стояла, – Михаил махнул рукой вниз по Исети. – И на конях держали Исеть, а мы сейчас Духовочку не можем запрудить...

Михаил помолчал и продолжил:

– Вот они понизу спускались туда на конях, когда лед промерзнет на отмели до дна, и они вот копали ямы-то, глину синюю возили, кринки делать. Лед застынет, а глина не пропускает воду-то. Они всю зиму ее копают, ведрами достают, накладывают в телеги, – объяснял Михаил и углубился в детство. – А первый лед, который год застынет ровно, а мы ребятами были, дак один с топором бегат, другой с колотушкой. Налимчика или еще кого увидишь, стоит подо льдом, как трахнешь, оглушаешь его – и все, он перевертывается. Прорубаем лед и ловим.

Начали приглядываться, где лучше спуститься по крутояру вниз с лопатой и ведром для синей глины. Ни сверху, ни снизу, когда уже находились на косе, ничего похожего на синь не замечалось. Почва твердая, каменистая. Точно такая, как и на перекате с правого берега у деревни Кылман, овалы, твердые валуны и их обломки, местами плоские как плитки, темно-коричневые снаружи. Отдельные эк-

земляры полметра на 20-25 сантиметров, тяжелые. Раскололи один о другой, который поменьше. На самом деле это не большая галька, а совсем другой минерал. Внутри неоднородного цвета – в центре бледно-голубовато-желтого с потемнением. Твердый, с первого удара не треснул, издал глухой звук. В Кылмане такие валуны, полметра в диаметре, лежат, лопнувшие радиально от центра и по окружности.

Владимир Сергеевич в высоких резиновых сапогах, с лопатой обследовал прилежащую к косе акваторию. По характеру глади определил, что значительная территория переката скрыта под водой. Искомая глина оказалась на глубине 10 сантиметров от поверхности. Очень вязкая, липкая, с трудом отделившаяся, яркая, синяя.

– Глина горшочная, – торжественно провозгласил Владимир, подняв ее на лопате. – Нет, я такой глины не видывал.

Вдоволь насладившись видом, пережитыми ощущениями, мы с лихвой нагрузились пробами глины.

– Больше здесь не бывать, больше, может, такого-то не будет мелко-водья, – рассуждал Владимир.

Мы попробовали копнуть в другом месте – везде была она, глина. Налипла на лопату, сапоги. Как краска. Простое бульканье в воде ее не смывало. Журчала вода, попискивала маленькая пичужка в кустах на берегу, наблюдая за нашими похождениями на отмели. За леторосло здесь травы. Череда незаметно подарила нам свои семена.

Наверх пришлось опять пробираться сквозь береговой кустарник, хрустя сухими ветками и отдуваясь. Поинтересовавшись у Михаила ассортиментом глиняных изделий, цветом черепков на изломе, глазурью, Владимир заметил, что где-то в бору на берегу надлом произошел, оседание почвы около Исети. И там белая глина есть. О белой глине на правом берегу Исети и разломе в районе деревни Кокуй мне раньше рассказывал Геннадий Александрович Третьяков. Рассказывал о прямом, как стрела, трехкилометровом отрезке Исети, о древнем кургане, с которого видны все деревни округи, месте под названием «Золотой якорь».

– У нас здесь в логу белую глину копали, вон там, где тополя, тополя, за деревней Из нее черепицу делали, – сообщил Михаил.

– Кто пек то из нее, местные? – поинтересовались мы.

– Терсюкская артель «Заря». Делали у нас, в Духовке, тут, а контора-то была у них в Терсюкской. После войны, я уж помню. Был дом, к нему – пристрой, в нем делали черепицу, дома крыть. Для нее другая глина бралась. Заедем к Огане, она расскажет, она делала их.

Оганя – это, как выяснилось, Агафья Илларионовна.

Не боги горшки обжигают

Мы ехали назад, в Духовку. По дороге Михаил Иванович показал место, где с «царских времен» стоял чугунный столб, который хотели вытащить на машине, да обломили. Почему чугунный и зачем он там стоял? Пустые, заброшенные поля, почти четыреста гектар не пашется и не засеивается. Поговорили о стекольном заводе за Барино. Была такая заметка в газете директора Шатровского музея Александра Артемьевича Коркина о заводе в районе озера Пустынное, расположенном в 10 км от Боровлянки и 3-х км от 58-й точки.

Время прошло незаметно и вот мы у дома известной в округе профессиональной горшочницы – в девичестве Федоровской. Калитка заперта. Михаил постучал в окно. Залаяла собака во дворе. Через некоторое время стукнула дверь, заскрипели ворота. К нам вышла небольшого роста бабушка, сухощавая, лет за 80, в красной кофте на цветастом платье, белом ситцевом платочке и в шерстяных носках без обуви. Мы поздоровались.

– Вот ребятам расскажешь, как крынки лепили, – объявил Михаил Иванович.

– Крынки лепили? – спросила Федоровская.

– Ты ведь лепила, директором была там, – продолжил Михаил.

– Ну, директором..., директоров там у нас до язвы было, да без меня, – ответствовала она.

Мы доложили кто мы такие, и зачем явились. Рассказали о том, что сейчас из Бархатовой, где брали в прошлом, по рассказам отца Владимира, синюю глину, из которой она лепила горшки, крынки и все остальное. Нас интересовала история, то, что она помнила.

ТАРАСОВА (в девичестве
Федоровская) **Агафья**
Илларионовна

Единственный оставшийся в
живых мастер гончарного
производства в деревне
Духовка. 2012 год

– Немало интересного, – заявила она, и добавила, – за Бархатовой брали, на самой Бархатовой глубоко.

В дом нас не приглашали, и мы предложили бабушке одеться, так как хотели основательно обо всем расспросить. Училась Федоровская в Духовке, окончила только 4 класса. Прочилась, а осенью пошла «картошки копать» в колхозе. Тогда ей пошел тринадцатый год. Девчонка еще.

– А в тринадцать-то я уже пошла черепанить, глину топтать. Осень-то прокопала, зиму-то просидела, а весной-то я, как раз третьего апреля сорок третьего года, устроилась глину топтать. Мы ее накладем на пол, песочку подсыпем через сито, чтоб глина не прилипла к полу. И вот начинаем топтать. Топчем ее, топчем, топчем. Песок-то тоненько посыпан, только чтоб она не прильнула. Ну и растопчем ее вот в палец толщины, в лепешку большую, во всю комнату. Растопчем ее, значит, берем серп, режем на пласты, чтоб легче-то поднимать и опять в эту кучу кладем и опять топчем, и опять, и опять, да четыре раза. Четыре раза топтали. Год топтала, потом бригадир мне и говорит: «Оганьша, садись-ка черепанить». Бригадиром был Константин Зотин. Говорю ему: «Дядя Константин, из меня поди нече не получится». «Получится, – отвечает, – у тебя же отец-то тоже черепан был». Ларион Николаевич Федоровский – мой отец. У меня уж третья фамилия. Вначале вышла в Бархатову, да не пожилоса нам, потом вышла здесь в Духовку за Тарасова, дак вот сейчас Тарасова напослед.

Мы с интересом слушали рассказ бабушки, уточняя некоторые моменты. Она продолжала:

– Ну и потом глину протирают, руками так мнут ишшо, протирают да мнут, а потом уж колобки начинаешь делать. Нахлопашь колобков до обеда, потом садишься черепанить. Свистульки вот не делала, а Василко Токарев все делал. Он же рукомойку сделал, рукомойников не было в магазине. Людям надо дак. Акибахи вот делала, неводны и сетны, это к неводу такие овальные с отверстиями, а к сети были долгонькие с дыркой грузила.

Ларионовна вспомнила, что проработала гончаром 18 лет до 1961 года.

– А потом гончарку прикрыли, в колхозе стало лучше, пошли все в колхоз. А я вот, дура, не пошла в колхоз-от. Я устроилась сначала в клуб техничкой, потом на последе в школе работала. А че бы я – не сумела телят напоить или коров подоить? Я с бакальчиков и до 14 литров тянула полукорчаги и квашни на гончарном круге.

Комок глины – в нем уже есть будущая форма сосуда. И одновременно эта форма есть наша мысль. Они соединяются на гончарном круге. Это одухотворенная работа, и дается она не всем. Не все так легко и гладко в жизни у Оганьши.

– Гончарка-то туда стояла, в сторону Бархатовой, а сельсовет у речки, – продолжала она, – так Рая, наш кладовщик, она ходит в совет, узнат время. А мы не засекали время работы. Но начальство-то приезжали, засекали, сколь я делаю, чтобы план-от наложить. План надо наложить, а план не выполнишь, значит, денежку не получишь. Горшок сырой, срезаю проволочкой возле дна и ставлю на дощечку и потом на полку. Всю полку заставила. А утром встаю, прихожу на работу, посуду, которую вчера наделала, поднимаю выше, на нары и опрокидываю вверх дном. Она там сохнет. За день она только околеет кое-как. Дня 3-4 сохнет. Подсохла, значит, ее на печку. Там она будет сохнуть, пока не побелеет. Потом уж на горно-то повезешь, когда накопится много. У нас печка железная из бочки излажена, и она у нас и день, и ночь, и всю зиму, и лето топились, чтобы посуда потихоньку сохла. Если быстро, то ее рвать начинают. На сушке-то ее рвет, да на оалке-то ее рвет. А за это мы ничего не получали, даром почти что ее делали. Даром делали. Вот только котора добрая, за ту платили.

Уточнив, в чем же они обжигали горшки, мы услышали:

– Была выкопана яма, обкладена кирпичом кругом. Она полукруглая, как яйцо. То горно было сделано. Внутри кирпичные своды. На эти своды мы начинаем сначала корчаги садить, раз они узкогорлые, потом квашни, тазы, кринки. Кринки уж туда, где свободное место остается. Все это кверху дном. Для огня опять выкопана яма, там топка сделана. И дровца кололи вот два пальца толщины. Сильно было жарко в ей. А отдавали нам лес там, где толстые лесины. Так мы по 300 кубометров в лето рубили дров. Потом начали кирпич делать, надо кирпич калить, надо посуду калить. Утром насадим и к четырем часам окалим. По-черному калили, дак привозили назьму, когда закрывать горно-то уже. Сначала эту посуду назьмом закроют, потом песком заваливают, чтобы дым не вышел. И топку сначала назьмом, потом землей, чтобы плотно все, чтобы ни какая дыминка не вышла. Посуда накалится, красная, как огонь. Я и посуду калила, и кирпич калила.

Чувствовалось – это ее конек, она была мастер своего дела, знает все тонкости. Живой кладезь гончарной премудрости. Оганьша спокойно и рассудительно продолжала:

– По-черному, дак посуда выходила черная. А по красному калили там, значит, не закрывали, значит, она так красная и оставалась. Там уже горно другое. И в этом можно было калить, а они еще другое сделали. То больше сделали. Тысячу литров уходило в его – в горно. Глазурью покрывали только по красному.

Нам открылась новая тема. С глиной все ясно, а откуда глазурь?

– Глазурь мололи из стекла, – сообщила бабушка, – а стекло уж не скажу, где брали. Имелась мельница, жернова. В углу она стояла, палка сделана под потолок. Мололи, а потом разводили водичкой, она как сметана станет, и обливали до закалки. Низ не обливали. По красному-то она котора бардова, котора красна, такая красивая. Свинец жгли в камине с котлом. Топишь камин, свинец начинает растопляться, лопатой мешаш, мешаш – он делается как мука, перегорит, потом он остынет, мы его сгребам и опять молоть на жернова. И он тоже как сметана сделатса. И вот и им обливали тоже и калили. Обливали нарочно: свинец – дак свинец, глазурь – дак глазурь. Кринки чаще в

полтора и два литра. А корчаги Дмитрий Васильевич Федоровский до 18 литров тянул.

Мы и узкогорлые, и графины делали, – продолжила мастерица. – Арина Степановна, покойница, вот такой себе сделала графинчик, где-то на пол-литра, и как на покос пойдет, молока в него наливает. Надо бутылку, а она в этот графинчик нальет и принесет. Много ведь было нас. Восемь кругов сидело. Работали зиму и лето. Пока кирпич не делали, зиму и лето черепанили. Дров нарубим – черепанить. Сено накосим – опять продолжаем. Работали в марлевой майке, нам давали. Женщина в своей рубашке и в майке с небольшими рукавчиками, а мужики вообще в майках. Жарко же, зимой и летом печка топится, посуду раз надо сушить. Мне уж 84 доходит в апреле. Родилась в Духовке, вечно в Духовке, нигде не бывала кроме своей Духовочки... Нет, в Бархатовой два месяца прожила. Отец, Ларион Николаевич Федоровский, этим делом тоже занимался, пока не было колхозов. Единолично жили. Он наделает, окалит, а тут старушка жила одинокая, она приедет, заберет. Потом ее продаст, а он только черепанил, дома сидел. Мы тут у Бархатовой, у моста копали глину зимами, а они ездили за Бархатову все больше. Там какой-то лог к Кылману-то. А потом летом начали кирпич делать опять. Сначала черепицу начали делать, станок был куплен. Желтую глину брали у Бархатовой, где-то у лесу, я сейчас уж и забыла. Кирпича делали много, три хлопущи стояло в сарае.

Надежда умирает последней

Тут нас позвали. У дома, что наискосок через дорогу, уже давно наблюдал за нами и с интересом прислушивался, как потом выяснилось, Виталий Николаевич Трифонов. Узнав, что нам надо посмотреть на изделие местного производства, он уже приготовил корчагу и, покуривая на скамейке у дома, дожидался подходящего момента. Владимир Сергеевич и я поблагодарили хозяйку за столь обстоятельный рассказ, попросив все же показать заветный отцов кувшин, и перешли улицу.

– Вот ишь, какой человек, где такого найдешь? Работника. Не то что рассказчика, а работника. Вот надо улавливать пока есть возможность такая. А потом уж поздно будет. Отец-то всегда говорил: «Поздно будет». Еще он говорил: «Сейчас ни у кого не спросишь», – продолжил Владимир.

Конечно, не боги горшки обжигают, но лепят их точно натуры, приближенные к небесам. Думается, все не так просто, и ремесло, мастерство – это Дар Божий. На гончарном круге глина следует за каждым вздохом... Любое легкое прикосновение – и вот он, его отпечаток: запечатленная в материи мысль.

Мы подошли, поздоровались.

– Ходим, смотрим, интересуемся теми местами, где это у вас все делалось, – завел разговор Владимир Сергеевич.

Рассматриваем горшок по-черному, объемом примерно литров на десять. Вид уже не блестящий, местами слоившийся, с отломанной частичкой на горлышке.

– А это я огурцы в ем солил, дак оно такое, – пояснил Трифонов. – Материна еще была корчага-то.

Постучали по горшку. Звук отнюдь не звонкий, но и не дребезжащий.

– Можите забрать, – радушно предложил хозяин.

Но в Мостовском школьном музее уже имелся подобный экспонат. Поговорили за то, где и что мы посмотрели. Владимир вспомнил, что у матери стояла огромная корчага, литров на пятнадцать. Она хранила в ней яйца.

– Вот ведь их уметь надо лепить-то. А блестят – так это глазурью, – продолжил обсуждение Владимир. – Сейчас мы знаем, как глазурь-то делалась, она нам рассказала. Вот и надо успевать все, урывать то, что можно расспросить. Хоть и нам уже за шестьдесят, но люди, которые связаны с этим, они интересны. Аркаша Зотин, когда учился со мной в школе, он же тоже кое-что тут знал. И я все говорил: «Аркаша, ты узнай, у кого, где гончарный круг сохранился». Но найти в то время уже не мог. Но он рассказал мне, какой он, этот круг. На картинках-то мы видели, да в кино-то. Ногами крутят и руками ком глины

обрабатывают. А рисунки-то на горшках уж не делали?

– Нет, только на садушках, для гераней, всяких цветочков, – ответил Трифонов.

– Мой дедушко Трофим, ак он это, ребятишкам, которы вокруг бегали, дак он им соловьи, свистульки делал, – улыбается, погрузившись в приятные воспоминания, Трифонов.

– У нас, глядя на эти, тоже свистушки делали ребята на уроках труда, только из простой глины. Она маленькая свистушка, а свистит, не свистит, я не знаю. И сразу красят ее, – вспомнил Владимир.

– А мой дедушко обливал их и калил. Долго черепанил Харитонов Трифон Николаевич, – заметил Виталий Николаевич. – Семьдесят лет ему было – помер.

– Они, изделия-то духовские, и в Тюмени на рынке славились, – подвел итог Владимир.

– Вон труба-то стоит – железная. А вон стоит, – показал Трифонов на соседнюю развалившуюся крышу старого заброшенного домика, – из закаленной глины.

Мы обошли дом с черепичной трубой, поставленной сверху кирпичной. Обсудили все ее достоинства, безопасность в пожарном отношении.

– А богатые-то еще на эту трубу вырезанный из железа узор одедали. Оно красиво смотрится. Такой-то узор тоже в школьном музее есть, – дополнил Владимир.

Разговорились о знакомых, где кто жил, работал, о фотографиях ветеранов войны в школьном музее. Трифонов с гордостью пояснял:

– Сашка и Коля мои сыновья. Мне уж семьдесят пятый год. Стас Трифонов – брат сродный. Петр Андреевич Трифонов лесником работал – дядя мне-ка родной. Участник войны. А отец у меня капитаном был, Николай Андреевич Трифонов.

Вышла из дома Тарасова с двумя горшками. Мы попрощались со всеми, сказали спасибо за интересный разговор и показ. Было уже около шестнадцати часов. Подошел желтый школьный микроавтобус с духовской ребятней, вывалившей из него небольшой стайкой. Поурчав немного, автобус быстро уехал, а школьники разошлись с Цен-

тральной улицы кто куда.

Шедшая навстречу нам бабушка поинтересовалась, какого типа горшки нам показали. Рассказала о своих, духовских, приносивших недавно, видимо, на экспертизу горшки. Не ясно, какие они: обожженные или нет. На что бабушка резонно заметила:

– Не каленый-то стукни кулаком — он изломатся и все.

Возле лавочки у ворот дома на земле стояли два изделия, туда и подвела нас Тарасова, попутно объясняя про старый дом с осевшим полом, придавившим заветный узкогорлый кувшин. Взамен она описала его, руками показывая, где носочек, крышечка, недлинное горлышко.

– А это я сама делала, только она обломалась исключительно вся, цветочница.

Владимир обратил внимание бабушки на рисунки.

– Это палочкой, а это пальцем выгибала. Эти штуки оттянешь потоньше и отгибаешь. Их отсель маленько выдавишь, изнутри-то, и потом щепкой, палочкой, – вертела она в руках цветочницу, сожалея о том, что красивые-то уже все приломаны со временем. – А в начале-то я и помидоры в них садила.

На самом деле изделие и сейчас выглядело неплохо. Диаметром и высотой примерно пятнадцать сантиметров, с небольшой щербинкой по верху, звук издавало ближе к звонкому.

– Если ее реставрировать, она и в настоящее время еще смотреться будет, – заключил Владимир Сергеевич, поглаживая выпуклости и насечки, местами шероховатого на ощупь горшка.

Начали прощаться. Бабушка сожалела:

– Кувшин-от не могла вытащить, прижало его, тут корчага и тут корчага как раз, видно, садится дом-от. Голбец на кухне, и свет включатся, да не могла я вытащить, его прижало дак.

Посочувствовали, что ж делать-то. Конечно, дом староват, но еще ничего. Опалублен досками, покрашен, хотя краска уже потускнела, местами отслоилась. Зимой холодновато, поэтому снаружи по низу вокруг обложен метровыми пенопластовыми плитами, толщиной сантиметров пятнадцать для утепления. Спутниковая тарелка на стене.

**Владимир Сергеевич
ЧЕРНЫШЕВ,**
краевед Шатровского
района. Песчаная терраса
недалеко от места, где в
прошлом располагалась
деревня Бархатова.
2012 год

– Все зять заботится за тещу, чтоб потеплее, подольше и получше пожила, – вслух размышляет Оганя. – Чтоб теща не замерзла, а теща, может, седни жива, а завтра...

– Ну, еще поживете, — подбодрил Владимир.

– Не вижу нечо дак. Но все равно еще хожу, что делать-то. Седни еще георгины не были выкопаны, дак выкапывала. Все равно еще ково-то хожу, двигаюся. Не знаю, нынче проживу – нет ишшо в зиму-то. Дак говорю, хоть бы зимой-то пропасть бы дома, никуда бы не ездить. У меня одна дочь живет в Новом Мире. Вот тоже, молодинька была, девять классов кончила, газета пришла, она объявление вычитала, что в Юргамыше набирают на медиков учиться. Она села да уехала, да и Бог простит, и все.... Там и живет.

У нас тут один был, хотел открывать гончарно-то. Мамонтовский, Василко, пришел ко мне, говорит: «Ты, Оганя, раньше-то черепанка была?» – Я говорю – была. «Ак, поди, сможешь?» – Я тогда еще помоложе была, на пенсии давно уже. – Говорю: смогу – не смогу, а показать смогу, как черепанить-то. Сейчас уже ничего не сохранилось, ни гончарного круга, ничего. Как гончарку прикрыли, и Бог его знает, куда оно это все девалось. Я вообще не представляю, – заключила Ларионовна.

Окончательно попрощавшись, пожелав всего хорошего, здоровья, не болеть, на морозы не показываться, поблагодарив за интересную беседу, начали устраиваться к отъезду. Центральная улица, по которой мы приехали и теперь едем обратно, вымощена щебнем, местами с небольшими лужами в ямах. Мост через Исеть деревянный, но его не сносит весенним половодьем, хотя и заливают водой. Он достаточно высок, по всему полотну проложены тяжелые железобетонные плиты. Местами сваи просели. Просел, покосился и небольшой мостик через речку Духовку. Рядом с мостиком, пока мы были на Исети, привезли и выгрузили толстые сосновые бревна, а через дорогу потоньше. Видимо, для ремонта.

Строятся и обживают отдельные места в Духовке, в Светлаковском краю деревни, тюменцы. Проезжая по деревне, замечаешь каменные руины кинобудки на месте Дома культуры, исчезнувший, проданный года два назад в Тюмень, детский сад. Школа, сложенная из сосновых бревен в 19 рядов и 6 секций, смотрит пустыми окнами сквозь заросли кустарника. И хотя деревня пустеет, много нежилых, разрушенных домов, где-то остались одни ворота и колодезный журавль без ведра, есть надежды, что деревня еще поживет.

Вдохновение

Сергей СУРАЕВ

Зерно пошло

Строители

Наше полешко

МАНАКОВА
Ольга Павловна

Родилась 17 сентября 1937 года в селе Черемисское Шадринского района. Работала завучем в Яланской школе Сафакулевского района с 1961 по 1972 гг. После переезда в город Щучье до ухода на пенсию преподавала русский язык, литературу, историю. Стаж работы - 50 лет. Ветеран труда. Печаталась в газете «Новый мир», продолжает сотрудничать с щучанской районной газетой «Звезда».

БЫЛ ТАКОЙ ИНСПЕКТОР...

В 1999 году коллектив Щучанского отдела внутренних дел 9 мая, в День Победы, после митинга на площади и возложения цветов к памятнику воинами, погибшим в годы Великой Отечественной войны, поехали на кладбище, где бережно поставили корзиночки с цветами на могилы бывших работников милиции, также участвовавших в войне.

Я спросила у С.А. Беляева, заместителя начальника РОВД: «Почему цветы возлагают молодые милиционеры – они ведь не знали умерших?» Сергей Александрович ответил: «Всё верно, но мы их стараемся воспитывать на примере наших лучших сотрудников, таких, например, как Павел Иванович Манаков. Это как раз тот человек, с которого молодежь должна брать пример».

Вот о нем-то, бывшем инспекторе ГАИ Щучанского района, о человеке труда, моё слово.

Воспитывался Павел Иванович в обычной трудовой семье: отец до войны тоже работал в органах милиции, мать – в технической конторе. В этой дружной семье было трое детей – все парни. Счастливо жила семья до войны, но горе не обошло её. Погиб на фронте отец, затем пришла похоронка на среднего брата Сашу.

Восемнадцатилетним пареньком уходит на фронт Павел Иванович. В составе авиационной части охраняет восточные рубежи Советского Союза, участвует в разгроме Квантунской армии, за что получил медаль «За победу над Японией».

Бережно хранятся в нашей семье два пожелтевших листочка под заголовком «Служебная характеристика» с печатями под заголовком «Войсковая часть». В обеих характеристиках есть строчка о его трудолюбии: «За время службы в Советской Армии старшина Манаков показал себя только с положительной стороны. Дисциплинирован. В обращении вежлив, с товарищами общителен. Трудолюбив...»

После окончания войны еще 4 года служил в армии. И вот вернулся Павел Иванович в родные края. В 50-60-е годы он работает механиком Яланского зерносовхоза Сафакулевского района. «Честен, требователен, с большим чувством ответственности», – такую характеристику всегда давали этому человеку на торжественных собраниях, посвященных какому-нибудь празднику. Яланские механизаторы вспоминали: «Павел Иванович не только следил за тем, чтобы была техника в порядке, но и чтобы мы берегли автомашины. Много помогал наш механик начинающим шоферам, учил их разбираться в каждой детали».

С работы Павел Иванович всегда приходил поздно вечером, усталый, поужинав, старался помочь жене по хозяйству, спрашивал о делах на работе.

Я тогда только начинала работать в Яланской школе, так он у меня спрашивал (жили мы в одном доме), как учатся дети его водителей. Если я на чьих-то детей жаловалась, он говорил: «Ладно, завтра же поговорю с отцом твоего Кольки, поработаю и за его отца, а его отправлю к тебе на беседу». И обязательно обещание выполнял.

Это был человек, который стремился к большему в жизни. Имея очень мало свободного времени, всё-таки поступает учиться заочно в Петуховский техникум электрификации и механизации сельского хозяйства и успешно оканчивает его. А после становится сотрудником милиции города Щучье.

Новые товарищи по работе видят своего инспектора ГАИ всегда

энергичным, подтянутым, непримиримо относящимся к нарушителям. Любят и уважают его за душевность, веселую шутку, за четкость в работе, уважение и доверие к подчиненным. Один из гаишников часто называл его трудягой.

Каждое дорожно-транспортное происшествие Павел Иванович тщательно расследовал. Всегда очень переживал, если из-за халатного отношения выводили технику из строя, гибли. К своим же помощникам относился с благодарностью за помощь в наведении порядка на дорогах.

В 70-е годы большое внимание уделялось работе общественных инспекторов. Тесную связь с ними держал и Павел Иванович: они вместе принимали решения, как поступить с тем или иным нарушителем порядка на дорогах. Заседания таких советов он старался проводить непосредственно по месту работу провинившегося, зная, что разбор поведения водителя в кругу его товарищей оказывает большое влияние. Поэтому и домочадцы нередко слышали от отца: «Сегодня опять задержался – ездили... обсуждали...»

Сколько помню, Павел Иванович всегда с головой был в работе: с утра до вечера воспитывает, расследует, беседует. Работал и в выходные: в воскресенье уходил из дома в свой рабочий кабинет, объясняя своей семье: «Скопилось много бумаг, пойду поработаю». Так изо дня в день, из года в год.

Зарплата инспектора ГАИ в те годы бала небольшой. Находились и нарушители, которые предлагали Павлу Ивановичу взятку за то, чтобы вернул права, не штрафовал. Однажды он с возмущением рассказывал о том, как два армянину предлагали ему и его семье бесплатный отдых на юге, если он им сделает права.

– И что же вы им ответили? – спрашиваю.

– Послал их куда надо! Не хочу терять работу, не терплю взяточников: юг, отдых – это временно, работа – постоянно. А я без этой работы не могу.

– А что же Вы будете делать, когда пойдете на пенсию?

На этот вопрос Павел Иванович отвечал: «На пенсию идти не желаю – очень много на работе дел. Техники становится больше и боль-

ше, а мне – работы. Конечно, хотелось бы иметь побольше свободного времени – сходить в лес, побольше почитать...» Читать газеты, журналы, книги Павел Иванович очень любил. Последняя книга, которую он читал, была о маршале Жукове. Не дочитал – остановилось сердце...

В его семье бережно хранятся Почетные грамоты, медали «За безупречную службу в органах милиции», юбилейная – в честь 50-летия Советской милиции, и самые теплые воспоминания родных об этом человеке труда.

ИВАН ЯГУПОВ ВЕРИЛ В ДОБРО

В заметке-размышлении «Работа нас спасет» писатель Виктор Федорович Потанин сказал в адрес земляков-притобольцев: «Все они были знатными колхозниками, великими тружениками и хозяевами. Работать, трудиться в имя ближнего и дальнего своего человеку завещано небесами. Больше того, все это человеческая норма».

Прочитав эти строки, я сразу вспомнила труженика «во имя ближнего и дальнего своего» директора Яланского совхоза Сафакулевского района Ивана Степановича Ягупова, моё первое знакомство с которым произошло осенью 1961 года. По окончании Курганского пединститута я приехала в Яланскую восьмилетнюю школу. В один из учебных дней после уроков мы с ребяташками убрали на совхозном поле картофель. На мое замечание одному из учеников за несобранные плоды картофеля на его грядке: «Директор школы Григорий Прокопьевич нашу с вами работу раскритикует за то, что не все плоды собираем» – одна из учениц сказала: «Не только Григорий Прокопьевич, а еще и совхозный директор перепроверит, он ведь тоже следит за тем, как мы работаем».

А в том, как руководитель хозяйства проверяет и как сам работает, я убедилась на следующий год во время общего воскресника на сенокосе. Косить я не умела, но, посмотрев, как это делают коллеги, начала активно махать литовкой. Иван Степанович работал недалеко. Увидев, как я неумело размахиваю, подошел, показал, как нудно это де-

лять. Сам он справлялся с орудием труда очень здорово.

После окончания уборки в совхозе проводились спортивные соревнования. Иван Степанович с уважением относился ко всем участникам, благодарил за спортивные успехи.

А его забота о чистоте совхозных улиц... На одном из собраний в клубе он объявил: «Коров с завтрашнего дня хозяйки будут доить в поле, недалеко от реки Чумлячки, телят, овецек тоже будете оставлять вместе с коровами: в деревню пригонять скот пастух не будет». А на вопрос: «Почему?» – ответил: «Хочу, чтобы все улицы села были чистыми, зелеными, чтобы никакого мусора возле домов и дорожек не было. Детям своим скажите, чтобы березки и тополя берегли».

Жили мы с Иваном Степановичем в одном доме через стенку. Огороды были рядом. Его жена Анна Васильевна содержала свой огород в идеальном порядке. На нашем же участке частенько красовалась травка. Заглянув как-то в наш огород, сосед сказал, обращаясь ко мне: «А вот это не дело. Учись у моей Анны: хорошенько грядки пропалывай, тогда и урожай хороший будет».

Увлекался он пчеловодством. Однажды наша семилетняя дочка Света сказала: «Папа, а нас с Иринкой (её подружкой. – Прим. авт.) дядя Ваня с тетей Аней на их крылечке сегодня медом угостили. А еще дядя Ваня сказал, что пчелки – большие трудяги».

Работа совхозного директора начиналась с раннего утра. Сначала он направлялся в совхозную контору, затем были поездки по полям, проверка работы в местной столовой, пекарни, бани и других объектов. В те годы в селе строили много новых зданий, ремонтировали старые. Совхозный прораб – муж моей подруги – домой с работы часто приходил поздно вечером. На вопрос жены: «Почему опять так поздно», – отвечал: «Да мы с Иваном Степановичем под вечер сначала все постройка обошли, а потом в его кабинете планировали, где и какой стройматериал использовать, как лучше оборудовать зерноток. Ты ведь сама знаешь, как он за все переживает и с нас спрашивает».

Больше всего директора волновали сельхозработы и общественное животноводство. С уважением относился он ко всем тем, кто трудился на полях, зернотоке, в совхозном саду.

Запомнилась мне его беседа с учениками. Помнится, после окончания уборки Иван Степанович пришел на классный час к восьмиклассникам. Его рассказ о тружениках совхоза дети выслушали с большим интересом: «Вы скоро закончите учебу в Яланской школе, верю, что большинство из вас останется в совхозе и на его отделениях, где работают ваши родные. Учиться владеть техникой будете у лучшего рабочего автомастерской Юрия Дюрдеева, а работе в саду вас научат отец и сын Сусловы». Он интересно рассказывал о лучших механизаторах Леониде Холявко, Анатолии Пагарникове, известных своими славными делами не только в Сафакулевском районе, но и в области, о том, как они трудятся на совхозных полях. Закончил свою беседу Иван Степанович небольшой фразой: «Готовьте себя к честному труду, где бы вам ни пришлось работать!»

К сожалению, нет уже Ивана Степановича в живых, но я уверена: те, кто знал этого трудолюбивого, верного своему делу руководителя, с уважением вспоминают о нем, о том времени, когда Яланский совхоз процветал.

В размышлении «работа нас спасет» Потанин написал: «Нужно верить в добро, а добро – это труд». Совхозный директор Иван Степанович Ягупов в это действительно верил.

**ВАЦЕНКОВА
Клара Семеновна**

Родилась 28 мая 1938 года на Украине, в городе Конотоп. В 1941 году вместе с семьей эвакуирована в город Щучье. В 1955 окончила школу, поступила в Курганский сельскохозяйственный институт. В 1960 получила образование по специальности «агроном». Работала в контрольно-семенной лаборатории, после - в государственной семенной инспекции, в должности заведующей - с 1985 до 1997 годов.

СУДЬБЫ ЕЕ ПРОСТОЕ ПОЛОТНО...

«Великие души остаются незамеченными. Великих душ гораздо больше, чем принято думать».

Ф. Стендаль

Землю красит солнце, а человека труд. Так можно сказать о замечательной женщине, медработнике Щучанской районной больницы Татьяне Валентиновне Сусловой – трудовой стаж которой 46 лет. Многие жители города, да и района, хорошо знают ее.

Еще учась в школе, она решила выбрать профессию медика. Что может быть более благороднее, чем служить на благо здоровья людей? А может быть, повлияла на этот выбор профессия ее тети – Зинаиды Андреевны Зайковой, которая много лет проработала в Щучанской ЦРБ главным врачом. Под ее талантливым руководством коллектив больницы всегда занимал первые места по Курганской области по качеству обслуживания жителей города. В 10-ом классе после уроков Татьяна спешила на вечерние занятия курсов подготовки медицинских сестер. Так прямо из-за школьной парты и пришла она в

Сулова Татьяна Валентиновна

Фото Елены Сафоновой

качестве медсестры в отделение терапии.

Татьяна Валентиновна родилась в 1954 году, когда страна постепенно отходила от ужасных последствий войны. Она мечтала получить высшее образование, быть врачом, но ранняя смерть матери, скромное материальное положение не позволили осуществить ее заветную мечту. Проработав два года, вышла замуж, родила сына. В 1975 году перешла в стоматологический кабинет, где проработала медсестрой девять лет. Наряду с основной работой занималась и общественной; в течение пяти лет была в редколлекции по изданию стенгазеты. Показав себя только с положительной стороны, со временем была переведена в процедурный кабинет. Здесь Татьяна Валентиновна трудится уже 33 года, и за это время Татьяна освоила работу в совершенстве. С ювелирной точностью находит места, куда можно поставить укол или взять кровь на анализы. Ее мастерство и ловкие руки говорят сами за себя. Т. В. Сулова имеет пять почетных грамот за добросовестный труд. За день работы через ее руки (в прямом смысле этого слова) проходит в среднем не менее 60 человек, и всем нужно внимание, ведь на процедуры в большинстве случаев ходят люди преклонного возраста. Все пациенты ее уважают за высокий профессионализм, и когда она уходит в отпуск, остро ощущается ее отсутствие.

Татьяне Валентиновне в следующем году исполнится 64 года. Однажды я у нее поинтересовалась, ощущает ли она свой возраст? «Ой, что вы! Нет, конечно, не чувствую его. Бывает, вспоминаю мо-

лодость, когда мы верили в светлое будущее. Тогда, действительно, было много хорошего, уверенность в завтрашнем дне была. Можно было пожаловаться на недолжное отношение какого-то работника, и сразу принимались действенные меры. В наше время, к сожалению, доброжелательность и готовность прийти на помощь утрачены в значительной степени. Жаль, конечно, что время летит неумолимо. Но у меня хорошая семья – сын и трое внуков. Я счастливый человек!» – так ответила она на мой вопрос.

МАШНИКОВ
Михаил Александрович

Член Катайского литературного клуба при районной газете «Знамя». Выпустил 10 книг. Принимал участие в региональных, всесоюзных, областных конкурсах, где был победителем и призёром. В настоящее время работает над новой книгой.

ДЕРЕВООБРАБАТЫВАЮЩИЙ ЦЕХ

Про цех наш всё словами не расскажешь,
Не вскрыешь на газетной полосе
И даже в кинофильме не покажешь,
Да и зачем проблемы эти все.

Вы лучше в цех к нам сами приходите,
Посмотрите воочию на нас,
В малярке «кислородом» подышите,
Мы всё покажем в явь и без прикрас.

Мы делаем литейную оснастку,
Пакуем в ящик сделанный товар,
Нам не нужны ни кнут и ни указка –
У каждого в работе Божий дар.

Вы не смотрите на глаголы косо,
Улыбку пряча хитро под усы –
У нас идёт зачатие насоса,
А мы, так получается, отцы.

Машина – наше детище святое,
Ума и рук рабочих волшебство,
Мы в этот плод, не ведая покоя
Несём тепло и жизни торжество.

И наш насос достойно держит марку,
И это не предел и не рекорд,
Все трудовые впереди подарки,
И впереди завода полный взлёт!

МОДЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК

Как в песне поётся, в четверостишье –
Нам всё здесь знакомо – от стен и до крыши.
Мы каждое утро торопимся в цех,
Нам надо, чтоб был у завода успех.

Светло здесь, как будто в садовой теплице,
Такое другим может только присниться.
Роскошная зелень чарует ваш взгляд,
Здесь, проще сказать – ботанический сад.

И музыка льётся – романс и шансон,
Поют Шуфутинский, Малинин, Кобзон.
Минуту побыв здесь вы сразу поймёте,
Что этот уют не мешает работе.

Тепло на душе и спокойно на сердце,
Когда со цветами соседствует песня,

Не слепит глаза и не режет нам слух,
А лишь горячит производственный дух.

Рабочие здесь не пинают баклуши,
И здесь вам «лапшу не повесят на уши».
Не верится вам? Тогда в цех приходите
И сами своими глазами взгляните.

Не плавят чугун здесь, ни меди, ни стали,
Но нашу работу вы вряд ли видали.
Чудес не бывает, вы знаете сами,
Модельщик творит всё своими руками.

Не думай, что только стучит молотком,
Сперва поработай своим «котелком»,
Подумай, помысли, семь раз всё измерь,
Чертёж досконально прочти и проверь.

Ты изучил, приступаешь – и вот –
Работают пилы, фуганок ревёт.
Со стороны – всё красиво и ловко,
И вот на клею замерла заготовка.

Под грузом тяжёлым на сутки зажата,
Но не сидят без работы ребята.
От свежей доски до зеркального глянца
В работе так много причин и нюансов.

И вот, наконец, контролёр измеряет,
И головою довольно кивает.
На ровной плите не модель, а картина,
По ней изготовлена будет машина.

«А что за машина?» - возникнет вопрос.
«Добротный, надёжный, всем нужный насос!»

ЗАТОЧНИКУ

Все «ленточки» как лезвия остры,
Как зубы в пасти хищницы-акулы,
И диски циркулярок ждут поры,
Чтоб к наждаку их «жалом» прикоснули.

Фуганок бреет лица у досок
С колючею шершавою щетиной,
Ему берёза – масляный кусок,
Он не с такой справлялся древесиной.

Всему заслуга, парень-заточник,
Которого замашки удалые,
В профессии своей не ученик,
И руки у мужчины золотые.

НАЧАЛЬНИКУ

Начальник наш опрятен и наряден,
Румян и свеж, и тщательно побрит,
Он до работы, прямо скажем, жаден,
Он здесь душою пламенной горит.

Весь в мыслях, планах, сроках и заботах,
По цеху непрерывно так и «шьёт»,
Здесь указал, туда направлен кто-то,
Что даст с утра, а что-то подождёт.

Извилины, как струны контрабаса,
Натянуты в коробке черепной,
И потому-то у такого аса
Промашки нет в работе ни одной.

УПАКОВЩИКАМ

Мужики на упаковке
Молодцы-богатыри
С их умением и сноровкой
Бьют с рассвета до зари.

Молотком “семидесятку”
За один размах-удар
С острия до самой шляпки –
Это тоже Божий дар.

Время даром не проходит,
Знают парни счёт минут,
Пока гвоздь в доску заходит –
В это время отдохнут.

Перекурят треть минуты
Ровно в десять – и к плите,
Не кончая институтов,
В ДОЦ они на высоте.

ДЕНЬ УЧИТЕЛЯ

Клин журавлей пронзает синеву
И вот уж виден в небе еле-еле.
Багряным золотом опавшую листву
Гуляка-ветер гонит по аллее.

Погожий день метели золотой,
Прохлады звон в бескрайности небесной,
А ноты, взятые шуршащею листвой,
Звучат в душе чарующею песней.

Сегодня праздник ваш, учителя,
Ваш светлый день, родные педагоги,
И вас цветы осенние не зря
Встречают возле школьного порога.

И пожеланьям добрым, и словам
Пусть не будет ни конца, ни края,
И светлые улыбки – тоже вам,
Не сходят с лиц, как солнышки, сияя.

И ранние морщинки возле глаз,
И седина, что мало украшает,
Всё это право, больше из-за нас,
И из-за этого давление донимает.

Хочу я низко поклониться вам
За важный труд, упорство и терпенье,
Поверьте моим искренним словам
И от нас всех примите извиненья.

И в праздник вас, мои учителя,
Сердечно и душевно поздравляю,
Подарок вам – поэзия моя,
Я счастья вам бескрайнего желаю.

И вечер при таинственных свечах
Пусть душу добрым ангелом лелеет,
Бокал шампанского в сияющих лучах
Вам сердце благородное согреет.

ВОИНКОВА
Светлана Викторовна

В 1979 году закончила Сумкинскую среднюю школу, в 1983- Курганский сельскохозяйственный институт, получив специальность экономист по бухгалтерскому учету в сельском хозяйстве. Сельский корреспондент районной газеты «Вестник района».

Увлечения: краеведение, фотография.

«Не один в поле ВОИИнков и МАКСимов»

Можно бесконечно сокрушаться, как быстро летят годы. Но лучше лишний раз посмотреть фотографии прошлых лет и поговорить с повзрослевшими за эти самые годы, земляками – героями снимков.

На одной из самых интересных фотографий, что прошли за годы увлечения краеведением через мои руки, стоит дата: 18.09.1969. И рукой не кого-нибудь, а Александра Федоровича Нечухрина из «Молодого ленинца» написано пожелание всего доброго Максиму Саньке, восемнадцатилетнему комбайнеру 4 отделения совхоза «Комсомольский». После окончания восьми классов Байдарской школы в 1966 году паренька приняли в совхоз разнорабочим. Многому пришлось научиться с детства у мамы и брата, поэтому наравне со взрослыми и сено метал, и зерно сортировал. А вот работа по электрофикации села разделена была: ребята копали ямы под столбы, а специалисты-электрики натягивали провода. За два года учебы на тракториста в с. Чумляк Щучанского района руководству училища приглянулся наш Саша так, что предложили остаться работать на полях училища. Но «нет для нас краше Байдаров наших», – поехал домой и попросил местных руководителей написать письмо «о нехватке кадров механизато-

Александр Максимов,
18-летний комбайнер

ров». Так, вернувшись домой в августе 1968 года, получил в свое заведение старенький комбайн СК-3. Через год дали комбайн чуток получше – СК-4. Из удобств – та же тентованая крышка над сиденьем и деревянный бачок для питьевой воды. Зато желание работать было великим. Часто случалось ночевать в бункере в соломе, чтобы не тратить время на дорогу до дома и обратно. Поэтому и публикация в областной

газете появилась и как следствие – государственная награда «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

Два года службы в Германии не отбили желания выращивать хлеб в зауральской глубинке. Был и бригадиром полеводческой бригады, и звеньевым по заготовке кормов, и бригадиром у трактористов, работающих на К-700. Все было в жизни за это время: и радости в виде внеочередного приобретения автомобиля «Москвич», и то, от чего пословица советует не «зарекаться»... В совхозе Александра ждали и доверили управлять отделением.

На горизонте преобразований уже виднелись расформирования коллективных хозяйств и создание крестьянско-фермерских. В 1993 году в числе других появилось и хозяйство Максимова А.В., которое просуществовало ни много ни мало 24 года. Работали с родственниками, на подмогу вернулся из города сын Сергей. Казалось, что трудности не страшны, если занят любимым делом. Но сердце, что всю жизнь болело за производство, дало сбой. Потом добавились иные пробле-

мы со здоровьем, которые привели к инвалидности.

Александр Викторович духом по-прежнему силен. Посильная помощь по дому супруге Галине Викторовне, обязательное общение на лавочке с бывшими коллегами-хлеборобами, которые, проезжая мимо, непременно остановятся побеседовать с товарищем, а для многих и с бывшим наставником.

Для **Юрия Леонидовича Воинкова** (на фото второй слева) Александр Викторович как раз и наставник, и бригадир, и пример безудержного рвения к хлеборобскому труду. Много общего у них, ставших комбайнерами вскоре после выпускных экзаменов.

Запись у Юрия в трудовой книжке о принятии трактористом-машинистом от 8 июля 1977 года. Косовичный комбайн СК-4 был, наверное, не младше молодого рулевого, но не подводил в страду.

В конце октября этого года Юрий, придя на «наряд», узнал, что на 29 октября ему повестка в военкомат. Морчасти погранвойск не дали забыть запах дизельного топлива – все три года служил мотористом не только малого катера, но и большой корабль доводилось получать в Хабаровске.

По возвращении домой была возможность устроиться связистом на АТС, но в военкомате затерялся паспорт, а пока выправлялся новый, механик отделения совхоза Гетманов В.П. пригласил вернуться в полеводство, пообещав не только новый комбайн, но и трактор. И более 40 лет крутили руки потомственного хлебороба (отец Леонид Максимович – агроном) штурвалы тракторов и комбайнов. Бывало, в одиночку приходилось бортировать Кировские колеса на поле, ремонтировать трактора не только в машинотракторной мастерской, но и капитально в специализированных мастерских в Лебяжье и Канашах.

Научившись выносливости в работе у старших товарищей, не от-

вергали нововведений. Работали с братьями Александром и Борисом в КИТах(-коллектив интенсивного труда). Кроме многочисленных грамот, денежных премий, были награждены и туристической путевкой по стране, и внеочередной покупкой автомобиля.

А еще Александр удостоен Мальцевской премии, а Юрию в 1986 году вручили орден Трудовой славы III степени. Среди грамот Воинкова Ю.Л. хранится Свидетельство о занесении его имени в районную КНИГУ ПОЧЕТА за высокие производственные показатели в 1987 году.

Крестьянским хозяйствам дали больше самостоятельности в работе, но не надолго. Радость от запаха весеннего поля перебивали высокие цены на горючее и запасные части, и низкие на зерно. Здоровье выбило из колеи среднего брата Александра. Так все потихонечку перешли из юридических лиц в физические, а затем и на личные подсобные хозяйства.

Подрастающему внуку Павлу (**на фото сверху**) Юрий Леонидович старается рассказать и показать не только, как заготавливается сено для коров, но и как работают комбайны современного поколения и чем они отличаются от тех, на которых начинал работать дедушка.

МОРДВИНОВА
Полина Денисовна

12 лет. Родилась 3 октября 2006 года в городе Шумиха. Посещала детский сад №1. Занимается в детской школе искусств с 4 лет. В свободное время играет на флейте. Зимой любит кататься на коньках и лыжах, и в любое время суток читать. Вся дружная и большая семья любит собак, которых у них четыре: йорк, той-терьер и два алабая. В школе учится в 6-м классе на «отлично».

ТРУД - ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ

*Труд в наше время — это великое
право и великая обязанность.
Виктор Гюго*

Земля зауральская славится трудовыми людьми. Только трудом живёт человек. Каждый человек имеет право на труд. Я хочу рассказать о человеке труда, который много сделал для жителей города Шумиха, о моей бабушке – Александре Васильевне Циулиной.

Александра Васильевна родилась в самой обычной крестьянской семье в конце 40-х годов в деревне Чердаки Щучанского района Курганской области. Моя бабушка рассказывала мне, что родилась 7-месячным ребёнком, её запеленали и положили на печку. Но Александра хотела жить и уже спустя два месяца стала кричать. Мать её

работала поваром в школьной столовой, закончила 4 класса. А отец, прошедший всю Великую Отечественную войну, работал шофером. Мать часто по ночам шила одежду для своих детей из лоскутков старых вещей.

В школе Александра Васильевна была одной из лучших учениц, активно участвовала в общественной жизни школы, организовывала субботники, праздничные мероприятия, помогала младшим и отстающим. Учителя и ребята звали её Шурой. С длинными кудрявыми волосами, заплетёнными в две косички, Шуру знала вся школа. Даже маленьким первоклашкам она помогала и объясняла сложную и непонятную математику.

Наряду с этими качествами, её отличало и отличает большая любовь к природе и животным. Однажды Шура с подругами возвращалась со школы и на обочине дороги услышали слабый писк слепого котёнка. Подружки отказались брать его. Но Шуре стало жалко несчастного, и она решила забрать его домой, несмотря на то, что мама будет недовольна. После многих бессонных ночей и, благодаря Шуриной заботе, котенок вырос красивым и пушистым котом. Кот любил свою хозяйку, всегда провожал её до школы и встречал, радостно ласкаясь у ног.

В старших классах моя бабушка мечтала стать педагогом. Уже в девятом классе Шуру избрали секретарём комсомольской организации школы. При ней была организована производственная бригада, был построен лагерь в лесу. Они занимались сбором золы, макулатуры, металлолома. Шура была хорошим организатором и лидером, умела организовать ребят, даже грозные и большие парни побаивались ее и послушно выполняли поручения.

Александра вместе с ребятами из школы занимались сельскохозяйственными работами, в конце лета убирала пшеницу, картофель, свёклу. Она очень уставала за день, но вечером после рабочего дня, возвращаясь домой, помогала маме по хозяйству.

В свободное время бабушка с друзьями играли в волейбол, футбол, купались в озере, ходили в лес за ягодами и соревновались, кто больше соберет. В зимнее время бабушка отлично ходила на лыжах. Алек-

сандре хорошо давались технические предметы, участвовала в областных олимпиадах по математике, учителя и родители гордились ее заслугами и достижениями. Благодаря бабушке и ее активным действиям класс был дружный, и до сих пор они поддерживают связь с одноклассниками.

После отличного окончания Галкинской школы Шура поступила в Курганский педагогический институт заочно на биохимическое отделение. Бабушка хорошо ладила с детьми, понимала их. Поэтому одновременно с учебой Александра Васильевна работала в родной Галкинской средней школе Шумихинского района учителем. Дети всегда ее слушались. Для них Александра проводила много различных встреч с участниками Великой Отечественной войны, а также приобщала их читать и гордиться великими подвигами русских солдат. Она оформила в пионерской комнате стену памяти, где были фотографии участников войны. Бабушка помнит, как отмечали 19 Мая день Пионерии.

Александра выходит замуж за моего дедушку, по семейным обстоятельствам они переезжают в Темиртау, там и родилась моя мама. В Темиртау бабушка работала учителем биологии в медицинском училище. Затем они переехали в Челябинск, и она так же продолжила работать учителем биологии, только уже в школе.

Дальше Александру перевели в СПТУ-16 в город Шумиху (в настоящий момент Шумихинский аграрно-строительный колледж) на должность заместителя директора по учебно-производственной работе. Главные проблемы в училище были дисциплина и посещаемость. Александра это сразу поняла и начала бороться с недостатками. Каждый день стала обязательна линейка, где велся отчет присутствия учащихся. Также была сложность в прохождении практики и в трудоустройстве, методические работы были на низком уровне. Александра занялась методикой в профессиональном образовании. Она организовывала открытые уроки, классные часы, беседы.

В мастерских требовался ремонт, поэтому Александра Васильевна Циулина занялась и этим вопросом. Переоборудовали производственные мастерские, провели замену станков, сделали ремонт в мастерс-

ких, закупили новые детали и инструменты. Бабушка лично открыла вторую швейную мастерскую. Ох, как много было желающих девушек обучаться швейному искусству! Одним из достижений бабушка считает открытие филиала при Карачельской средней школе по подготовке механизаторов для сельского хозяйства.

При Александре Васильевне Циулиной жизнь и учеба в училище изменилась в лучшую сторону. Преподаватели и ученики с уважением и с благодарностью относились к бабушке. Со многими учениками у Александры сложились теплые дружеские отношения, с некоторыми общается до сих пор. Многие молодые выпускники уходили в армию и писали ей письма. А вечерами приходили ребята к ней за советом.

После выборов Главы администрации Шумихинского района Александра Васильевна Циулина была приглашена на должность заместителя Главы администрации района по социальным вопросам. 90-е годы были сложные для города и района, были проблемы в социальной и экономической сфере. Александра Васильевна большую работу проводила по социальной поддержке детей из многодетных и малообеспеченных семей.

Чтобы собрать детей к школе, организовывала месячник милосердия, собирали вещи: кто даст ручку, старый рюкзак. Также проявляла заботу о педагогических кадрах, в районе проводился ежегодный смотр-конкурс «Учитель года».

В 2002 году Александра Васильевна была в командировке в Америке по приглашению американской стороны. Группе из России проводили экскурсии по достопримечательностям Вашингтона, а также по детскому саду, университету. Александра отметила чистоту и порядок города, и как по-другому идет жизнь в чужой стране. Александра Васильевна выступала в Капитолии США с речью о мире между Россией и США, о ненужности политических конфликтов, и как важно, чтобы власти не забывали о жизни и интересах простых и мирных граждан.

На прием к бабушке приходили до 50 человек в день, и каждый со своими проблемами: у кого не было денег на похороны близкого че-

ловека, а у других не давали зарплату по несколько месяцев. Александра Васильевна всегда всех выслушивала, подбадривала и помогала решать проблемы. Она особо помогала малоимущим семьям, устраивала работать за паек, в котором был сахар, хлеб, крупа. Работа заключалась в покраске кабинета в школе или какая-нибудь другая посильная, но нужная работа. Своим опытом работы Александра Васильевна делилась на областных совещаниях. За многолетний добросовестный труд Циулина А.В. награждена медалями «За трудовую доблесть» и «Ветеран труда», знаками «Отличник профессионально-технического образования» и «Лучшие люди России», медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

После выхода на пенсию Александра Васильевна продолжает общаться с коллегами, выступать на праздничных мероприятиях, приходила на классные часы к моей старшей сестре. Сестра рассказывала, что ее одноклассники были восхищены нашей бабушкой, и все ее внимательно слушали, ловили каждое ее слово. У бабушки есть так особая сила – притягивать и располагать к себе людей. Даже сейчас она легко находит общий язык с молодым поколением.

Главной целью жизни, обязанностью моей бабушки Циулиной Александры Васильевны был труд. Бабушка делала ту работу, которая ей по душе. От работы бабушки была польза всему Шумихинскому району. Александра Васильевна Циулина трудилась всегда и при любых обстоятельствах, не искала легких путей. Для неё труд – это дело чести и совести.

Я люблю и уважаю свою бабушку, очень горжусь её заслугами!

КУДЕЛЬКИНА
Надежда Леонидовна

Член литературного объединения «Шатровские зори» Шатровского района. Закончила Шадринский государственный педагогический институт. Педагогический стаж - 34 года. В настоящее время - на пенсии. Издала три авторских книги.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

О колхозной жизни будет мой рассказ,
О капитализме – это в другой раз.
Был колхоз «Победа»: строились дома,
На полях – обеды, хлеба – закрома.

Тучный скот на фермах, травы на лугах,
Отдыхали нервы – день хоть на ногах,
Добрые зарплаты, песни до утра,
И все были рады. Вот была пора!

Новиков в ту пору председатель был,
Лёгкий и весёлый, полный жизни, сил,
С раннего рассвета был он на ногах,
Хоть зимой, хоть летом, вьюга ли, пурга.

Множились удои, прирастал привес,
Время золотое без приставки «без»!

Не было бездарных, безответственных!
Создавались пары – да и как без них?

Песни да работа – словно рай земной!
Это было что-то! Был колхоз такой!
Новикову – слава за его дела!
Силой самой главной партия была.

Разные награды Новиков имел.
Здание детсада, фермы... столько дел!
Успевал он всюду, и про всех всё знал,
Был для всех примером!
Только вот... устал.

Пенсия настала – вышел на покой,
А потом – не стало. (Царствие с тобой!)
И в жару, и в замать он колхозом жил!
Потому и память, правда, заслужил.

Вот такие люди быть должны труда!
И Россия будет сильною всегда!

БАЖЕНОВА
Любовь Михайловна

Жительница Петуховского района.
Автор двух сборников прозы.

БОЖИЙ КРЕСТ

Если ехать по большаку из Кургана в сторону Казахстана, то в десяти километрах от Петухово будет свёрток направо с указателем: с. Зотино, год образования 1929. Дорога с километр длиной больше похожа на аллею. Берёзы, ракиты, визили и прочее цветущее разнообразие обступают асфальт с обеих сторон. Да и само село, когда-то центральная усадьба совхоза «Раздолье», благоденствует, расположившись на увале, под тёплыми солнечными лучами и прячась от его палящих лучей в тени вездесущих клёнов, раскидистых тополей и доморощенных елей. К услугам рыбаков и сельской ребятни почти к самым огородам примыкают четыре озера, и только одно из них считается нечистым, поскольку, по словам старожиллов, там покоится утопленник. То ли рыбак, то ли охотник покинул свою лодку на самой глубине. Подробности забыты, но озеро по-прежнему используется только для летнего водопоя скота. И это, пожалуй, единственный миг в сельском пейзаже.

Красота – пища для души, для тела нужно кое-что посущественнее, материальное, что и создавалось теми, кому сейчас за семьдесят. Как вихрь, пронеслась по селу так называемая перестройка. Дорогой жиз-

ни была для большинства сельчан дорога на ферму, проторённая их полубосыми ногами. Теперь она упирается в не менее масштабную сельскую свалку. Да и сами скотники, доярки, телятницы, чьи фотографии когда-то украшали доски почёта, сидят по домам, растирая свои простуженные ноги, с радостью встречая любого гостя. Позабыли к ним дорогу корреспонденты, что, мол, о них говорить? Отработали, свою долю славы получили. И в связи с этим пришли на память строки из басни И. Крылова “Листы и корни”:

*«... Вы кто такие там,
Что дерзко так считаться с нами стали?» –
Листы по дереву, шумя залепетали.
«Мы те, –
им снизу отвечали, –
Которые, здесь роясь в темноте,
Питаем вас. Ужель не узнаете?
Мы корни дерева, на коем вы цветёте».
Красуйтесь в добрый час!*

Кто они мои героини, герои нашего прошлого времени?

Вот Мария Константиновна Горохова, чьи распухшие от простуды ноги давно не переступали порога своего дома и потому рада она любой живой душе, что не прочь сгладить её одиночество. Её не надо ни о чём спрашивать. У неё уже давно заготовлено письмо в редакцию, да дочь всё не отправляет, говорит, что ошибок много. Но ведь главное – не в красоте слова, а в красоте жизни. Прожили они со своим мужем Владимиром Ивановичем в счастливом браке пятьдесят шесть лет. Пятерых детей вырастили, так что медалью «Материнская слава» она гордится больше, чем «Ветеран труда». Только дояркой проработала тридцать семь лет. По заслугам был и почёт. Делегировалась на областной слёт передовиков, избиралась депутатом сельского Совета...

– В целом, жизнь удалась, – признаётся Мария Константиновна, – жаль, что образования получить не удалось, два раза в первый класс

поступала. Пока тепло, учусь, наступают холода – у меня бессрочные каникулы. Такая нужда была во всём, словами не передать. Когда отец на фронт уходил, нас у матери оставалось пятеро. Выкарабкивались из нужды как могли. Собирали на поле мороженую картошку, добавляли в неё отруби – вот и хлеб. Всякую траву перепробовали. Отца ждали. Не дождались. Женился наш батька, не доехав до дома.

Помолчала. Промокнула кончиком платка повлажневшие глаза. Вздохнула.

– Какая бы молодость ни была, а вспоминается, как будто вчерашний день. Придёшь с дойки уставшая, как собака, не шутка – пятнадцать коров вручную подоить, фляги с молоком на машину погрузить... А заиграет гармошка – и усталость, как рукой снимет. Зимой-то ходили в резиновых сапогах, а летом босиком. На подошвах такие натоптыши бывали, что босиком по стерне ходишь и хоть бы что. Ну, а на вечерки-то уж «обувались». Глины-то на озёрах полно, вот мы и мазали ею ноги до щиколоток – ботинки, а выше – уже сапожки! И всё равно весело было. Пока до клуба идём уже и новую частушку сочиним, хоть вот такую:

*Пойдёмте, девчонки, саранки копать,
У твоёва дарагова портянки видать.*

А в ответ с другого конца улицы слышим:

*Не смеяться вами-то
Вами-то над нами-то.
Посмотрите на себя
Хороши ли сами-то.*

Всё короче и короче осенние дни. Вот уж и сумерки спускаются на село, медленные тяжелые, как думы, потревоженные нашим разговором. Молчим и невольно обращаем взгляд на экран телевизора. Молодая особа, восседая в кресле, как царица на троне, указывая паль-

цем на своего «бывшего», пытается доказать, что этот «козел» (в общем-то известный артист) отказывается признавать их общего ребёнка и оказывать помощь в его воспитании. Идут продолжительные диалоги... И, наконец, зачитывают результат теста ДНК, и зал взрывается невообразимым шумом. Осечка! Как говорится: был Федот, да не тот.

И тут в памяти всплывает образ другой женщины-героини моего ненаписанного очерка.

Небольшая, заставленная кувшинами, кастрюлями и чугунами (видимо с картошкой для поросят), кухня и небольшая комната, именуемая залом. Время обеда и, чётко зная регламент своей семьи, в двери одна за одной заглядывают любопытные, испачканные паслёном, детские мордашки с неизменным вопросом:

– Мамка, когда обедать будем?

Почувствовав неловкость, спешу закончить беседу вопросом о муже.

– Какой муж? – она недоумённо пожимает плечами, – нет у меня никакого мужа. И не было никогда. – И, замечая мой недоумённый взгляд, объясняет, как педагог первокласснице. – Я ж тебе рассказывала, что до фермы много лет конюшила. Это ж всё в ночном да в ночном, а кругом мужики-трактористы, то зябь пашут, то пары. Он же – зараза – привяжется и не отстанет, пока своего не добьётся. Вот дети-то и рождались.

Сидя в автобусе, идущем в обратный рейс, восстанавливаю пословно нашу беседу.

– В телятник-то я перешла, когда лошадей в колхозе почти не стало. Непривычно поначалу было. Коровы, как нарощно, день стоят, а к ночи телиться надумают. Скотник, конечно, смотрит, но за телёнками мне отвечать. Вот и бежишь в ночь-полночь, завернёшь в тряпку какую, а то и в свой халат, притащишь его да под лампу отогревать. Сначала из соски поишь, потом с пальца. Стараешься, чтобы рос быстрее, ведь каждый грамм привеса – это копейка к зарплате. От государства-то помощь была невелика – выплачивали, как матери-одиночке, по пять рублей на каждого, а хотелось, чтобы ребятишки и

одеты, и накормлены были не хуже других. Жаль дочки не получилось. Говорят, когда при этом деле женская любовь больше, тогда и девочка получается. Значит, сама виновата, что нелюбихой уродилась.

Очерка тогда не получилось, не знала, как оценить поступки своей героини: то ли распутница, вламывающаяся в чужую семейную жизнь, то ли просто женщина с неудачной судьбой. А может это просто Мать, готовая ногтями землю грести, выводя своих детей на правильную дорогу?

*От людей на деревне не спрячешься,
Нет секретов в деревне у нас,
Ни сойтись-разойтись, ни сосвататься
В стороне от придирчивых глаз.*

Что правда – то правда. Знает деревня о своих жителях даже то, что он и сам о себе не ведаёт. Кого-то сразу примут, как родного, называют по имени-отчеству, а кто-то, родившись и состарившись в родительском доме, так и остаётся с каким-нибудь, прилипшем к нему в детстве, прозвищем. К деревне надо привыкнуть, а точнее – её понять. Не от дешёвого бахвальства человек порой возьмёт да и ввернёт в свою речь этакое крепкое словечко, а потому, что этим он освобождается от скопившейся внутри отрицательной энергии. Женщинам в этом случае проще: обсудили свою беду с товарками, окропили дружными слезами – и мир вокруг уже другой, и беда не такая уж и беда.

Такие мысли я вынесла из общения с Валентиной Яковлевной Бусыгиной. Наше первое знакомство состоялось около тридцати лет назад. Я приезжала к ней по заданию редакции районной газеты как к одной из лучших доярок совхоза «Раздолье». И вот мы снова сидим в её маленькой, по-деревенски убранной, комнате. С первого взгляда даже не узнаём друг друга – так изменились. У Валентины Яковлевны неизменными остались только большие голубые глаза. Да и как не изменились-то? Вместо искристости и задора в них поселилась

тоска и какое-то безразличие к происходящему. И блеснули они не от счастья, а от нахлынувших воспоминаний, которые я разворошила своим вопросом: а как это было? Бросила на меня укоряющий (как мне показалось) взгляд и выдохнула:

– Худо было. Сама посуди – война. Когда она началась, мне было три года. Отец вернулся инвалидом, ходил на костылях. Где-то неизвлечённая пуля в нём сидела. Помню только, что он всё время был на работе... И ещё однажды принёс мне коробку леденцов...

Ритмично стучит по стене то ли ветка, то ли оторвавшийся провод. Тихо, без эмоций течёт её рассказ: как спорили из-за каждого навильника сена, как норовили силоса побольше в подол наложить, разнося его по своим красулям-коровкам...

Но – молодость! Она и памятьлива, и забывчива. Стоило скрипнуть гармошке – и девичье сердечко уж бьётся, как пташка в клетке, и глаз от окна не отвести. Не его ли – Володина гармошка, подаёт ей свой голос?! Его трактор уже у ворот стоит, значит он. Да кому ещё такое счастье, чтобы парень и тракторист, и гармонист одновременно!

Хоть не очень следили парни за своей внешностью, зато гонору хоть отбавляй. Вот и Владимир, встретив Валино сопротивление, ухмыльнулся: “Ну, ты что, дурочка? Я же тебя замуж беру”. Уже через месяц Валентина поняла, какое женское счастье ей подвалило. Запил муженёк, загулял и стала жена помехой.

– Думала: появятся дети, и остепенится. Трех сыновей ему родила, а в ответ одни оскорбления. Но судьба, как свела нас, так и развела. Сама парней поднимала. Где какое место освобождалось, шла без разбору: в поле – так в поле, на ток – так на ток.

Помню, валки на току переворачивали, чтобы не проросли, подошли ко мне наши же ребята Миша с Колей: дай, говорят, хоть по горсточке зерна, домой унесём, мать кашу сварит. По горсточке в каждый сапог – никто и не заметит. Видно, Господь меня уберёт, не согласилась, а за парнями, видать, кто-то доглядел. Осудили их, по четыре года дали, так в село и не вернулись. А люди что? Поговорили, посудачили, да и забыли.

Чтобы выделить человека среди живущих на земле существ, Бог, кроме прочих преимуществ, наградил его памятью. И, собирая по крупицам, мои героини выложили своеобразный памятник своему прошлому, в котором кроме тяжеловесного тёмного цвета, играют блики поистине счастливых событий, такие как свадьбы, рождение детей, внуков... Но, видимо, так устроен человек, что горестные события оставляют более глубокий след в его душе. А поскольку речь ведется о поколении, чьё становление проходило в самые трудные годы для нашей страны, то и их тогда ещё совсем детская память сохранила самые остросюжетные моменты.

Вот как описывает виданное в своё время Ленинская стипендиатка, отличник народного образования, бывшая учительница Зотинской средней школы Валентина Филипповна Сколькович: «Я родилась в слободе Поповка Ростовской области. Через три дня после моего десятилетия министр иностранных дел Молотов объявил по радио, что, нарушив пакт о ненападении, фашистская Германия атаковала границы нашей Родины. Немцы бомбили, не переставая. Многие в страхе перед оккупацией двинулись на восток, но наша семья осталась. В 1942 году советские войска отступили за Дон и наша область была оккупирована. Вся слобода была заставлена техникой. Выяснив наш рацион, фашисты гусеницами танков перепахали все кукурузные и пшеничные поля, обрекая нас на голодную смерть.

В течение полугода хозяйничали чужеземцы, расставив повсюду своих старост и полицейских. Предатели выдали коммунистов и комсомольцев, от рук гестаповцев погиб и наш отец Филипп Задорожный. Мы не верили листовкам, которые распространяли гитлеровцы среди населения, где говорилось о падении Москвы и повсеместных победах германских войск. И действительно: в феврале сорок третьего были освобождены Ростов, Миллерово, Каменск и Шахты. Помню восторженные крики: «Наши, наши, ура!!!». И слёзы радости, с которыми мы встречали своих бойцов в белых полушубках и шапках с красными звёздами...

Войска ушли, а мы остались на своём полуголодном пайке. Мололи на самодельных жерновах сохранившуюся кукурузу, просеивали муку,

смешивали с крапивой и другими съедобными травами и пекли хлеб, а из крупы варили кашу. Основной рабочей силой были коровы и мы – ребятишки.

Здание школы, которое во время оккупации было оборудовано под госпиталь, было сильно повреждено немцами при отступлении. Окна были заложены кирпичом, сидели на том, что приносили из дома. Писали в тетрадях, сшитых из старых газет и листовок, используя чернила, сделанные из сажи, жёлтой глины и сока. Я окончила десять классов в своей родной Поповской школе и благодарна её учителям, давшим мне такие знания, что я смогла поступить в педагогический институт, что и определило всю мою дальнейшую судьбу».

По разному складываются эти самые судьбы. Порой создаётся впечатление, что чем ни труднее судьба, тем закалённее становится человек, выше его стремления к образованию, овладению какой-то профессией. Глядишь – и развернулся, сам в люди вышел и детей за собой повёл.

Если вы человек творческий и ваша рука так и тянется к перу и бумаге – поезжайте в деревню. Здесь темы просто «под ногами валяются», а истории, передаваемые из уст в уста, порой принимают просто анекдотичную форму. Спросила как-то: кто такая Екатерина Чеснокова? Ответили вопросом на вопрос: “Это та, которая на воротах рожала?” Сама же Екатерина уточняет: “Не на воротах, а на двери. Это я решила между дойками грядку морковки в огороде прополоть, слышу – спину-то как секанёт. Ну, думаю, это из-за вчерашних фляг. Сама тороплюсь, чтобы успеть, а оно вторично. Поднялась, смотрю, в сапогах сыро. Догадалась. Подхватила подол да в избу, а на двери – замок. Сам, видно, по делам ушёл. Я к сараю. Хорошо, что он дверь не успел навесить, я её на землю положила, с бельевой верёвки тряпку сдёрнула – и под себя... Такой сын родился! Вот продам свой дом и поеду к нему доживать”.

Неисповедимы пути Господни и человек на них – пылинка малая. Дунул ветер – и унесло её невесть куда. Ищут люди друг друга, а находят только их имена на мраморных памятниках.

Как-то будучи в церкви и проходя мимо священника, беседующего с двумя прихожанками, услышала: “Не ропщите на Господа. Он дал вам крест, но он дал вам и силы, чтобы его нести”.

И вспомнился вокзал. Подошла немолодая, с национальным оттенком в одежде, женщина и по-дружески спросила:

– Поезд ждёшь? – Окинула изучающим взглядом, добавила, – тяжёлый крест носишь, девка... А хочешь я тебе расскажу, откуда взял крест и почему в старину неграмотные люди вместо своей фамилии крестик ставили? Не знаешь. А потому, что, когда Бог создавал жизнь на земле, он каждую тварь метил крестом, кому – побольше, кому – поменьше. А когда очередь дошла до человека, у него лёгких крестов не осталось и он повесил на него самый большой и тяжёлый крест. А за то, что человек его покорно принял, Богу это понравилось и он наградил его умом. И соизмеримо с тяжестью креста – силой. Уразумела?

Объявили о прибытии поезда и она встала...

ЗАВЕРШИВ КОНКУРС, ПОДВЕДЯ ИТОГИ...

Вот и закончился наш конкурс. Радостно от осознания того, что он, Человек Труда, не забыт, обласкан благодарными потомками, теми, кого он воспитал и приучил к труду. Ведь нет среди представивших материалы ни одного человека, который бы не повторил путь своего учителя. Все авторы трудились не хуже своих наставников, являющихся для них примером, прошли жизненной стезей героев своих повествований, по достоинству оценив трудность и важность этого пути.

Оглянусь назад... Когда настало время подводить итоги, члены конкурсной комиссии оказались в некоем тупике: обещанных трех призовых мест в номинациях “Проза”, “Публицистика” и “Поэзия” оказалось мало, присланных и очень хороших материалов оказалось значительно больше. Посовещавшись, мы приняли решение: оценивать, ориентируясь не на количество призовых мест, а на качество присланных произведений. Исходя из этого, определить главный критерий оценки – “Лучший материал конкурса” в соответствующей номинации. Поэтому количество победителей конкурса резко возросло. Поверьте, было просто невозможно оценить призовым местом один прекрасный материал и не оценить другой, ни в чем не уступающий первому.

Победителями, приславшими самые интересные материалы в номинации “Публицистика”, стали:

- Лев Васильевич Скрипов за рассказ о людях района, работающих на земле, под названием “Живи, где пригодился”, Кетовский район;
- Наталья Героевна Захарова из села Мокроусово за серию рассказов о людях труда;
- Сафронов Юрий Александрович из села Воскресенское Половинского района за повествование о Герое Социалистического Труда Филимоне Половникове и заслуженной учительнице Галине Зиминной;
- Черепанова Лариса Юрьевна из села Кислянское за серию рассказов о людях юргамышской земли;
- Чернышов Виталий Анатольевич, Шатровский район, за рассказ

о редкой профессии гончара;

- Панкова Татьяна Петровна, Кетовский район, за рассказ о бабушке;
- Бунин Олег Вячеславович, Притобольный район, за рассказ о полном кавалере орденов Трудовой Славы Иване Николаевиче Прокопьеве.

Не менее сложное решение пришлось принимать членам конкурсной комиссии при определении лучших материалов в номинации “Проза”. Отраден тот факт, что в ней приняли участие различные по возрасту авторы, например, 17-летняя ученица Анна Алексева из Юргамышского района и 66-летний Александр Украинцев из села Лесники Кетовского района. Такие примеры можно продолжать. В ходе дискуссии были опеределены следующие лучшие материалы в номинации “Проза”:

- Ефремова Надежда Викторовна за рассказ “Доложу я вам”;
- Левченко Валерий Вячеславович, Мишкинский район, за рассказ “Нинка”;
- Украинцев Александр Михайлович за рассказ “Первая четверть”, Кетовский район, поселок Лесники;
- Томилов Андрей Андреевич, Шумихинский район, за рассказ “Водила”.

С лучшими работами в номинации “Поэзия” было несколько проще. Проще потому, что качественных произведений было немного. Поэтому выбор конкурсной комиссии остановился на двух авторах с присвоением им звания победителей:

- Пермякова Екатерина Викторовна, город Курган, за стихотворение “Великим труженикам”;
- Машников Михаил Александрович, Катайский район, за серию стихов о работниках деревообрабатывающего цеха.

Мы поздравляем победителей конкурса “Слово о Человеке Труда”! По большому счету с уверенностью можно образно сказать, что все, кто представил свои материалы, являются победителями праздника рабочих рук. Авторы гордятся людьми труда! А это значит, что конкурсе достиг своей цели.

СОДЕРЖАНИЕ

Агафонов Юрий Петрович.....	3
Аксенов Николай Алексеевич.....	13
Алексеева Анна Денисовна.....	19
Ахтамянова Людмила Геннадьевна.....	23
Булгычевский Андрей Витальевич.....	29
Бунин Олег Вячеславович.....	33
Валеева Танзиля Фаатовна.....	39
Виноградова Нина Николаевна.....	45
Верхнева Лариса Анатольевна.....	50
Воинков Виктор Павлович.....	55
Гилева Мария Афанасьевна.....	59
Доможиров Александр Яковлевич.....	64
Дуракова Анна Владимировна.....	68
Ефремова Надежда Викторовна.....	76
Захарова Наталья Героевна.....	82
Зими́на Людмила Николаевна.....	98
Калугина Нина Ивановна.....	102
Калугина Татьяна Ивановна.....	108
Карасев Анатолий Николаевич.....	110
Киланова Тамара Петровна.....	115
Коновалов Леонид Александрович.....	129
Кудрявцева-Кузнецова Надежда Яковлевна.....	136
Левченко Валерий Вячеславович.....	140
Ложкина Елизавета Ивановна.....	154

Мокрушникова (Росс) Татьяна Анатольевна.....	164
Никулин Валентин Никандрович.....	166
Панкова Татьяна Петровна.....	168
Пашков Виктор Алексеевич.....	175
Пермякова Екатерина Викторовна.....	186
Понамаренко Надежда Васильевна.....	188
Рыжова Ольга Викторовна.....	190
Сафронов Юрий Александрович.....	194
Сафронова Маргарита Валентиновна.....	214
Сергеева Лена Геннадьевна.....	215
Скрипов Лев Васильевич.....	220
Томилов Андрей Андреевич.....	232
Филимонов Владимир Иванович.....	240
Украинцев Александр Михайлович.....	248
Харлова Наталья Алексеевна.....	261
Черепанова Лариса Юрьевна.....	267
Чернышов Виталий Анатольевич.....	280
Манакова Ольга Павловна.....	296
Ваценкова Клара Семеновна.....	302
Машников Михаил Александрович.....	305
Воинкова Светлана Викторовна.....	311
Мордвинова Полина Денисовна.....	315
Куделькина Надежда Леонидовна.....	320
Баженова Любовь Михайловна.....	322
Владимир Филимонов. Завершив конкурс, подведя итоги.....	332

По итогам областного литературного конкурса

*Слово
о Человеке
Труда*

Компьютерная верстка – Владимир Филимонов
Фотографии – Сергей Сураев
При изготовлении обложки использовано фото скульптуры
Веры Мухиной “Рабочий и колхозница”
Обложка – Павел Севастьянов

Подписано в печать 29.11.2019 г. Формат 84х60/16
Объем 21,00 усл. п.л. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Заказ 812. Тираж 60 экз.

Отпечатано в ООО «Куртамышская типография» Курганской области
641430, Курганская область, г. Куртамыш, ул. XXII Партсъезда, 7.
тел/факс 8 (35249) 2-10-75.
e-mail: kurttip@yandex.ru